

antique

Unknown

Verbera veter peremen Bykova 682679
en

Unknown

calibre 3.42.0
15.9.2019
d2eb6a63-77c2-4b08-96eb-253f816c4bff
1.0

Дарья Быкова

Вербера. Ветер перемен

“Метаморфы – одна из высших форм нечисти. Виртуозно маскируются под человека, на деле же не имея с человеческой расой ничего общего. Жестокие. Беспринципные. Жадные, даже алчные.
Рекомендация: уничтожить при первой же возможности”.

Руководство для паладинов и инквизиции

“Метаморфы – один из самых эффективных видов нечисти. Умные и универсальные. Приручению не поддаются. Злопамятные.
Рекомендация: держать на поводке смерти. В случае малейших сомнений, немедленно убить”.

Пособие по чёрной магии, пятый уровень

Глава 1

Отражение в зеркале резало глаз. Непривычно было всё. Выше среднего

рост, тонкий нос, чёрные глаза и особенно – пепельные волосы. Научившись обращаться, никто из метаморфов не возвращается к первоначальному облику: куда лучше, веселее и спокойнее надевать личины одна за другой, как какая-нибудь человеческая модница меняет одежду...

Я бы тоже не стала, но первый рыцарь короля, паладин от Бога и, поговаривают, тайный возлюбленный королевы лорд Рравеш, вампир его дери, слишком хорошо различает малейшие оттенки магии. Сунуться к нему в дом – само по себе уже самоубийство, а уж сунуться в изменённом состоянии...

Нет, надо идти так, какой бы беззащитной я себя ни ощущала. Это чувство обманчиво. Не будет превращений, не будет и моего следа, и лорд паладин никогда меня не найдёт...

Я в десятый раз поправила туго заплетённые волосы, белоснежные манжеты, одёрнула передник. Чем не идеальная горничная? Особенно если глаза вовремя опускать. Нашупала в потайном кармашке письмо, и, накинув плащ, выскользнула, наконец, из дома. Великая богиня изменчивых, пускай мне повезёт как обычно. Или даже чуть больше, всё же в такие авантюры я ещё не ввязывалась.

Экономке, несмотря на крайнюю нужду – две горничные из трех вчера неожиданно взяли расчёт по семейным обстоятельствам, а третью ещё неделю назад отпустили навестить матушку в другом городе, я не понравилась. То ли глаза опустила недостаточно быстро и скромно, то ли излишне долгий взгляд дворецкого сослужил не лучшую службу, а может, недоверие внушил сам мой вид... Так или иначе, пожилая дама поджала губы, неодобрительно вздохнула и заявила:

– Здесь работать надо, милочка. А не хвостом вертеть.

Я подняла глаза, спокойно выдержала неприязненный взгляд – мысль о том, что вредная экономка может и ногу сломать на улице, здорово этому способствовала, и ответила со всей кротостью:

– Именно работу я и ищу, госпожа.

– Два серебряных в месяц, – выталкивает из себя госпожа. Правильная цена – две таких монеты в неделю, более того – это минимальная цена. Поэтому я встаю и молча направляюсь к двери. Разумеется, я устраиваюсь не ради денег, я бы сама ещё приплатила за возможность пошарить в кабинете лорда паладина, но всё должно выглядеть правдоподобно. Покажи я, насколько мне нужна данная работа, и скупая старуха ноги о меня вытрет, да ещё потом и не возьмёт. Я ожидаю, что она одумается, пока я иду, но если нет – что ж, я позабочусь, чтобы больше никто не пришёл, а сама завтра “случайно” попадусь ей на улице. Уверена, всего одной уборки этого особняка, сделанной своими силами, экономке хватит, чтобы сумма возросла до трёх серебряных в неделю, как и полагается.

Видимо, дамочка как раз представила себе объём той самой работы, потому что в шаге от входной двери я услышала:

– В неделю.

Другое дело, старая гримза. Совсем другое дело.

– Но даже не думай схлестнуть, вылетишь в тот же день!

– Разумеется, госпожа, – в моём воображении дамочка ломает уже вторую ногу.

– Приступай прямо сейчас, – делает мне величайшее одолжение экономка. Ничего, сочтёмся.

– Да, госпожа.

Разумеется, к покоям и кабинету хозяина гримза меня не подпустила.

Кряхтя и охая – я готова побиться об заклад, что на девяносто процентов это просто показуха – убирала сама. Ничего. Я так сразу и не

рассчитывала. Пару дней потерплю, а дольше дамочка сама не выдержит. Да и мне полезно осмотреться... Вот только бы лорд паладин эту пару дней тут не появлялся!

Увы, лорд Рравеш – чего ещё ждать от паладинов, природа их такая – гадская, не преминул заявиться в свой собственный дом, причём заявился даже до заката, что для приличного человека из высшего света вообще нонсенс и моветон. Да ещё и гостя с собой привёл, и какого! Инквизитор. Один из верхнего круга. Я знала, точно знала, что они не смогут меня узнать, даже заподозрить ничего не должны, в своём настоящем облике у меня нулевой магический фон, и всё равно – сердце взметнулось испуганной птицей, забилося о грудную клетку, кровь закипела, требуя немедленно превратиться в змею или в мышь, или в кого угодно, лучше всего в тень, хоть это я и не умею, но инстинкты ничего не хотят об этом знать – требуют исчезнуть. И одного из этих двоих хватит, чтобы сильно попортить жизнь и шкуру бедному метаморфу, а уж двое в одном месте...

Лорд Рравеш в лучших традициях аристократии не удостоил прислугу ни одним взглядом, и за это я ему была бы благодарна, если бы в принципе знала, что это такое. А вот второй... возмутительно долго разглядывает подол моего платья где-то чуть пониже спины. Я полирую какую-то статую в дальнем углу прихожей, и никак не могу заставить себя повернуться. Я ни за что на свете не хочу встречаться с этим масляным взглядом, который чувствую даже не то что кожей – юбкой! К счастью, этих двоих ждут дела, так что настырный инквизитор следует за хозяином дома в его кабинет, я же, пытаясь перевести дух, иду в сад. Может быть, потом найти этого инквизитора и прикончить? Так, для гарантии, чтобы точно никогда не узнал... Впрочем, он из верхнего круга, не стоит себе льстить. В саду к моим ногам тут же бежит кошка, и я, погладив её всего пару раз, торопливо возвращаюсь в дом. Так и проколоться недолго. Всем известно, что кошки любят метаморфов, ибо кошки – дети богини, как и мы...

Под пристальным взглядом экономки начинаю вытирать пыль по третьему кругу. Рабочий день у меня до заката, и хотя я уже прибрала всё, что она мне доверила, смотреть, как кто-то помимо неё самой бездельничает, гримза, похоже, не может, как и отпустить меня раньше. Так что я бестолково хожу из угла в угол, полируя и так чистые поверхности...

Приближение инквизитора чувствую загоя, и мне приходится сделать над собой колоссальное усилие, чтобы не обернуться раньше времени, чтобы не сделать слишком резкого движения, лишь бы он ничего не заподозрил... Оборачиваюсь я будто случайно: просто закончила вытирать давно не существующую уже пыль и повернулась идти дальше. Мгновенно опускаю глаза, костерю про себя неугомонного гостя паладина на чём свет стоит.

– Ты очень красивая, – говорит мужчина. Вот его бы тоже вампир какой задрал, а? У меня в этом деле всего одна попытка, потому что личину менять я не могу.

– Благодарю, господин, – обречённо шепчу. – Разрешите идти?

– Нет, стой, – тянет руку к моему лицу. Мне хочется рычать и кусаться, но жить хочется больше. – Я где-то тебя уже видел...

Вот уж бездарное враньё! Я сама себя в истинном облике уже сколько лет не видела, еле узнала, а уж этот-то...

– Какие-то проблемы, лорд Лейрон? – хозяин дома застыл на лестнице и, кажется, собирается спускаться к нам. Вот теперь я почти что паникую.

Сейчас спустится, и они вдвоём примутся меня рассматривать и расспрашивать?!

– Нет, нет, всё в порядке, лорд Рравеш, – удивительно быстро пошёл инквизитор на попятную. – Просто девочка симпатичная...

К чести лорда паладина надо сказать, что вопреки законам гостеприимства он и не подумал предлагать своему гостю понравившуюся тому служанку. Честь и хвала за это лорду. Но на то, что я собираюсь сделать, такая мелочь никак не повлияет.

Кристиан Рравеш стоит на лестнице до тех пор, пока его гость не уходит, а затем, снова не удостоив меня взглядом, идёт наверх.

Фух. Кажется, мне в очередной раз повезло, хвала богине! Вряд ли он даже рассмотрел моё лицо, максимум – запомнил приметный цвет волос, но это-то можно изменить и без магии, хоть и муторно. Я бы и сюда не сунулась со своим родным и слишком светлым, но проклятый Айгор не оставил мне времени...

Следующим утром я специально пришла чуть позже, чем оговорено, рискуя навлечь на себя недовольство экономки, зато гарантировано избежав встречи с хозяином дома. Впрочем, как бы госпожа Марийка на меня ни злилась, уволить она меня не смогла – по какому-то невероятному стечению обстоятельств вчера поздно вечером экономка оступилась и сломала ногу. Я ни при чём. Честно. Магия метаморфов замкнута на них самих, нам недоступно никакое воздействие на других людей, так что даже просто сглазить я и то её не могла. И масло на лестнице точно не проливала. Чудеса, да и только. Не иначе как богиня и в самом деле играет на моей стороне.

Экономка торжественно страдала в кресле, заливая боль от ускоренной регенерации большим количеством какой-то жидкости, подозрительно похожей на коньяк, а мне кроме обязанностей по уборке дома достался ещё целый вагон поручений. При этом уборки в покоях лорда среди списка заданий не было. Бдит, старая гримза... ну да ничего. После такого количества коньяка, она и завтра будет ни на что не годна, а не убирать в покоях хозяина более одного дня подряд – это уже совсем дно для уважающей себя домоправительницы.

Я поворчала для порядка, принимая список дополнительных обязанностей, и госпожа Марийка, морщась и обзывая нынешнюю молодёжь всякими разными словами, обещала доплатить. Так-то лучше. Люди доверяют тем, кого пришлось уговаривать, куда больше, чем тем, кто сам предлагает.

Одно из поручений экономки – вот честное слово, кажется, она выдала мне свою недельную норму, ни за что не поверю, что всё это пожилая женщина успевала за отведённые мне полдня – привело в торговые ряды, причём, далеко не самого высокого уровня. Подозревая госпожу Марийку во всех грехах сразу: от желания сварить приворот и выйти замуж за хозяина – а что, было бы смешно, так паладину и надо, просто потому что он паладин, до покушения на отравление короля, я всё же зашла в указанную лавку, назвала номер, который мне сообщила экономка и забрала дурно пахнущий бумажный пакет. Дурно – это для метаморфов, человек вряд ли что почувствовал бы, мне же хотелось выбросить неприятную ношу как можно дальше. Понюхать бы в изменённом состоянии – я могла бы сказать куда больше.

Среди людей бытует неверное мнение, что у метаморфа тысячи ипостасей. Нет, всего две. Своя, первоначальная, и вторая – изменённая и изменяющаяся. И вторая куда чувствительнее, быстрее, выносливее и сильнее... и заметнее для всех охотников на нечисть, с какими бы целями они ни охотились: убить или приручить.

Мы с пакетом, стараясь сохранять дружественный нейтралитет – я его несу, но как можно дальше от себя, а он не вырывается, уже проделали половину пути, когда богиня послала мне испытание.

– М-м-мяу!!! – не услышать этот отчаянный вопль было невозможно. Как

и звонкий залиvistый лай и не менее звонкий гогот.

Я знала, что увижу, ещё до того, как вывернула из-за угла. И точно.

Парни лет пятнадцати-шестнадцати, богато одетые, праздно шатающиеся и, кажется, несмотря на ранний час, принявшие на грудь подобно госпоже Марийке. Один из них держит за шкурку маленького рыжего котёнка, держит на вытянутой руке, а снизу беснуются собаки. Две злобных псины... Вокруг зеваки. Кто-то смотрит с жалостью, кто-то с жадным любопытством, но вмешиваться всем не по рангу. Да и ради чего? Вот и стоят, молча глазеют. Вздохнув, ставлю пакет в сторону. Не будь свидетелей, я бы просто убила этих троих. Для метаморфа сделать свою руку острейшим кинжалом – легче лёгкого...

– Господа, отдайте его мне! – я смиренно прошу, проклиная про себя зевак. Ничего. Если не выйдет спасти, я всех вас запомнила. Найду и убью, пусть и не сразу. На память не жалуюсь.

– Отдадим. После собак, – скалит зубы и громко смеётся долговязый невзрачный парень. Ему кажется, что он хорошо пошутил. Я отмечаю сутулые плечи, суетливые движения... изо всех сил старается выглядеть не тем, кто он есть. Он и сейчас стоит здесь не по злобе, а по глупости, но я не пастырь, чтобы прощать идиотов.

Заводила – тот, кто держит котёнка – рыжий, крепкий, но невысокий парень, скользит по мне оценивающим взглядом.

– За поцелуй, – наконец, говорит он. И показывает, что целовать его надо где-то пониже ремня на штанах.

Теперь я клянусь последними словами. Вот что стоило, заслышав шум, сменить ипостась и выйти уже в другом облике. А если бы ещё пакет где припрятала, глядишь, и вообще можно было бы прикончить их прямо тут. Ну пошумел бы город пару недель, что бесчинствует оборотень, походила бы в родном облике, который не фонит и который никто ни в чём не подозревает... теперь же мой родной облик видело слишком много людей, а я очень хочу жить. Настолько, что даже к паладину вон полезла...

– Господин шутить изволит? – тяну время, не зная, что предпринять. Одновременно делаю шаг вперёд – быть поближе. Подхватить, если бросит. Кошачий вой рвёт душу, сжимаю кулаки. Человеческий бог явно некоторых своих подопечных недоделал. И, хочу заметить, что процент брака у человеческого бога крайне велик! Мог бы сосредоточиться на качестве, а не на количестве...

– Господин оказывает тебе милость, – отзывается рыжий, кажется, уже и в самом деле настроившись на новое развлечение в виде так кстати подвернувшейся служаночки.

Я протягиваю руку и забираю котёнка. Рыжий детина ухмыляется, собаки принохиваются с недоумением – не могут понять: то ли напасть, то ли бежать прочь. По запаху я типичный человек, но, видимо, есть ещё какое-то чувство, которое порождает в собаках смутное беспокойство. Впрочем, вряд ли этого хватит, чтобы они отступили.

– Не хочешь целовать, будешь вместо котёнка! – щурится заводила. – Ату!

Я срываюсь с места раньше, чем он договорил. В собак летит пакет с дурными травками, надеюсь, отобьёт нюх и поубавит им энтузиазма, я же со всех ног бегу по улице, прижимая к груди несчастного котёнка. Слышу, как собаки жалобно скулят и фыркают, то ли и в самом деле потеряв нюх от травок, то ли благоразумно рассудив, что связываться с человеком, и ещё вопрос с человеком ли – совсем не то, что с беспомощным котёнком, что бы там глупый хозяин ни приказывал... В любом случае, у них и у меня прекрасное алиби в виде на редкость вонючих травок. Я уже завернула за угол, когда рыжий опомнился:

– Собак моих попортила, дрянь?! – донеслось мне вслед. – Ну я тебя!.. Торопливые шаги трёх пар ног. Я чуть притормаживаю перед следующим поворотом, чтобы господа не утратили ориентир. Если эти дурачки так и будут сбивать себе дыхание, сотрясая воздух бесполезными приказами и не очень-то искусными ругательствами, придётся вообще на шаг перейти. Кто ж так гонится? Мне что, упрашивать их пойти за мной?.. Ну же, давайте, слабаки. Всего-то несколько сотен шагов надо пробежать... и желательно бежать достаточно быстро и азартно, чтобы не понять раньше времени, куда я вас веду.

В каждом городе есть места, куда не следует ходить людям. Места, куда и паладины не любят заглядывать, а стража – та и вовсе обходит по широкой дуге, не решаясь поднять глаза. Прекрасный будет урок для зарвавшихся выроdkов – ощутить себя на месте беспомощного котёнка... Был момент, когда они чуть не повернули назад. Но нет. Привычка к безнаказанности, избалованность, желание поймать и наказать дерзкую простолюдинку, азарт и похоть не оставили ни одного шанса благоразумию, и они даже не поняли, когда район поменялся...

Я же просто запрыгнула на крышу дома за очередным поворотом – здесь не жилище паладина, здесь можно и превратиться чуток, и оттуда, глядя мурлыкающего котёнка, наблюдала за бестолковыми метаниями невезучей троицы. Почему невезучей? Потому что их уже заметили, и к ним уже идут. Вот парочка явно скучающих оборотней, а вон и ещё один с другой стороны подтягивается... Дальше я не стала смотреть. Не интересно. Убить – не убьют. Наверное. Напугают до заикания, оберут, может, сил отопьют... Котёнка я выпустила на чердак дома, где уже жила кошка с котятами. Живи долго и интересно, малыш. Здесь чтут богиню, а значит, не обидят...

Глава 2

Не особо надеясь, я всё-таки вернулась на место конфликта: вдруг мешок с травками каким-то чудом уцелел? Зеваки уже разошлись... а вот собаки остались. И слегка потрёпанный пакет с травками лежит между ними. Стоило мне оказаться ближе, чем в пяти шагах от них, и псины начали скалить зубы и рычать, показывая, что добычу не отдадут. Будь сейчас ночь, или будь это место безлюдным и необитаемым, я бы разделалась с собаками ещё легче и охотнее, чем с их дурными хозяевами. Но на дворе белый день, на окнах домов то и дело колышутся занавески, да и прохожие, хоть и редко, но есть... Надо обходиться тщедушным человеческим телом и его очень скромными возможностями. Нельзя, чтобы с моим настоящим обликом связали хоть какую-то странность. То, что придурки забежали не в тот район – ерунда, главное, чтобы на месте конфликта не было ни капли моей магии...

– Отдай! – решительно приказала я, делая шаг вперёд. Одна из собак вскочила и, поджимая хвост, сделала шаг навстречу, рычание стало громче. Плохо.

Но если не получилось с наскока – видимо, одинокая девушка не кажется псам хоть сколько-нибудь значимой угрозой, а смутное беспокойство уже забыто, ведь я веду себя как человек, попробуем по-другому.

– Грымза меня уволит, – доверительно сообщила я собаке, замерев на месте. – А мне работа очень нужна, понимаешь?

Собака чуть склонила голову на бок, подняла уши. Не понимает, но слушает.

– Тебе ведь не нужны эти травки, правда? – ласково проворковала я, и сделала малюсенький шаг вперёд. – А мне без них никак нельзя... понимаешь? Ты ведь умная, хорошая собачка... красивая. Мудрая.

Большая, сильная...

Собака рыкнула, но чуть отступила. Беда только, что у меня хвалебные прилагательные заканчиваются, заговаривать зубы – не моя сильная сторона. Но, кажется, в данном случае важен тон, так что к тому моменту как я оказалась всего в шаге от заветного пакета, про гримзу, которая меня уволит, я успела сообщить раз десять. Причём, с неласковыми прилагательными в сторону гримзы дело обстояло куда лучше, чем с хвалебными в стороны псины...

Я была очень близка. Я присела и под пристальными взглядами обеих собак уже протянула руку к мешку раздора, и тут раздался женский вопль:

– Ох! Какой ужас! Лорд, сделайте же что-нибудь! Эти звери сейчас разорвут бедную девочку! О, мне плохо!

Псины вздрогнули от резкого звука, стряхнули напавшее от моего монотонного речитатива оцепенение, и одна из них, видимо, вспомнив про службу, вцепилась-таки мне в руку. У меня было время, чтобы призвать силу, сделать запястье скалой, о которую сломает зубы любая собачища, но свидетели! Свидетели! Будь они дважды укушены и трижды полюблены каким-нибудь вампиром или оборотнем... Особенно эта дамочка, да и неведомый лорд тоже, чтоб его... Чего он медлит? Пусть уж и в самом деле делает что-нибудь, а то отрастить новую руку я не факт, что сумею, да и больно мне!

Впрочем, тут я была несправедлива. Буквально секунда, и собака с жалобным воем летит прочь, перекатившись по земле и вскочив на лапы в паре десятков шагов, поскуливая, догоняет вторую – та улепётывает от кнута с весьма впечатляющей скоростью.

Резкий, не терпящий возражений голос:

– Покажи руку!

Я спрятала прокушенную и кровоточащую ладонь подальше за спину и подняла взгляд. У лорда первого паладина, оказывается, очень чёрные глаза. Слишком чёрные для воина света. Будь я инквизитором, за один такой взгляд отправляла бы на костёр, иная нечисть куда скромнее и благочестивее смотрит.

Опомнившись, опускаю глаза. На пару секунд позже, чем следовало бы, но чего уж теперь. Что значил со стороны паладина затянувшийся взгляд, даже думать не хочу. Страшно.

– Всего лишь царапина, сиятельный лорд. Не стоит вашего...

Видимо, у лорда паладина нет времени на пререкания с излишне скромными или просто туповатыми служанками, он бесцеремонно поднимает меня, подхватив под мышки, а затем на запястье моей здоровой руки смыкаются жёсткие пальцы. Наверное, лорд паладин ничуть не горячее обычного человека, но мне его прикосновение кажется обжигающе-горячим, как будто бы это уже инквизиторские клещи...

То, что произошло дальше, я не могла предположить даже в самой невероятной и невозддержанной фантазии, да и никто не предположил бы, я уверена. И списать произошедшее можно разве что на патологическую жадность уважаемого лорда – вероятно, он приравнивает слуг к своему имуществу, и ему жаль, что имущество попортилось... Так или иначе, Кристиан Рравеш вздумал меня лечить. И оказись он, как и полагается паладину и воину света, обладателем белой магии, я бы скончалась на месте в страшных муках, не имея возможности закрыться от такой волны силы и прямого физического контакта. Вырваться из хватки вроде бы и не сильно сжимающих запястье пальцев – нечего и думать...

Но лорд – вот так сюрприз! – чёрный маг. Чернее не бывает, не зря у него такой взгляд... и я еле сдерживаюсь, чтобы не застонать от

обрушившегося на меня удовольствия. Тёмная сила – восхитительное наслаждение, чистый кайф и настоящий наркотик для любой нечисти. Узнай кто, что паладин “кормил” метаморфа, мне и делать больше ничего не понадобится... жаль только, что гореть в очистительном костре вместе с “кормильцем” придётся и метаморфу, так что этот вариант мне, по понятным причинам, не подходит.

Рука заживает мгновенно. Ещё бы. Лорд был так щедр, что и у обычного человека всё бы затянулось, вот только для обычных людей нет никакой разницы – светлая или тёмная сила. Не маг даже и не поймёт, чем на него воздействовали.

Сеанс лечения закончен, и я еле удерживаюсь от того, чтобы потянуть руку к себе. Чего он медлит?

– Благодарю, лорд паладин, – выдыхаю, поднимая глаза. Я очень старалась, чтобы прозвучало с благодарностью и испугом, но получилось... томно. Я бы даже сказала страстно. Не приглашающе, нет, но на грани, и взгляд мужчины темнеет ещё больше, хотя больше, казалось бы, и некуда. И руку он мою так и не спешит отпускать, и клещи... то есть пальцы как будто бы становятся ещё горячее и чуть мягче.

– Лорд!

Спасительница! На плечо Кристиана Рравеша ложатся тонкие пальчики. Высокая, невероятно изящная женщина с вьющимися рыжими волосами. В её тоне столько всего... но явственнее прочих слышится команда “фу!”.

Фу, лорд Рравеш, не подбирай с земли всяких покусанных служанок... – Леди, – холодно отзывается мужчина. И я, не избалованная светской жизнью, перевела бы это как “ша!”. – Вернитесь, пожалуйста, в экипаж. – А вот и команда “место”.

Девушка, вспыхивает – с рыжими это происходит очень легко, и получается очень ярко, и бросив негодующий взгляд на меня и на начавших снова собираться зевак, молча уходит.

– Ты тоже идёшь в экипаж, – Рравеш отпускает-таки мою руку, и – вот уж никакого понятия у человека об этикете и субординации – поднимает с земли, вручает мне злосчастный пакет. – Я тебя отвезу.

Не знаю, о чём думала рыжая девушка – я старательно не поднимала глаз всю дорогу, и всё, что видела – кусочек её роскошного зелёного с серебряным платья и чёрные, невыносимо блестящие сапоги лорда, но в основном – дурно пахнущий пакет на своих коленях. В том, что служанка едет с господами в экипаже, нет ничего такого уж необычного, но вот изменение маршрута специально, чтобы эту служанку куда-то завезти... так или иначе, леди хранила ледяное молчание, как и лорд. Но сопела крайне выразительно – ещё выскажет ему. По крайней мере, попытается. Когда Рравеш собственноручно открыл для меня дверь экипажа возле своего дома, я поняла – остаться в глазах первого паладина неприметной и ничем не выделяющейся из серой массы остальных слуг точно не получилось.

Следующим утром гримза швыряет в меня ключами, едва я переступаю порог:

– Приберись в покоях лорда!

Я беру ведро, швабру, метёлку для пыли и поднимаюсь вверх, предполагая увидеть в хозяйских покоях всё, что угодно: от полностью голого паладина, растянувшегося во весь рост в необъятных размеров кровати в ожидании новой игрушки, до вооружённого до зубов и, разумеется, в отличие от паладина полностью одетого отряда инквизиции. Неспроста ведь это, ой неспроста. Особенно после вчерашнего...

В покоях пусто. Спокойнее от этого не становится, но я осматриваюсь с

самым беззаботным видом, на который способна, демонстрируя слегка смущённое любопытство. Кровать у лорда, кстати, не так уж и велика, всего-то полтора моих роста как вдоль, так и поперёк. Зато никаких излишеств в виде золотых вензелей или ангелочков не наблюдается.

Строго и аккуратно. Поставив ведро в центр комнаты и кое-как пристроив к нему швабру, осматриваюсь. Заглядываю в каждую из трёх дверей – оценить объём работы, и убедиться, что не прячется там какой-нибудь соглядатай, чуть-чуть кручусь перед зеркалом, вздыхаю при виде огромной ванны – это ж всё надо мыть! И невольно застываю перед портретом лорда в его кабинете.

На портрете Кристиан Рравеш в полный рост, и он слишком... живой.

Матово светится смуглая кожа, переливается чёрная как смоль коса, змеится по губам неприятная усмешка... пожалуй, я понимаю, почему сиятельный лорд предпочёл сие творение великого мастера спрятать, не вывесил в гостиной, как нынче модно. Портрет говорит о лорде слишком многое, показывает и тёмную магию, и непростой характер...

А бросив взгляд на глаза, я и вовсе вздрагиваю – ощущение, что портрет на меня смотрит. Оценивающе, и я бы даже сказала, что оскорбительно. Дальше ощущение взгляда преследовало меня везде. И когда я вытирала пыль в кабинете, не коснувшись и пальцем словно нарочно оставленных на виду бумаг, и когда, подоткнув юбку, добросовестно тёрла пол в спальне, и даже когда всё так же с закатанной юбкой драила ванну... Здесь взгляд ощущался сильнее всего, я даже оглянулась пару раз. Нет, ничего и никого...

* * *

Лорд Кристиан Рравеш, Божьей милостью первый паладин Его Величества Киррона.

Девчонка сразу показалась странной. Нет, вела она себя как образцовая горничная, вот только не работают девушки с такой внешностью и с такими выразительными глазами обычными горничными за пару-тройку монет в неделю. Нет, они живут совсем другим. В роскоши и страсти, по крайней мере, лет до тридцати-тридцати пяти, а затем выходят замуж за обнищавшего дворянина и изо всех сил демонстрируют респектабельность, тратя заработанный в распутной молодости капитал... и активно порицая своих последовательниц.

Но он и думать о ней забыл, как только скрылась с глаз, и уж конечно не стал бы лично проверять и присматриваться – дел хватает и без того, чтобы следить за каждой смазливой горничной, но...

Она не плакала. Огромная псина прокусила ей руку, кажется, до самой кости, а девчонка не проронила ни одной слезинки, и даже не вскрикнула, в отличие от громко и истерично вопящей спутницы. Лорд Рравеш ещё не встречал ни одной девушки, любого происхождения, которая в подобной ситуации не обливалась бы слезами. Это было уже совсем странно, и оттого увлекательно. Несомненно, девчонка – засланный агент, и с задачей запасть если не в душу, то хотя бы в мысли лорда она справилась отлично. Ну что ж, теперь ход за ним, и он его уже начал: показать доверие, потом участие... Выявление шпионов – это как рыбалка. Приманить, подкормить, дать то, что нужно.... А потом подсечь! Это было совсем не обязательно, он и так узнает, если девчонка тронет что лишнее в покоях, но почему-то Кристиан Рравеш решил присмотреться за горничной лично. То ли потому что она слишком долго глазела на его портрет, то ли просто от скуки – чем ещё заняться паладину в ожидании аудиенции Его Величества?

Девчонка снова вела себя как образцовая горничная, и даже лучше. Она

не то что не тронула бумаги, она даже и не попыталась прочесть, что написано хотя бы на верхнем листе, и Кристиан уже собирался разорвать связь с зеркалами и портретом, через которые подсматривал, но тут она закатала юбку, и почему-то избалованный женским вниманием лорд остановился. В конце концов, король ведь пока не позвал... а созерцать красивые женские ножки куда приятнее, чем обмениваться неприязненными взглядами с Главным Инквизитором. За это лорд был вознаграждён... или же наказан, как посмотреть – горничная добросовестно намывала ванну, а он не мог отвести взгляда от подола, колышущегося теперь куда выше уровня колен. И даже чуть не пропустил приглашение на аудиенцию, секретарю Его Величества пришлось повторить. Что ж, если девчонка здесь с целью влезть к нему в постель и в душу, то первое он готов ей предоставить, второе же... второго, кажется, у него уже давно нет.

Глава 3

– Как тебя зовут?

Вздвогнув, оборачиваюсь. Вот это да! Для метаморфа пропустить приближение паладина – верная смерть и несмыслимый позор. И то, что я в человеческой ипостаси, меня не оправдывает, как и то, что тут весь дом пропах магией этого лорда. Всё равно непростительная беспечность.

Злясь на себя, громынула кастрюлей об кастрюлю – в наказание за излишнее внимание лорда или же в назидание по этому же поводу, гримза отправила меня на кухню. А что? Уборка так уборка, не всё же в хозяйских покоях прохлаждаться...

Кристиан Рравеш развернул стул и уселся на него верхом, сложив руки на спинке. Видать, надолго...

– Лиза, господин, – сухо сообщила я. Почему-то первым желанием было выпалить совершенно неуместную правду – “Вербера”, пусть и сокращённую до менее приметного “Ирби”. Колдует, лордик, как пить дать колдует. – Чем могу служить?

– Я удивлён, что ты не плакала... Лиза. Когда тебя покусала та собака. Это ж надо так произнести имя. Как будто бы он слаще слова в своей жизни не слышал...

– Я никогда не плачу, лорд. – Чистая правда, между прочим. Этим и следовало бы ограничиться, но колдовство лорда толкает меня на излишнюю откровенность. – Плач – это зов на помощь. Тому, кто знает, что помощи не будет, незачем рыдать.

С досадой закусываю губу и с удвоенной силой тру кастрюлю. Из-под толстого слоя пригоревшего жира показывается блестящий кусок. Ну вот. Теперь придётся всё оттирать...

– Трудное детство? – тем временем интересуется лорд, внимательно изучая мою спину.

Я неопределённо пожимаю плечами – вообще-то, к детству у меня нет никаких претензий. Все мои претензии к конкретным людям, и хотела бы я сказать, что эти люди уже закончили или вот-вот закончат свой земной путь, но увы. Не все и не всегда, но я не отчаиваюсь. Придёт и их время...

– Невероятно красивая девушка, которая никогда не плачет, ещё и совершенно не болтлива... – задумчиво тянет Кристиан. – Но ведь идеальных женщин не бывает... Лиза. В чём подвох?

В том, что я – метаморф и твоя гибель, настырный ты лорд! А ещё от твоего, как тебе кажется, ненавязчивого и незаметного колдовства у

меня голова болит и настроение портится!

Я всё же удерживаюсь, пусть и не до конца – в тоне явно сквозит недовольство:

– Полагаю, в скверном характере... лорд!

Паладина ни тон, ни сам ответ несколько не смущают.

– В таком случае, у нас с тобой много общего, Лиза. – Голос лорда – мягчайший бархат. – Поужинай со мной.

На мгновение я испытываю соблазн поиграть в эту игру – потупиться, покраснеть, проблестать что-то про то, что мне ещё надо домыть все эти кастрюли, прополоть пару клумб и выполнить с десяток других поручений... и если я при этом буду убедительно хлопать ресницами и вовремя бросать привлекающие взгляды, то уважаемая госпожа экономка отправится делать всё озвученное самостоятельно, я же – прямиком в покои лорда. А оттуда – в подвалы Инквизиции, потому что первый паладин – это не маг-недоучка, которого можно годами водить за нос... Вот только как отказать и моментально отсюда не вылететь? А вдруг лорд из тех, кто отказа в принципе не приемлет? Как мне от него тогда отделаться? Я посмотрела на кастрюлю – не ею же мне обороняться против чёрного-то мага в его доме? Сковорода была бы сподручнее. Увы, лорд ждёт и приказ свой забирать не торопится... Надо что-то ответить.

Тяжёлый вздох и “Простите, господин” – всё, что я смогла придумать.

– Не хочешь? – голос лорда всё тот же бархат, но мне мерещится в нём настолько искреннее удивление, что на лицо наползает неуместная ухмылка. Хорошо, что я к нему спиной. Повторяю:

– Простите, господин.

За спиной тишина, и я не выдерживаю – оборачиваюсь. Может быть, настырный лорд уже ушёл?..

Как же. Сидит всё так же на стуле, и смотрит... И в глазах его бесится тёмная сила, тянет, требует, обещает... У меня начинает кружиться голова, я еле удерживаюсь от того, чтобы сделать шаг вперёд... потом ещё один, и ещё, и так до тех пор, пока не окажусь совсем рядом...

– Кто ты? – спрашивает Кристиан Рравеш. И тьма в его глазах тоже спрашивает.

– Л-лиза, – с трудом отвечаю я. Прикинуться дурочкой – почти всегда беспроектный вариант. Вот только врат стало совсем тяжело.

Спасает меня дворецкий. Он невозмутимо wpłyвает на кухню, словно это гостиная лорда, держа в руках поднос, на котором лежит небольшая визитная карточка:

– К вам посетительница, лорд!

– Проводи ко мне, – распоряжается Рравеш, даже не взглянув на карточку. Кого-то ждал? Но к чему тогда зазывать служанку на ужин? Или лорд просто и так знает, кто пришёл, а дворецкий лишь соблюдает ритуал, дань приличиям?

– Л-лиза, – мягко передразнивает меня лорд, поднимаясь со стула. – Ещё увидимся.

И уходит, слава богине – наконец, уходит!

Паладинам, понятное дело, верить нельзя, но в данном случае я верю – Рравеш и в самом деле не планирует оставлять меня в покое. И тут уже не так важно, что им движет – похоть, интуиция или любопытство, что бы там ни было, при малейшем моём промахе интерес этот обернётся для меня подвалами Инквизиции. Или мгновенной смертью, если лорд будет милосерден. Я, разумеется, отчаянно не хочу ни того, ни другого.

По дороге домой меня дёргает Айгор. Дёргает в прямом смысле этого слова – вокруг горла сжимается невидимая петля, она жжёт и душит, но, к счастью, всего секунду. Вздохнув, ускоряюсь – надо успеть забежать

домой, поменять не только внешность, но и одежду – мужчина в платье горничной будет смотреться нелепо и вызывающе... К Айгору я всегда хожу в личине мужчины, и один из самых больших подарков богини в моей жизни – маг верит, что это – мой настоящий облик, не знает, что в истинном облике у метаморфа нет магического фона, и я искренне надеюсь, что никогда и не узнает.

Разумеется, я подстраховалась – в том же доме, где снимает комнату горничная Лиза, поселился за сутки до неё молодой человек, приехавший в столицу по делам с недвижимостью. Горничная молодому человеку, судя по всему, приглянулась – он выпрашивал хозяйку про неё, так что если кто и засечёт, как Филипп выходит из комнаты горничной или же Лиза, наоборот, попадётся у двери Филиппа – ничего удивительного. Познакомились, поладили... погрешили. С кем не бывает.

Айгор нетерпелив – я ещё только застёгиваю многочисленные пуговицы на рубашке Филиппа, а он снова дёргает за поводок, заставляя судорожно пытаться сделать вдох и порождая звёздочки в глазах... Когда-нибудь я его убью. Иногда, в моменты полного отчаяния, мне даже снится, как я вырываю сердце из его груди. Самонадеянно, но сон повторяется из раза в раз, и я смею считать это обещанием богини. Когда-нибудь она подарит мне этот шанс. Пока же... я не то что не могу сама его убить, я кровно заинтересована, чтобы никто другой не убил – как только остановится сердце мага, держащего поводок смерти, эта самая смерть найдёт и метаморфа, так опрометчиво попавшегося когда-то...

В дом Айгора меня в виде Филиппа пускают без каких бы то ни было вопросов, разумеется, всегда с чёрного хода. Без сопровождения поднимаюсь в кабинет – раньше меня всегда водил дворецкий, потом, видимо, маг расслабился, решил, что ложечки и другое фамильное серебро метаморф тырить не будет. Рано расслабился, но я пока что и в самом деле воздерживаюсь от пакостей – мелкие меня не успокоят, а для большой нет возможности.

– Ну? – Айгор сидит в кресле и пьёт. Судя по выдыхаемому аромату, пьёт уже давно и что-то забористое. – Не готово ещё, м-метаморф?

– В течение недели, – отзываюсь, усаживаясь в кресло напротив.

– Слишком долго, – кривится мужчина. Трёт лоб, и от прикосновения на бледной коже остаются красные пятна. – Может быть, ты дуришь меня, метаморф?

Глаза мага опасно сужаются, и я невольно задерживаю дыхание, стараясь унять зачастившее сердце. Нет, я не боюсь его, но я знаю, что

сейчас будет больно. Ни одна встреча с Айгором не проходит без этого – как же не подёргать за поводок, привязанный, кажется, прямо к нервным окончаниям несчастного метаморфа, как не ощутить свою власть...

Но в этот раз он почему-то медлит. И снова пьёт.

– Этого мало, – наконец, изрекает маг. – Просто подставить – мало.

Коронованная дура есть у него из рук готова... и ещё много на что готова, будет защищать... Ты... Ты рассоришь их! – глаза у мага неприятного серого цвета. Впрочем, в данном случае мне бы любой цвет не пришёлся по душе.

Похоже, у Айгора к первому паладину что-то личное. С чего бы ещё он так надирался и распинался...

– Ты отправишься на бал в честь дня рождения королевы, и соблазнишь его. Сделаешь так, чтобы он потерял голову и публично ею пренебрёг.

Такое унижение она быстро ему не простит... – маг мечтательно прищуривается, я же еле слышно вздыхаю – кажется, он сильно перебрал и принимает меня за джина. Но донести до него абсурдность такого волеизъявления я не успеваю.

– Сделаешь всё как надо, и я освобожу тебя, Филипп, клянусь своей силой! Как только Рравеш издохнет опозоренный и всеми покинутый, лишённый силы и регалий, от руки палача на главной площади... в этот же миг ты станешь свободным!

Айгор замолкает резко, словно в изумлении от того, что такое сказал.

Может быть, не зря считают, что язык пьяных принадлежит не им, а богине? Как иначе с его губ могла слететь такая клятва?..

Я боюсь поверить. Но всё же нахожу в себе силы сказать:

– Я постараюсь, маг. Будь уверен, я очень постараюсь.

Укладываясь спать, я была уверена, что мне приснится свобода и ещё горячее сердце бывшего хозяина в моих руках. Разумеется, он не отпустит так просто. Обложится клятвами, амулетами, а то и телохранителями... но в любой клятве есть лазейка, а я умею ждать. Однако приснился мне почему-то Рравеш. Во сне он сидел точно так же верхом на стуле, щурил тёмные глаза и перекачивал на языке моё настоящее имя:

– Ир-рби... кто ты, Ир-рби?

И от этого “Ир-рби” сердце то растерянно застывало, то пускалось вскачь.

Следующим утром моросит дождь, а в покоях лорда обустроилась женщина. Вчерашняя гостья лорда Рравеша решила задержаться, и теперь ей нужна помощь, чтобы привести себя в порядок. И кто должен ей помочь, как не горничная?

Всё это госпожа экономка выдала мне с плохо скрываемым, хотя, возможно, ею самой до конца не осознаваемым, злорадством. Дескать, знай своё место, вертихвостка. И как с лордом ни заигрывай, наутро

пойдёшь прислуживать какой-нибудь из его благородных с виду дам...

Я и пошла, опустив голову – пусть гримза порадует, решив, что я в печали. Я же, на самом деле, в задумчивости – слишком странно всё складывается. Вроде бы и удачно – я вон каждый день уже в покои лорда наведываюсь, а уж одна клятва Айгора чего стоит, но мне начинает казаться, что судьба вдруг лишила меня выбора, и гонит узкой, строго предопределённой дорожкой прямо в капкан...

Вопреки моим ожиданиям, женщина в покоях лорда оказалась вовсе не рыжей, а блондинкой. Графиня Айра – тридцатилетняя вдова, совсем недавно прекратившая носить траур по мужу. Светлые волосы, голубые глаза, полные губы. Фигура – песочные часы. Красивая, на мой взгляд. Пока рот не откроет. Впрочем, вряд ли лорд пригласил её для бесед на ночь глядя...

– Что так долго? – капризно полубопытствовала сидящая в кресле женщина, скользая по мне сначала равнодушным, а затем становящимся всё более неприязненным взглядом. Кажется, моя внешность пришлась ей не по душе. – Приготовь мне ванну, лентяйка. И поможешь помыть голову! Надеюсь, сумеешь...

Я молча изобразила реверанс и отправилась наполнять ванну. Знание, что я могу голыми руками свернуть шею почти любому из пытающихся утвердиться за мой счёт людей, сделало меня очень терпеливой и спокойной. Разумеется, я не убиваю на самом деле за такую мелочь, но я не чувствую себя беспомощной, как чувствовала бы настоящая горничная. А ещё сегодня в покоях не было ощущения взгляда. Так что я успела даже помечтать, что пока графиня будет в ванной, я отлучусь за полотенцем, или шоколадом – некоторые дамы любят пить шоколад, лёжа в ароматной пене, и подложу-таки куда-нибудь письмо. Графиня, сама того не зная, обеспечит мне и алиби и возможность. Может быть, она же поможет мне и на балу, раз уж Рравеш так к ней вспылал, что оставил у себя?

От мелкой мести я воздержалась – не стала делать ни воду слишком горячей или холодной, ни выдирать графине волосы, помогая мыть голову – и так у неё их не то чтобы много... Даже когда она вдруг ни с того ни с сего поинтересовалась, оказываю ли я подобные услуги Рравешу – тоже не стала. Как и отвечать на вопрос. Хорошие слуги не болтают о хозяевах, а я на ближайшие несколько дней – идеальная горничная, что бы там ни думал излишне внимательный ко мне лорд... Графиня и в самом деле отправила меня за шоколадом на кухню, потом за книгой, потом снова за шоколадом, но дверь в кабинет сиятельного лорда, увы, закрыта, причём, закрыта заклинанием. Похоже, не очень-то доверяет лорд своей гостье. Впрочем, думаю, что не доверяет он никому, а вчера было просто испытание.

– Ты давно служишь здесь? – спрашивает женщина, оставляя прочь полупустую чашку. – Слишком сладкий, неумеха. За что тебя только Кристиан терпит?..

– Не так давно, как госпожа Марийка, мадам, – коротко отзываюсь я, выбрав один вопрос, который имел хоть какой-то смысл, пусть и небольшой. Забавно, но графиня своими вопросами рассказывает куда больше, чем сама узнаёт из моих ответов. Например, теперь я точно знаю, что раньше в доме у лорда она не бывала, или бывала очень давно, иначе бы не спрашивала... А ещё её поведение: и лихорадочный блеск в глазах, и обилие вопросов, и желание побывать везде, пометить собой каждый угол покоев, говорит о том, что близости не было. Не так выглядит женщина, которую накануне любили... и странно, что я об этом думаю. Словно мне есть какое-то дело до того, кого, когда и в каких позах любила моя будущая жертва... Впрочем, спишем это на внимательность и привычку всё подмечать.

– Часто у него ночуют женщины?.. – леди пытается задать вопрос равнодушно-презрительно, а получается жалобно-тоскливо.

– На моей памяти, вы – первая, мадам, – честно отзываюсь я, и женщина просто расцветает. Наивная.

Теперь я уже не неумеха и лентяйка, теперь я – милочка. И после водных процедур дама меня не отпускает – усаживается в кресло перед зеркалом, и я битый час вожу по её волосам расчёской. Словно от этого они должны вырасти или стать гуще... В какой-то момент мне мерещится из зеркала пристальный взгляд, как вчера, когда я убиралась в покоях, но это ощущение мгновенно пропадает, и я не могу точно сказать было или нет, успокаивая зачастившее сердце и в сотый раз проводя щёткой по светлым волосам...

Графиня упоительно любит себя в спальне лорда, я же размышляю о делах более приземлённых и насущных. Сегодня мне в кабинет не попасть. Завтра, вероятно, тоже... А через пару дней уже бал по случаю дня рождения королевы, и мне надо бы осуществить подлог до него. Может быть, подложить в почту, которую дворецкий чинно приносит лорду каждый вечер? Но лорд ведь сразу обнаружит это письмо и доложит королю. Ну или просто уничтожит... Может, спрятать в подушку или матрас? Для любовной переписки вариант неплохой, но для письма, где речь о государственной измене – совершенно не то. Не хранят такие письма. Вообще не хранят. Так что и матрас, и подушка, и даже тайник на заднем дворе отпадают. Остаётся кабинет или почта. Но как сделать, чтобы лорд не прочёл, пока не явится доблестная Инквизиция?..

Лорд Рравеш – лёгок на помине – появляется так неожиданно и неслышно, что я, увидев вдруг его отражение в зеркале, вздрагиваю и невольно дёргаю графиню за волосы. Она совершенно не по-благородному шипит, но при этом пытается одарить хозяина покоев ослепительной улыбкой. Взаимности улыбка не встречает.

– Графиня, – вежливо и холодно роняет Рравеш. – Вы можете возвращаться в свой особняк. Никакой угрозы больше нет. От лорда чуть заметно тянет тьмой, гарью и чем-то кроваво-затхлым. И даже коса немного растрепалась. Паладин совершенно некстати ловит на себе мой взгляд, и чуть усмехается. Куда теплее, чем графине.

– Кристиан, я вам так благодарна! – вскочив из кресла, женщина порывисто устремляется к нему. Но первый паладин замечательно умеет как сжигать, так и замораживать взглядом – шаги графини замедляются, и вместо того, чтобы повиснуть у Рравеша на шее, как, вероятно, изначально собиралась, она просто останавливается в шаге от него. – Я ваша должница!

– Внизу ждёт экипаж, я провожу, – лорд открывает перед графиней дверь, бросив выразительный взгляд на дверь ванной.

Я – понятливая, идеальная горничная, так что когда лорд возвращается, в его покоях уже никаких следов пребывания графини – я даже постельное бельё сменила, и ванна наполнена. Мне достаётся благодарный взгляд – что, в общем-то, неплохо и категоричное “зайди через полчаса”, что уже гораздо хуже...

Деваться некуда – захожу, пытаюсь подготовиться к чему угодно, хотя, вероятнее всего, снова будет допрос. Хорошо, если не домогательства, хотя и то, и другое чревато...

Но лорд, в чистой одежде и с чуть влажными ещё волосами, молча усаживается в кресло перед зеркалом, где не так давно сидела графиня, и протягивает мне гребень. Я мысленно проклиная графиню, Рравеша и даже себя, старательно избегая того, чтобы встретиться в зеркале с тёмным взглядом. Густые, чёрные волосы завораживают. Кажется, что они переливаются, струятся сами собой в моих руках. Так и тянет умыкнуть волосок, я многое могла бы с ним сделать, тот же приворот, например... но единственный волос, который мне удалось вычесать, тут же исчез, рассыпавшись еле заметными искрами.

Подобраться к паладину и в самом деле непросто.

Глава 4

Бал уже завтра, а письмо, которому предназначено погубить первого паладина, так и томится у меня в потайном кармане. Впрочем, само письмо за неимением души, может, и не томится, а вот я томлюсь и всё больше нервничаю. Слишком высоки ставки в этот раз, чтобы отступить или проиграть.

Оптимальным вариантом кажется подложить письмо завтра. Лорд заедет переодеться перед балом, так что письма дворецкий традиционно отнесёт. Вот только как сделать, чтобы лорд не уделил времени на просмотр корреспонденции? Насколько я знаю, отвлечь мужчину может либо любимая женщина, либо любимое дело. Выбор однозначно в сторону последнего, ибо в этом ошибиться сложнее, да и организовать проще...

Поэтому ночью я иду прогуляться в тот самый район, где, надеюсь, натерпелись страха мучители рыжего котёнка. Наверняка, найдётся что-то интересное, что можно своевременно подкинуть паладину, аккуратно чтобы занять его до бала, и даже заставить на этот самый бал слегка опоздать – учитывая, что мне надо поссорить его с королевой, опоздание на бал в честь её дня рождения будет очень кстати...

Никакой солидарности к обитателям квартала у меня нет. Метаморфы традиционно чужие везде, разница лишь в том, что нечисть боится и поэтому не трогает, а люди боятся, и поэтому преследуют... тёплых чувств, логичным образом, метаморфы не испытывают ни к одним, ни к другим. По крайней мере, в общем. В частном – бывает... и для этих

самых метаморфов плохо заканчивается.

Гулять я отправилась в виде обычной кошки – удобно. И мне нравится. Не удержавшись, заглянула в дом, где живёт теперь спасённый рыжик – котёнок сладко спит, свернувшись клубочком на чердаке, рядом с ним стоит миска со свежим молоком, и я, подавив в себе не пойми откуда взявшееся чисто кошачье желание замурлыкать, иду дальше. Надо найти для паладина что-нибудь интересное. На рядовое задержание вампира он не рванёт, отбросив почту и забыв бал, так что нужно что-то поинтереснее... На мгновение представила, что я похищаю экономку, госпожу Марийку, и аккурат перед балом подбрасываю прядь её волос.

Или палец. Идея вряд ли осуществимая – дом паладина слишком хорошо защищён его заклинаниями, но помечтать-то я могу?

Как назло, обычно весьма беспокойный район прикидывается в эту ночь образцово-показательным. Никаких всплесков силы, никаких стычек на улице, ничего интересного... Нет, я заприметила пару домов, где обитала точно интересная инквизиция и паладинам нечисть, а кое-где и нежить, но, увы, не настолько, чтобы сам первый паладин отложил из-за этого дела...

Мне повезло уже на рассвете, на обратном пути, причём, совсем не там, где я искала – в уважаемом районе, на набережной, вдруг потянуло еле ощутимо запахом страха, боли и безнадёжности. Днём его вряд ли вообще можно учуять – в суете и свете дня такие слабые ароматы не выживают...

Спрятавшись в тени, я перекинулась в птицу, легко перелетела через забор, стала заглядывать в тёмные окна... дом казался пустым, либо спящим, либо и вовсе необитаемым. И всё же... в доме кто-то тихо плакал, еле слышно, но надрывно. Увы, становится туманом и просачиваться через щели я не умею, так что пришлось вернуть себе человеческий облик – почему-то сам собой получился образ поразительно похожий на лорда Рравеша, я поморщилась, углядев отражение в стекле, но менять не стала, и, придав руке необходимую твёрдость, разбила окно. Внутрь прыгнула уже снова кошкой – незаметнее, удобнее, да и смущать никого обнажённым человеческим телом не буду.

В доме два этажа, и звук идёт снизу, из подвала, однако я первым делом обхожу первый и второй этаж, и только убедившись, что никого нет, иду к подвалу. Дверь заперта на засов, и на нём нарисованы какие-то руны кровью. Я принимаюсь – несёт тленом. Вампир? Некромант? В любом случае, открывать эту дверь я не рискну – подцепить проклятие в мои планы совершенно не входит.

Снова принимаю человеческий облик, на этот раз становлюсь девушкой, пусть и не самой собой, и осторожно зову:

– Эй... кто там?

Всхлипы, доносящиеся из-за двери, тут же прекращаются. Пара секунд тишины, затем я повторяю вопрос.

– Помогите!.. – очень проникновенно просит женский голос. –

Пожалуйста... кто бы вы ни были! Я очень щедро заплачу, я сделаю для вас что угодно! Я – маркиза де Рие, меня удерживают здесь против воли... только... только не трогайте дверь сами! Ни в коем случае не прикасайтесь! Вы умрёте, а он сразу поймёт... Идите в Инквизицию, или к паладинам, расскажите, что я тут... Скорее. Пожалуйста, я так боюсь, что он вернётся, пока вы ещё тут... уходите, уходите же!

Я не заставила себя упрашивать – обернулась кошкой и ушла. Маркиза де Рие... знакомое имя. Я слежу за светской хроникой, потому что иногда мне приходится бывать на балах, и я должна ориентироваться в персонажах высшего света, так что я помню маркизу – молодая, очень

красивая и обеспеченная вдова. В прошлом сезоне за неё дрались два герцога, а она потом – в конце сезона – взяла и уехала, оставив обоих ни с чем... а вот теперь выясняется, что вовсе и не уехала, а всё время была тут... Думаю, это и правда она. Занятно. И как бы мне сообщить паладину, чтобы и вовремя и остаться ни при чём?

Дворецкий чинно поднимался вверх со стопкой сегодняшних писем, когда я оступилась, покачнулась, взмахнула руками, пытаюсь

удержаться... поднос взмыл в воздух, и письма разлетелись по всей

лестнице. Я восстановила, наконец, равновесие, помогла устоять

опешившему от внезапного нападения мужчине, и, горестно извиняясь, принялась ползать по лестнице, собирая письма. Немного опасалась, что лорд Рравеш, прибывший около получаса назад, выглянет из своих

покоев, или же что дотошный дворецкий пересчитает письма, но всё

обошлось. Одарив меня осуждающим, но снисходительным взглядом, мужчина чопорно

продолжил своё восхождение в покои лорда, я же, попрощавшись с неприязненно кривящейся гримзой, выскользнула на

улицу. У меня всего несколько минут, чтобы организовать паладину

срочную вест. Хотелось бы всё заранее, но, увы, не получилось бы.

Приди гонец слишком рано, и дворецкий и вовсе не понёс бы лорду письма, приди поздно – лорд прочитал бы... приходится подстраиваться по ходу.

Ближайшая подворотня, смена внешности, изменение платья –

выворачиваю юбку, меняя цвет, срываю белоснежные манжеты и

воротничок, и вот я уже не горничная, а какая-нибудь купчиха средних

лет... Ловлю первого попавшегося мальчишку, сую ему золотой и

записку. Срочно – вопрос жизни и смерти, передать первому паладину

лично в руки. Обещаю мальчишке, что паладин его тоже наградит, и

проследив, что пацан не сбежал, а энергично трезвонит в дверь, направляюсь к себе. Мне ещё к балу готовиться, чтоб его...

На королевский бал, разумеется, не приглашают кого попало просто

так... а вот по протекции вдовствующей королевы-матери – приглашают, хоть и все знают, что протекцию эту предприимчивый маркиз де Корд

продаёт направо и налево. Так что у меня есть официальное

приглашение на имя баронессы Лисс, и платье, разумеется, есть, а вот

времени на сборы практически нет, и то, что есть, я трачу отнюдь не на

прическу или макияж – я трачу на создание лица. Мне нужно приятное, но обычное,

совершенно неприметное лицо. Лицо, которое будет

вызывать желание помочь, и будет тут же забываться, как только

скроется из глаз... Нет, я вовсе не собираюсь соблазнять лорда Рравеша

собой – слишком опасно. Я боюсь, что оказавшись рядом на расстоянии

менее метра хоть на сколько-то продолжительное время, он почувствует

мою магию, поймёт, кто я. Так что у меня другой план. Но на балу мне

надо всё-таки быть... Платье у меня чёрное, бархатное – сейчас это

модно, так что я без труда сольюсь с остальными модницами... и, пожалуй, буду единственной, кого это обрадует.

Я сделала всё, чтобы не выделяться. Пришла не очень рано, но и не

очень поздно, чуть сутулилась, демонстрируя ту же неуверенность и

смущение, что и большинство остальных девушек, заносчиво задирала

нос, когда натыкалась на взгляд кавалеров попроще, смущённо пялилась

в пол, когда достаивалась мимолётного внимания кого-либо из

завидных, по мнению света, женихов... протанцевала пару танцев, ещё

несколько посидела в углу... в общем, всё шло своим чередом, разве что

паладин задерживался. Ждала его не одна я – рыжая истеричная дама, благодаря которой

пострадала моя рука, без конца таращилась на

дверь, даже несмотря на то, что она пользовалась куда большим

успехом, чем я. Королева – я бросала на неё периодически любопытные

взгляды, если и ждала своего любимого паладина, никак этого не показывала. Впрочем, ей и нельзя. Я поискала глазами графиню Айру – тоже, наверное, ждёт... И ещё чёрт знает, сколько женщин. Одна из них определённо должна мне помочь.

Паладин появился ближе к середине бала. Цвет его костюма тоже чёрный, но в отличие от большинства, ему он идеально идёт. Кристиан Рравеш преклоняет колено перед именинницей, что-то говорит, и под конец королева даже улыбается ему, и в этой улыбке мне мерещится нечто гораздо более интимное и личное, чем просто милость монарха... ничего. Мы скоро это исправим.

Я ожидаю, когда, наконец, лорд оставляет королеву и попадает в объятия дам, жаждущих с ним танцевать. С рыжей он танцует всего один раз, а вот с молодой, яркой брюнеткой – уже второй танец подряд, и я решаю действовать, вдруг лучшего момента уже не будет. Не зря ведь говорят, что лучшее – враг хорошего. В погоне за идеальным можно и вовсе шанс упустить...

Навешивать заклятие приворота на паладина – чистое самоубийство, но мне это и не нужно. Я не собираюсь колдовать, я буду... молиться.

Богине. За первого паладина, да. Нахожу взглядом Рравеша – он как раз очень заинтересовано пялится на брюнетку, причём взгляд от глаз постоянно сползает в декольте... Благословение богини усиливает влечение. Делает, пусть и ненадолго, любовь и страсть самыми главными в жизни, отменяя остальное даже не на второй, а на десятый план. Не навязывает нового, просто усиливает тягу к тому, кто и так привлекает. Милостью богини Рравеш теперь от своей брюнетки до конца вечера не отлипнет, может, даже предложение успеет ей сделать... полагаю, этого должно быть достаточно...

Богиня ответила, я ощутила это как ласковое прикосновение к щеке, почему-то лёгкий смешок, словно я просила что-то смешное... а затем, всё пошло наперекосяк. Вместо того чтобы прижать брюнетку к себе

покрепче, лорд вертит головой в разные стороны, словно кого-то высматривает. Я ещё надеюсь, что он высматривает рыжую, или же – как знать? – возможно, его мысли и в самом деле занимает главным образом королева, и он сейчас пойдёт и сядет у её ног, и проведёт там весь вечер, пытаясь незаметно поладить за коленку... что, в общем, тоже неплохо – его король за такое без всяких доказательств прикончит...

Взгляд Рравеша останавливается на мне. Что за чёрт? Нет-нет-нет, не может быть. Лорд за последние два дня и словом со своей горничной Лизой не перемолвился, ни одним взглядом не удостоил, не может быть, чтобы она, то есть я, привлекала и занимала его больше, чем остальные женщины.

Благословение богини не делает различий по внешности и личине, так что если лорд по каким-то причинам предпочёл бы сейчас своей брюнетке и остальным горничную Лизу, его теперь как магнитом тянет ко мне! Ещё несколько секунд я надеялась, что ошиблась, что не могла я так саму себя подставить... а затем бросилась наутёк, опасаясь даже взглянуть на стремительно приближающегося ко мне паладина.

Я понимаю, что нужно бежать. Из дворца, из города, хорошо бы из страны... вот только у меня нет такой возможности – поводок не зря носит такое название, оказаться дальше определённого расстояния от Айгора я просто-напросто не смогу, остаётся только наматывать круги по городу, пока паладина не отпустит... Впрочем, для начала надо выбраться из дворца. К тому моменту как я выбежала в сад, паладин уже, видимо, успел отдать приказ – ворота закрыты, и вдоль забора курсирует стража. Так что бежать приходится в противоположную

сторону... скрыться в тени, перекинуться в птицу...

Не пойми откуда взявшийся Рравеш, совсем не галантно заломив мне руку, впечатывает в дерево.

– Кто ты? – вкрадчиво спрашивает он. – Что ты сделала? Как ты это сделала? И почему теперь убегаешь?

Щёку и декольте царапает кора, дыхание лорда опалает шею. Он слишком близко. Слишком.

– Отпустите, – шепчу я. – Баронесса Лисс. Я ничего не делала.... Лорд паладин, что происходит?! Что вы себе позволяете?!

Рравеш втягивает воздух, почти что коснувшись носом моей шеи... и всё становится плохо окончательно.

– Метамо-о-орф, – тянет он. Рывком меня разворачивает.

Вокруг давно стемнело, но ночь – ничто по сравнению с тьмой в глазах Рравеша, его тьма обездвиживает, парализует... И если бы у меня и было, что ответить, я бы не успела – паладин впивается в мои губы, кажется, больше наказывая за обрушившуюся на него страсть, нежели пытаюсь её утолить.

– Поводок? – шепчет, обжигая дыханием. – Кто твой хозяин, метаморф?..

Я молчу. Да и как тут что-то скажешь, когда паладин снова целует, а у меня кружится голова – от страха и от стресса. А может, от того, что ладонь паладина легла на моё горло, словно тот самый поводок... и от его пальцев вдруг по всему телу ледяные искры.

– Теперь я, – ухмыляется лорд. – Так что ты всё, – я чувствую, как юбка поднимается, – мне, – на бедро ложится горячая ладонь, – расскажешь, метаморф. – Ладонь неумолимо ползёт вверх. – Просто чуть позже...

– Лорд Рравеш!

Я перевожу дыхание, но ничего хорошего, честно признаться, уже не жду. Ставки в игре были высоки, и я проиграла по всем фронтам.

В нескольких шагах от нас стоит королева, и я понимаю, что все слухи о её чувствах к паладину правда – губы Её Величества дрожат, а в глазах копят слёзы.

– Лорд! – повторяет она, видимо, не находя других слов.

Паладин отпускает моё бедро. Убирает руку с моего горла, убирает прижимавшую меня к дереву силу...

– Иди, – коротко бросает он. И я бегу со всех ног прочь, хотя всё это бесполезно.

Я, кажется, блестяще справилась с заданием, и знатно подставила лорда... но вместо вожденной свободы меня ждёт мучительная смерть в тот момент, когда казнят Рравеша. Проклятый паладин передёрнул поводок на себя...

В отчаянной попытке что-то исправить я перекидываюсь в собаку, едва выйдя за пределы дворца, и мчусь со всех ног к дому паладина – быть может, обыска ещё не было, быть может, я успею изъять письмо?..

Увы. У дома стоит человек пять инквизиторов, во всех окнах горит свет, и мне страшно представить, сколько инквизиторов там внутри... Поздно.

Пытаясь реализовать хоть какие-то преимущества сложившейся ситуации, я навестила Айгора. Но его предсказуемо не оказалось дома и, судя по некоторому беспорядку и лёгкой растерянности слуг, он

сорвался в бег крайне оперативно и совсем недавно – как раз сразу после того, как Рравеш вырвал из его рук поводок. Моего бывшего хозяина можно понять – во-первых, перетянуть поводок невозможно, а значит, тот, кто это сделал, очень силен, во-вторых, метаморф, больше не связанный смертельным заклятием, придёт убивать.

Утренние газеты я могла бы и не читать, но с каким-то мазохизмом покупаю по экземпляру каждой, чтобы найти везде одно и то же: лорд Кристиан Рравеш, первый паладин Его Величества обвиняется в

государственной измене и будет казнён завтра на главной площади... Впрочем, об этом знают даже те, кто не покупает свежую прессу, и даже вовсе не умеет читать – главную новость года, если не десятилетия выкрикивают все мальчишки-разносчики...

Глава 5

От глубины ямы, которую я вырыла, как оказалось, самой себе, а не только паладину, захватывало дух и отчаянно сосало под ложечкой. Ещё недавно мне казалось, что труднее задачи, чем опорочить лорда Рравеша, в моей жизни не было и вряд ли будет, а теперь я понимаю, что это были сущие пустяки, да и на подготовку у меня было очень, очень много времени... Теперь же у меня менее суток на то, чтобы вытащить лорда из подвалов Инквизиции. Я даже малодушно подумывала о том, чтобы вместо отчаянной и бессмысленной суеты насладиться своим последним днём. Вот только не придумала, как именно. Отправиться к морю, как мне давно хотелось, я всё ещё не могу, можно даже не пробовать – Рравеш не совсем идиот, чтобы делать поводок длиннее, чем тот был, обожраться пирожными и горячим шоколадом – мелковато, еда никогда не была моей страстью... перерезать горло парочке своих врагов? Меня бы устроило, но те, к кому у меня и в самом деле счёты, вне досягаемости...

Пока размышляла, наведалься в тот дом, где обнаружила маркизу де Рие. Не то чтобы я собиралась выступить в роли спасительницы, если лорд вдруг не преуспел, но выкинуть бедняжку из головы никак не получалось. Да и отчего бы не сделать напоследок хоть что-то хорошее? Впрочем, ей паладин помог. Теперь в доме во всех помещениях горели магические светильники, хотя рассвет уже почти на исходе и света более чем достаточно и с улицы. Бледная, заплаканная женщина сидела, закутавшись в плед, и не сводила слезящихся глаз с солнца. Узнать маркизу было сложно, но я не сомневалась, что это она, и ощутила даже что-то похожее на сочувствие. Вероятно, бедная маркиза слишком долго не видела света... Интересно, кто её запер и зачем? Может быть, я могла бы его навестить напоследок, если план по спасению первого паладина так и не появится?

– ...нет-нет-нет, госпожа, простите, но я не смогу. Нет, только не туда... Куда угодно в другое место, хоть в сумрачный квартал, но только не к ним!

Кроме маркизы в комнате была ещё невысокая женщина лет сорока. Она доставала из шкафа платья, рассматривала и либо вешала обратно, либо бросала на пол – то, что в нынешнем сезоне уже не надеть – устарело.

Я заинтересованно мурлыкнула – чёрт возьми, надо заканчивать с прогулками в виде кошки, а то и в человеческом обличье мяукать и мурчать начну, и навестила уши.

– Чем тебе не угодили инквизиторы, Майя? – устало вздохнула маркиза. – Ты же понимаешь, я не могу отправиться к ним одна! Тем более на опознание!

– А ну как покажется им что? У меня, госпожа, по молодости любовь с оборотнем была. Давно всё минуло, но вдруг как учуют? Я вам кого-нибудь найду!

– Кого-нибудь? – кривится маркиза, всхлипывает. – Кого?

“Меня!” – хочется крикнуть мне. Маркиза, родная, мне как раз в Инквизицию надо, да так, что мочи терпеть нет! Я даже за хвост себя кусаю от разочарования, что надо бежать в свой район, чтобы приодеться – если я появлюсь в доме маркизы голой, она ж меня

Инквизиции и сдаст...

Майя, видимо, не найдя, что ответить, начинает говорить что-то о платье, которое держит в руках, я же изо всех кошачьих сил тороплюсь обратно. Быстренько надеваю платье горничной Лизы – соваться в Инквизицию в личине – примерно такое же самоубийство, как и в дом паладина, и, совершив небольшой крюк, чтобы разорить два своих тайника со всякими полезными зельями, в скором времени уже нажимаю на кнопку звонка в доме маркизы.

Удивительно, что она решила там остаться. Впрочем, возможно, у неё просто не было выбора – родственников у маркизы здесь нет, а чтобы поселиться в гостиницу, нужны документы, коих, насколько я понимаю, тоже нет. Инквизиторы и паладины, не знаю уж, кого там привлёк лорд Рравеш для своего последнего доброго дела в жизни, наверняка вычистили дом и поставили защиты, но от воспоминаний так просто не защитишься...

Мне никто не открывает, из чего я делаю вывод, что Майя как раз отправилась искать “кого-нибудь”, а сама маркиза либо не снисходит до такой бытовой вещи, как открыть дверь, либо, что более вероятно, просто боится...

– Госпожа, меня зовут Лиза, я – горничная лорда Кристиана Рравеша! Он приказал мне вчера вечером, чтобы я сегодня пришла к вам и послужила у вас несколько дней! Госпожа, с вами всё в порядке? Лорд велел мне позаботиться о вас! Госпожа...

Дверь открылась. Маркиза де Рие всё так же кутается в плед, и на фоне весёлых красно-жёлтых клеточек кажется ещё бледнее и прозрачнее.

– Госпожа, я к вашим услугам! – я изобразила реверанс. Кажется, слишком изящный для горничной, но маркизе было не до этого, и мне тоже.

– Заходи, – тихо сказала она, и я скользнула внутрь.

– Прикажете прибраться? Что-нибудь приготовить? Постирать?

– Н-нет, ничего не надо, сейчас не надо, – просит маркиза. – Главное – не гаси пока что нигде свет, хорошо?

– Как прикажете, госпожа!

Я застыла посреди комнаты, изо всех сил пытаюсь изобразить услужливость и живость. И маркиза решила:

– Лиза... ты знаешь, что со мной было? – она снова начала плакать, едва окончив вопрос, а я на мгновение растерялась, не зная, как лучше ответить.

– Я знаю, госпожа, что вы только что пережили какое-то испытание.

– Испытание... да. Пережила, – вздыхает женщина.

Я не люблю людей. Противоестественно относиться с симпатией к тем, кто объявил тебя персоной нон грата на этом свете и открыл настоящую охоту, и я знаю, что эта страдающая дамочка, не моргнув глазом, пошла бы в других обстоятельствах смотреть на казнь метаморфа или того же лорда Рравеша, но почему-то мне всё больше хочется навестить того, кто с ней это сделал, и принести ей его сердце. Может быть, ей станет чуть легче и спокойнее.

– Мне нужно поехать в Инквизицию. Ты... могла бы меня сопровождать, Лиза?

– Да, госпожа, – я снова изображаю реверанс, а женщина вздыхает с облегчением... и порывисто меня обнимает. Я невольно морщусь – кажется, я принесу ей дополнительные неприятности – если мне удастся каким-то чудом устроить побег, у Инквизиции будут к милой маркизе большие вопросы. С другой стороны... она обязана лорду Рравешу своим спасением, пусть теперь сделает что-то ради него.

Этой же фразой я себя успокаивала, нажав маркизе перед визитом в Инквизицию зелье, обостряющее чувства, вместо обещанного успокоительного. Чтобы был хоть какой-то шанс на успех моей

самоубийственной затеи, мне нужна была очень нервная, способная упасть в обморок или впасть в истерику госпожа, и чтобы это было видно с первого же взгляда на неё. Во-первых, мне надо было чем-то оправдывать большое количество успокаивающе-усыпляющего зелья, которое я собиралась взять с собой. Во-вторых – отвлечь доблестных инквизиторов...

Для поездки маркиза выбрала одно из тех платьев, которые Майя безжалостно бросила на пол. То ли в пику не пожелавшей разделить с ней тяготы служанке, то ли потому что оно было самое закрытое и мрачное. Также она, несмотря на то, что на улице было тепло, и солнце припекало совсем по-летнему, надела длинный плащ с капюшоном. Я радостно последовала её примеру. Что ни говори, а чем меньше мелькает моё настоящее лицо, тем лучше. Перед тем как выйти на улицу к экипажу, любезно присланному Инквизицией, маркиза ещё около пятнадцати минут молча стоит перед зеркалом, то ли набираясь сил, то ли собираясь передумать... но я не могу позволить ей передумать и отложить опознание – слишком много времени и сил потрачено уже именно на этот план.

– Госпожа, идёмте, – я открыла входную дверь, и маркиза, горестно вздохнув, накинула капюшон и вышла на улицу, словно на казнь...

В экипаже она хватает меня за руку и снова начинает плакать:

– Нет, – шепчет. – Я не смогу! Не смогу! Снова его увидеть – всё равно что вернуться обратно... лучше умереть!

Я кусаю губы – кажется, с обострением чувствительности переборщила.

Но успокоительное моё слишком сильное – заснёт ещё маркиза в экипаже, и весь план насмарку... Я глажу несчастную женщину по руке и сочувственно спрашиваю:

– Что с вами было?

Говорят, людям становится легче, когда они выплёскивают свою боль в мир через слова... Пару мгновений маркиза молчит, а затем вцепляется в мою руку ещё крепче, правда, плакать перестаёт. Шепчет:

– Потом, милая Лиза. Как-нибудь потом... Сейчас не могу...

– Всё будет хорошо, – я утешаю её от всего сердца, так что добавляю то, о чём думается: – Он сдохнет, а вы будете жить!

Не знаю, действовало ли моё незамысловатое утешение, или маркиза впала в ступор от такой приземлённой и прямой формулировки, но до конца поездки, которая, впрочем, длилась не так уж и долго, она молчит. Огромное серое здание, четыре этажа вверх и, говорят, не менее четырёх вниз. Здание, от которого все более или менее вменяемые люди и нелюди держатся как можно дальше... Богиня, если я не справлюсь, сделай меня в следующей жизни лучше кошкой! Их хоть на поводок никто не сажает... Я даже мышей готова жрать, невелика печаль...

На входе в здание скучают два инквизитора, и если маркизе они почтительно кланяются, стоит ей себя назвать, то я и моя сумка вызываем немалый интерес. Содержимое сумки я охотно демонстрирую – объёмный пузырьрёк, слегка фоныщий, как и полагается успокоительному в таком объёме. То, что объём на самом деле меньше, а стекло толще, чем кажется, и гасит магию гораздо лучше, чем можно подумать, остаётся, к счастью, моим личным маленьким секретом.

– Малышка, тебе не много? – весело хмыкает один из инквизиторов. У него серые глаза и веснушки.

– Моя госпожа очень нервничает, – отзываюсь крайне серьёзно. Нет, флиртовать с инквизиторами я не способна даже, видимо, под угрозой смерти. – И я тоже нервничаю, господин.

Старательно опускаю глаза. Оба смеются – видимо, испуг служанки им

льстит, робость перед Инквизицией в целом они списывают на смущение перед собой, и, хвала богине, пропускают, толком не досмотрев.

Чуть поодаль стоит ещё один инквизитор, он приветствует маркизу де Рие, не снисходя, разумеется, до служанки, и ведёт её в подвал на опознание. Мне, конечно, туда и надо, но сложно избавиться от ощущения, что я не то что сама себе рою могилу, я уже выкопала, залезла и теперь активно самозакапываюсь... Шаги по плитам кажутся тиканьем часов, отмеряющих последние минуты жизни одного беспечного и невезучего метаморфа...

– Вам нужно просто на него посмотреть, – поясняет маркизе сопровождающий. – Мы уверены, что это он, но порядок есть порядок... – лично мне сочувствие в голосе инквизитора кажется наигранным и насквозь фальшивым, но маркизе, кажется, нравится. По крайней мере, она охотно берёт мужчину под руку, и, кажется, её даже трести меньше начинает.

Мы спускаемся на минус второй этаж. Если я правильно помню – а план Инквизиции может купить на чёрном рынке любой желающий, вот только не знаю никого, кому бы это помогло, на минус втором этаже камеры для особо опасных. На минус третьем – допросные, то есть пыточные, а на минус четвёртом – хранилище артефактов. На минус первом – камеры для обычных преступников, еретиков и представителей нечисти...

Коридор петляет и петляет – говорят, это тоже сделано специально, вот только версии, зачем именно – расходятся, наконец, мы выворачиваем в небольшое расширение. Там три клетки, две из которых пусты, а в третьей – невысокий мужчина, чьи черты можно было бы назвать правильными и даже красивыми, если бы он не производил настолько отталкивающее впечатление. Возможно, сыграло ещё моё предубеждение, но что-то определённо было – маркиза взвыла и забилась в истерику при первом же взгляде, да так громко и проникновенно, что из-за угла выбежал ещё один инквизитор.

– Он... он... уведите меня. Пожалуйста, уведите! – стонала маркиза.

Как и полагается заботливой служанке, я поспешила её успокоить, сорвав пробку с бутылки с успокоительным и задерживая дыхание. Оба инквизитора к моей радости успокоились вместе с ней. На всякий случай, для гарантии, я влила в рот каждому из них ещё несколько капель. Пусть поспят... Неужели я правда это делаю? Если всё удастся, я стану самым тщательным разыскиваемым преступником – такой плевков Инквизиция вряд ли простит...

Под пристальным и заинтересованным взглядом мужчины обшарила тела инквизиторов, старательно избегая прикосновений к амулетам, забрала только ножи, связку ключей и магические наручники – не знаю зачем, но вдруг пригодятся... теперь надо найти Рравеша.

– Эй, ты куда?! – потрясённо спрашивает мужчина, когда я, разжившись вещами, направляюсь за угол. Он что, решил, что это я его спасать собралась?

Оборачиваюсь.

– Освободи меня, – требует он, сжимая прутья решётки. – Не пожалеешь.

Голос у него не шибко приятный. Внешность же... чем больше смотришь, тем неприятнее.

Впрочем, возможно, он добивался этого специально –

всё тело, насколько можно видеть, в татуировках из магических символов и знаков. Некоторые я могу прочесть, они призваны усилить страх. Но так как я страха не испытываю, остаётся лишь неприязнь.

Мучитель маркизы – некромант... С некромантом иметь дело по определению неприятно – специфические люди, которые черпают энергию из боли и страха, а слаще всего для них чья-нибудь смерть на

жертвеннике в результате специального обряда. Говорят, человеческий бог от таких отворачивается, как и наша богиня, и остаётся им лишь чёрный бог, который и не бог вовсе, а просто огромная чёрная дыра, требующая всё больше и больше. Так что некроманты никогда не останавливаются...

– Что ты хочешь? – продолжает мужчина свой монолог, видимо, расценив моё молчаливое внимание, как заинтересованность. В этом он, на самом деле, прав. Рравеш наверняка уже лишён магии, иначе бы
вовсю дёргал меня за поводок, требуя спасения, и мой план по отходу из здания Инквизиции слаб, ужасен и крайне рискован... с магом – некромант в магических браслетах, а значит, если их снять, сможет колдовать – отход будет гораздо проще.

– Помощи, – отзываюсь я.

– Помогу, – легко соглашается некромант. В коридорах не особо светло, но я могу различить, что глаза у него не чёрные, а тёмно-тёмно-синие.

Чернично-чернильные. Не очень-то человеческие. – Открой клетку, ну же, – нетерпеливо требует мужчина. – Чего ты ждёшь? Скоро будет обход, думаешь, они не заметят тебя и три тела?..

Не то чтобы я не торопилась. Конечно, торопилась, ничуть не меньше, чем гадкий некромант, но я в своё время отлично усвоила правила блефа и торговли – выигрывает тот, кто может показать, что ему меньше надо. Тот, кто не в состоянии прикинуться незаинтересованным или заинтересованным самую малость, всегда платит полную, а то и двойную цену...

– Клянись своей силой, своим сердцем, что сможешь мне освободить и вывести из здания лорда Рравеша, и не причинишь ни мне, ни ему вреда, – требую я.

– Рравешшша? – некроманта перекосило. Ещё бы, при упоминании паладина-то! И прорвало: – Я что, рехнулся, по-твоему? Да это ж настоящий праздник – инквизиторы жрут друг друга!

Я молча поворачиваюсь и делаю шаг прочь. Не надо блефовать, некромант, ты согласишься на все условия раньше, чем я досчитаю до трёх. Раз...

– Хорошо, – поспешно говорит мужчина. Я оборачиваюсь, но не двигаюсь с места, пока он бормочет клятву. Кажется, и в самом деле ему приспичило – ни одной попытки схитрить...

Впрочем, у него, кажется, был ещё интерес. Утешающий приз, так сказать. Как только я его выпустила и сняла с него магические браслеты, некромант подхватил на руки бессознательную маркизу, и так заулыбался, что меня передёрнуло. Кажется, он сильно к ней привязан, в своём, извращённом смысле.

– Скорее, – недовольно тороплю своего неожиданного сообщника. Не потому, что он как-то особо медлит, просто мне делается на редкость паршиво от одного вида, как мучитель снова прикасается к своей жертве. Это не моё дело, но тошно.

Из какого-то глупого упрямства и надежды на лучшее я накидываю капюшон, пряча лицо: предстать перед паладином в образе Лизы – последнее, что мне сейчас надо. Он же прикончит меня прямо тут голыми руками, разом поняв, кто виноват во всех его бедах...

В одной из камер, мимо которых мы проходим, беснуется оборотень. Я чуть замедляюсь – чем больше союзников, тем лучше, но затем с сожалением прохожу мимо. Он безумен. Если его выпустить, на меня же первую и нападёт, или на некроманта... Не стоит.

Лорд Кристиан – вроде бы, его ещё не разжаловали – находится в самой последней, торцевой камере. Он стоит, заложив руки за спину, и безучастно таращится на коридор, и моё появление не оказывает

никакого эффекта. При этом выглядит лорд почти как на портрете – элегантно и величественно, и это вызывает неожиданное и неуместное раздражение. Ну хоть бы волосы растрепались, или бы пятно какое на рубаху посадил... Чуть в стороне от лорда на полу стоит глиняная миска с какой-то неаппетитной бурдой, и деревянная кружка, полная воды. Паладин явно не притронулся ни к одному, ни ко второму. Опасается брать что-либо у своих бывших коллег? Или просто недостаточно ещё провёл здесь времени и брезгует? Впрочем, ему в принципе отмерен не такой большой срок... Интересно, королева собиралась прийти на казнь? – приходит ещё более неуместная мысль.

Некромант стоит у поворота, а я пытаюсь подобрать ключ, но получается не сразу – за моей вознёй паладин наблюдает безучастно, может, не знает, что его приговорили? Нет, не может не знать – магию блокируют только у тех, кого уже приговорили, а магических браслетов, как были на некроманте, на нём нет... Может, принял меня за одного из инквизиторов? Вряд ли – юбка у платья пышная, так что даже под плащом не спутать меня с мужчиной...

Наконец, щелчок, и камера открывается. Вот только пленник, кажется, и в самом деле не рад – не двигается с места. Может, он как оборотень? Тоже уже того? Но мне плевать, мне не нужно его ментальное здоровье, мне нужно, чтобы жило тело, к которому он привязал мою собственную жизнь...

– Выходите же! – возмущённо требую я. Если он и правда невменяем, придётся некроманту бросить свою маркизу, и тащить лорда. О, я даже готова отдать лорда на пару обрядов, пусть бы некромант его мучил, мне главное, чтобы не до смерти...

– Метаморф? – одними губами спрашивает лорд, поднимая бровь, и разрушая картинку, уже сложившуюся в моей голове. А ведь она мне уже почти понравилась...

И чего же, скажите на милость, эта сволочь ждёт? Почему не выходит? Я уже оборачиваюсь к некроманту, чтобы попросить его помочь, но тут Рравеш всё-таки отмирает и выходит из камеры.

– Не хочется сдохнуть, да, метаморф? – тихо и насмешливо спрашивает, проходя мимо меня. Как будто ему самому хочется!

Вместо ответа я обращаюсь к некроманту, который, кажется, и в самом деле вознамерился утащить маркизу с собой:

– Оставь её здесь.

– Нет, – решительно отрезает гад. – Она за всё мне ответит... и она так сладко меня боится!

Не выдержав, бросаю любопытный взгляд из-под капюшона на Рравеша – он невозмутим. Вот тебе и борец за светлое и чистое... Даже меня передёргивает. А ему хоть бы что...

Нам везёт, и пока мы поднимаемся, навстречу попадает всего один инквизитор – он не успевает ничего понять, я обливаю его своим усыпляющим зельем, а Рравеш подхватывает, чтобы не было шума от падения. Выйти будет сложнее – та парочка, что меня досматривала и скалилась, никуда не делась... Переодевать мужчин в инквизиторов бесполезно – служители Инквизиции ориентируются не столько на внешность, не говоря уже о том, что отлично знакомы друг с другом, сколько на специальные амулеты, которые невозможно, по крайней

мере, за жалкие пять минут, перенастроить на другого... Впрочем, плащ паладин всё же с инквизитора снимает – не стоит привлекать лишнего внимания на улице, если.... когда мы туда попадём.

Для того чтобы прорваться к выходу как раз пригодился некромант. Передав Рравешу маркизу – тот безропотно взял, некромант прямо выходит на инквизиторов, и раньше, чем они опомнились, с его рук

срывается тусклый, мертвенно-синий свет, он окутывает своих жертв как туман, и уже не видно, что там с ними происходит, но у меня мурашки по коже от омерзения – кажется, он выпивает из них силу и саму жизнь, как какой-нибудь вампир...

Впрочем, это, как и страдания маркизы, вроде бы не моё дело. Мы выбегаем следом за некромантом на улицу, и я первым делом меняю внешность. Здесь уже можно, на фоне заклинаний некроманта слабенький след моей магии просто потеряется. Неужели получилось?.. Неподалёку стоит экипаж, в котором мы приехали сюда, и кучер – обычный человек, даже не понимает, что происходит – решил, что маркиза уже едет домой и сам подогнал экипаж... разубеждать его никто не стал. Мы набились в экипаж, Рравеш прикрикнул “тони!”, некромант потянулся к маркизе, которую паладин устроил рядом с собой...

Я медлю пару секунд, а затем, не чувствуя ни малейшего раскаяния, вонзаю нож ему в спину в районе сердца. Он обещал не причинять вреда ни мне, ни Рравешу, а вот я... я ничего не обещала.

Впрочем, развитие событий удивляет не только некроманта, если тот успел хоть что-то испытать, но и меня – из груди некроманта так же торчит нож!

Кажется, я зря гнала на паладина – мириться со злом он не намерен, даже и в отсутствие силы... Рравеш замечает мой нож, и мне становится уже не до размышлений: всё тело пронзает такой знакомой и ненавистой болью – хозяин гневается и наказывает: – Метаморф! Не смей. Никого. Убивать!

Глава 6

– Метаморф, я ясно объяснил? – ледяным тоном спрашивает лорд, чуть ослабляя сжимающую горло невидимую петлю. – Люди для тебя неприкосновенны, пока я прямо не приказал иное.

– Ясно, – выдыхаю слегка осипшим голосом, костеря про себя на все лады бракоделов из Инквизиции. Даже силы лишить полностью не смогли, слабаки! О том, что моя неволя у Айгора сменилась на ещё худшую неволю, я стараюсь пока не думать. Лорд крут и, кажется, скор на расправу... и если прошлому хозяину я была нужна и ценна, то этот, похоже, пустит меня в расход, как только отпадёт немедленная нужда и как только он получит ответы на свои вопросы...

Рравеш тем временем выглядывает в окошко и просит возницу сделать крюк к южным воротам.

Я молчу, но не могу отделаться от мысли, что он всё-таки рехнулся.

Собирается вот так просто взять и выйти среди бела дня? Или пуще того

– выехать в экипаже, и надеется, что туда никто не заглянет?.. Впрочем, возможно, лорд не совсем безумен – дальше выйти из города будет

только сложнее, когда инквизиторы разберутся, что к чему и обнаружат потери... но есть ли на самом деле разница между “невозможно” и “совершенно невозможно”? Или у него там кто-то свой?

– Надевай свой плащ на некроманта, – приказывает лорд. – Быстрее.

Я слушаюсь. Оба ножа вытаскиваю, обтираю об одежду некроманта, один возвращаю в ножны, другой забирает Рравеш. Мельком отвечаю, что он протёр моим плащом, который теперь на некроманте, не только

лезвие, но и рукоятку, которая побывала в моих руках, и почему-то хочется за это плюнуть ему под ноги. Оскорбление за оскорбление... вот только момент не подходящий, как и соотношение сил.

Экипаж сворачивает на небольшой переулок, ведущий уже к самим воротам, возница сбавляет ход, ожидая в любой момент команды остановиться...

– Будешь визжать над телом некроманта, – приказывает лорд. – Можешь кричать, что хочешь, но так, чтобы вся стража от ворот хоть на пять минут к тебе сбежалась. Через час не найдёшь меня за воротами, будет больно.

– А как я должна выйти из города? – недовольно шурю на лорда. Кошкой, богиня, пожалуйста, в следующей жизни просто кошкой...

– Птичкой, – хмыкает он и стучит вознице в стенку, приказывая остановиться. – Не мне тебя учить, метаморф.

Я беру некроманта и послушно выбираюсь наружу, удерживая своего уже неживого спутника в вертикальном положении. К счастью, наша с Рравешем общая жертва не так уж тяжела, а способности метаморфа позволяют сделать себя очень и очень сильной... а вот что меня действительно беспокоит, помимо опасности попасть снова к Инквизиции – это то, что паладин знает о метаморфах слишком много. Айгор вот был уверен, что я могу менять лишь человеческие обличья... а этот... этот знает.

Выдержав паузу в полминуты – ждала, пока экипаж скроется за поворотом, я бросила реквизит в виде некроманта на землю, чуть поправила получившуюся позу, запахнула плащ, чтобы татуировки не было видно... и стала визжать. На “помогите!” люди реагируют куда хуже, чем просто на визг. Очень скоро послышались первые шаги, в окнах зашевелились занавески, захлопали входные двери... и очень быстро вокруг образовалась толпа. Настроена толпа была по-разному:

– Что случилось?!

– Милая, что с вами?

– Нужна помощь?

– Он мёртв? Болен? Заразный?!

– Чего орёшь, припадочная?!

– Что? Что?!

Я дождалась, пока ко мне через толпу пробьются стражники, и заголосила с новой силой. Теперь уже со словами:

– Убийца... убийцаааа!.. У-у-у-у...

Сначала я собиралась честно заявить на лорда Рравеша – дескать, он убил несчастного невинного прохожего, потом подумала, что ни к чему наводить Инквизицию на след. Они и так догадаются, но пусть честно переберут все выходы из города, начиная с самых малоохраняемых, незачем помогать им и связывать имя Рравеша с южными воротами...

– Куда побежал? Как он выглядел?.. – один из стражников встряхнул меня за плечи, и я, подвывая “в зелёном плаще-е-е-е, с ножо-о-ом”, указала в направлении узкой, петляющей улочки. Кажется, это одна из самых неудобных и узких улиц не только в столице, но и во всей стране... пусть побегают. Зелёный плащ в последнее время в моде... Несколько стражников послушно рванули в нужном направлении, двое остались на месте предполагаемого преступления, пытаюсь вернуть тихому обычно переулку былое спокойствие:

– Расходитесь. Расходитесь!.. – увещевали они набежавших граждан.

Граждане слушались с неохотой, желая досмотреть происшествие до конца, выжать из него максимум для того, чтобы вечером за элем или чаем с пирожками делиться с соседями и друзьями...

Один из стражников склонился над трупом, осматривая. Свистнул, подзывая товарища – теперь они таращились на узоры на теле некроманта вдвоём.

– Вы его знаете? – подозрительно поинтересовался один из них у меня.

– Нет... Я просто шла мимо. На рынок собиралась... А тут он выскочил, откуда ни возьмись, толкнул меня, я упала... а этого господина – он навстречу мне шёл – пырнул ножом... кажется, несколько раз!

Почему один из разов пришёлся в спину – это уж вы сами потом гадайте, господа. Жаль, что заплакать у меня не получается, ну да ничего...

– Некромант, – тем временем неосмотрительно говорит один стражник другому то, что и так читается в их взглядах... и я немедленно этим пользуюсь: вскакиваю на ноги и отбегаю подальше. Оттуда смотрю на хмурых мужчин огромными круглыми глазами, повторяю визгливо: “некро... некрмант?!”, зажимаю себе рот, имитируя, что сейчас стошнит и бросаюсь прочь.

Они не сразу понимают, что я рванула не на несколько шагов, чтобы в уголке тихо справиться со стрессом, а по широкой улице, выходящей к рынку...

– Стой! Девка, ну стой же! Дурёха... – мне вслед несутся проклятия и торопливый топот.

Ну всё, паладин, я сделала и правда всё, что могла. Если на воротах кто и остался, думаю, он всего один, максимум двое – справишься как-нибудь... не мне тебя учить!

Народа возле рынка много, и стражникам сложно за мной поспеть, а я ещё и золотые монеты, прихваченные с собой, рассыпаю, выигрывая время. Пробегаю по рынку, петляю между рядов и убедившись после очередного поворота, что преследователей нет, ныряю в первую попавшуюся лавку с платьями. Хватаю одно, бросив на ходу, что госпожа отпустила меня буквально на двадцать минут и времени у меня очень мало, скрываюсь с ним в примерочной... нет-нет, помощь мне не нужна, мне надо просто спокойно примерить и подумать.

Не тратя время на то, чтобы снять платье – само свалится, обращаюсь в кошку и выскакиваю на улицу. Пробегаю под самыми ногами у рыскающих по рынку стражников, даю по носу когтистой лапой излишне смелой и наглой собаке, взбираюсь на дерево, и там уже, не спеша, продумываю, какой птицей стать.

Метаморф может принять любое обличье, но то, которое ещё не принимал, требует подготовки. Надо хорошо представить, что должно получиться, каждую свою часть, во всех деталях. Я не хочу становиться воробьём или голубем – меня сцапает какой-нибудь орёл или коршун раньше, чем я доберусь до паладина. А вот хищной птицей я пока ни разу не была... Так что минут двадцать я трачу, придумывая себе вид. И только после этого преодолеваю забор вокруг города, не поленившись пролететь над южными воротами и понаблюдать за суетой – там уже снуют инквизиторы, и направляюсь на поиски хозяина. Чтоб ему память и остатки силы отшибло!

Увы, ничего паладину не отшибло, даже, кажется, чувство собственной важности не особо пострадало. Я нашла его через полчаса после вылета, и теперь кружу сверху, не собираясь спускаться. Даже интересно, он меня уже почуял, или у него просто совершенно нет чувства времени, и он не знает, что час прошёл?..

Рравеш идёт на запад, минуя ближайшие деревни, хотя я была уверена, что он зайдёт разжиться одеждой и припасами. Впрочем, оказаться как можно дальше – сейчас самое важное. Интересно, как они будут его ловить, если он в курсе всех их хитростей?

Через несколько часов паладин жестом приказывает мне спускаться, не соизволив даже поднять взгляд, чтобы убедиться, что я ещё следую за ним. А впрочем, куда я денусь? Сложив крылья, резко падаю вниз, нарочно пикирую перед самым лицом лорда, и усаживаюсь на сухое поваленное дерево. Рравеш, надо отдать ему должное, даже не шелохнулся.

– Прими истинный облик, – приказывает он.

Я медлю, прикидывая, с какого обличья лучше начать этот раунд, и

горло тут же сжимает ледяная колючая петля. Лорд нетерпелив. Но зато в мою сторону летит плащ. Любопытно. Лорд считает, что единственная проблема во всём этом – излишняя стыдливость?

Копирую облик Рравеша, не удержавшись от мелкого хулиганства – нос делаю длиннее – прямо на глазах у паладина он ползёт вперёд, зубы кривыми, уши оттопыриваются...

Лорд раздражённо дёргает бровью, и мне опять больно. На этот раз уже сильнее.

– Так теперь благодарят за спасение жизни в высшем свете? – сипло выплёвываю, держась за горло и намеренно утрируя причинённый ущерб.

Полученным обликом – как на балу, лорд тоже не доволен – щурится зло, но пока не дёргает за поводок. Спрашивает:

– Что ты сделала на балу? Почему меня к тебе так тянуло?

Посылаю лорду удивлённый взгляд.

– Я ничего не делала. У вас просто вкус странный, – наверное, глупо огрызаться и доводить лорда до точки кипения, но сдаться на милость борца с нечистью – ничуть не лучше.

– А почему теперь не тянет? – интересуется он, вроде даже и не столько зло, сколько насмешливо.

– Одумались, – максимально серьёзно предполагаю я. – Как известно, лучшее средство от любви с первого взгляда – внимательно посмотреть второй!

– Кто твой предыдущий хозяин, метаморф? – меняет тему лорд. Нет, надеяться, что паладин отступится хоть от одного вопроса, не приходится. Скорее, нащупывает, с чего начать. Где самое больное.

Я с тоской оглядываюсь – солнце уже почти коснулось края земли, скоро начнёт темнеть, а в выбранном моим новым хозяином для допроса месте нет даже пространства для костра – сплошь деревья, да огромная, с человеческий рост, широкая кочка, покрытая мхом и травой... Что ему именно сейчас приспичило выяснять? Хочет избавиться?..

– Поклянись меня отпустить, и я всё честно расскажу, – предлагаю без особой надежды, переходя на “ты”, раз уж и паладин не утруждает себя церемониями.

Лорд крайне неприятно смеётся – сухо и зло.

– Нечисть я отпускаю только на тот свет, метаморф. Так что тебе лучше не торопиться. И ты в любом случае не в том положении, чтобы ставить условия.

Я сдерживаю нервный смешок. Если отвлечься от моей незавидной ситуации, сам паладин тоже не сказать, что на коне...

– Интересно, – зачем-то говорю я, – инквизиторы признались, что потеряли вас, или торжественно казнили кого-то невинного? Как у вас, воинов света, принято?

Всё тело обжигает болью – словно удар хлыста. Стараюсь молчать, но от шипения не удерживаюсь. Нет, я и не думала, что лорд такое спустит. Не знаю, зачем сказала... Странно только, что наказание настолько короткое.

– Ты же всё равно в итоге всё мне расскажешь, – устало говорит лорд и кривится, словно это в его тело только что впивались тысячи невидимых иголок... – Любишь боль?

– Жизнь люблю, – огрызаюсь и продолжаю стоять на своём: – Расскажу в обмен на свободу.

На секунду мне кажется, что меня ждёт наказание длиной в целую ночь – в глазах паладина всё, что угодно, но только не жалость, да и благодарности там не сыскать, но Рравеш молча отворачивается к большой зелёной кочке, водит по ней рукой, словно, что-то выискивая... и, видимо, находит – в кочке отворяется дверь.

– Не в истинном облике даже не пытайся зайти, – бросает, не оборачиваясь.

Я смотрю на захлопнувшуюся дверь потайного лесного домика для паладинов и инквизиторов, зачем-то поправляю на себе плащ и недоумённо моргаю. Всё? Это правда на сегодня всё?

Разумеется, внутрь я не пошла, да паладин, уверена, и не рассчитывал.

Просто любезно предостерёг, что место принадлежит Инквизиции и, значит, от всякой нечисти надёжно защищено. Но я бы в любом случае

не стала заходить – что я там забыла, в крайне ограниченном пространстве, в обществе борца с нечистью?

Перекинувшись в большую кошку, взобралась на дерево и удобно там устроилась. Хотелось, конечно, есть, но не настолько чтобы отправиться на охоту и разводить костёр... я даже идти пить поленилась – настолько устала.

Утром, ещё до рассвета, Рравеш будит меня, дёрнув за хвост, и даёт одежду и обувь. Всё это – и то, что дёргает за хвост, а не за поводок, и то, что дал одежду, пусть она и рассчитана на среднестатистического мужчину, а не на девушку, кажется мне добрым знаком. Не желая демонстрировать лишнего, я остаюсь всё в том же облике, что и на балу, разве что подрастив размер ноги – одежду можно перехватить поясом, а вот падающие сапоги так просто не подвяжешь...

– Тебе нужна моя помощь, паладин, а мне свобода, – говорю минут через двадцать пути. – Давай договариваться.

– Ты кровно заинтересована в моей долгой и счастливой жизни, метаморф. О чём с тобой договариваться? – хмыкает лорд.

– Я заинтересована в том, чтобы твоё тело жило, а разум спал, паладин. Устроит ли тебя такая жизнь?

Я не блефую, разве что чуть-чуть. Сейчас, когда из всей былой силы у лорда в руках лишь мой поводок, он беззащитен перед ядами, а уж найти лишняющий разума и подсыпать – я смогу. Ну или нанять пару менталистов...

Паладин зыркает недобро, но крыть ему нечем. Требовать клятву под страхом смерти бесполезно – боги, к счастью, не слепы. Тому, кто под ножом у горла клялся, никакой кары за нарушение не будет. Как бы тому, кто нож приставал, не досталось...

– Смени облик, – требует лорд. Вероятно, напоминание о бале его злит.

Ещё бы – встретились паладин и метаморф, и в результате этой встречи паладин пал жертвой страсти к метаморфу, что совсем не по канону. Должен был пасть метаморф от руки воина света...

Я моментально повинуюсь и меняю облик. Но Рравеш снова не рад – от вида королевы он отшатывается как от удара.

– Смени! – цедит сквозь сжатые зубы.

Я меняю на облик маркизы, и это, кажется, паладина устраивает. Да, я вредничаю, но лишь отчасти – во-первых, не хочу давать ни крупинки лишней информации о себе, во-вторых, любопытно и полезно посмотреть на реакцию.

Некоторое время мы идём молча, я не тороплю лорда – пусть подумает. Мне почему-то кажется, что он думает в нужном направлении...

Рравеш сменил одежду на простую и невзрачную, но осанка его всё равно выдаёт, как и излишне правильные черты лица. Аристократ. Чтоб его. Так и хочется косу откромсать и фингал поставить.

– Почему ты убила некроманта? – спрашивает лорд, когда начинает светать.

Признаться, что мне есть хоть какое-то дело до маркизы – немыслимо. Да и не нужно, никто не поверит.

– Чтобы не болтал, – коротко отзываюсь я. Как будто бы ему было кому и

о чём болтать. – А вы?

Мой вопрос проигнорирован. Зато у паладина есть свой:

– Не он ли твой прежний хозяин, метаморф?

На этот раз я отвечаю максимально честно:

– Если бы это был он, я бы вырезала ему сердце, паладин.

– Вот как? – чуть вздёргивает бровь лорд. – Поступаешь так со всеми своими хозяевами?

– Со всеми, кто отказался меня отпустить, – огрызаюсь в ответ.

Мы идём ещё около часа молча – я очень рада, что лорду не пришла мысль обратить меня в лошадь, и только когда впереди показался край деревни, Рравеш подводит итог своих размышлений:

– Я дам тебе шанс, метаморф. Докажешь, что можешь быть полезной и выполнять приказы, будем договариваться. Ослушаешься – убью прямо здесь.

Усомниться в словах паладина хочется, но не получается.

В деревне ещё все спят, и мы беспрепятственно проходим во двор одного из крайних домов. По какой-то причине там нет собаки, хотя будка стоит, и некому даже попытаться нас остановить или хотя бы поднять тревогу.

Лорд заглядывает в приоткрытое окно, и я тоже – в комнате только лишь молодая женщина, она спит, положив руку под щеку, и я слышу, как бьётся её сердце...

Зачем мы здесь?.. Задать вопрос вслух не успеваю.

– Убей её, – приказывает лорд, вышибая почву из-под ног у моей надежды на пусть и не светлое, но хотя бы какое-то будущее.

– Что она вам сделала? – мрачно спрашиваю я. Вот не верю я, что у самого лорда первого паладина какие-то счёты к деревенской жительнице... она вообще ничем оскорбить его не могла. У неё даже и шанса отказать ему не было, я уверена. Они просто никогда не встречались.

– Ничего, – спокойно подтверждает мои выводы паладин. – Это проверка, как ты слушаешься приказов. Могу ли я тебе доверять, и будет ли от тебя хоть какая-то польза. Ну так что, метаморф? Могу? Шею неприятно сдавливают поводок. Не больно, но красноречиво. Чтоб тебя!

Я как загнипнотизированная разглядываю в окно мирную, скромную и опрятную обстановку дома, безмятежно спящую хозяйку...

– Итак? – холодно торопит лорд. – Кто из вас умрёт?..

Зачем-то смотрю ему в глаза – там плещется всё та же тьма, даром что силы нет. Возможно, паладин всё-таки рехнулся? А впрочем, какая мне разница? И какое мне дело до этой женщины, что так беспечно оставила открытым окно и так неудачно попала на глаза спятившему лорду?

Никакого. Вот только почему-то накрывает ощущением непоправимой ошибки – надо было оставить лорда в Инквизиции, и пусть бы его казнили. С чего я вообще взяла, что он невиновен?..

– Раз, – говорит лорд, намекая, что времени у меня уже нет. Ни на сожаления, ни на выбор. Впрочем, какой может быть здесь выбор – между своим существованием и жизнью совершенно постороннего человека? Совесть? У метаморфа? Смешно...

Я поднимаю взгляд на небо – может, его паразит-таки молния? Должно же быть хоть что-то? Я не готова, не готова умирать прямо сейчас. Мне нужно ещё хотя бы несколько минут – вспомнить всё, что не успела сделать, мысленно повиниться перед мамой, проклясть врагов, до которых так и не добралась...

– Два. – Из поводка на шее лезут ледяные иглы, покалывая и потираливая...

Третьего счёта я не дожидаясь – сделав обманное движение, словно собралась лезть в окно, нападаю на паладина. Я двигаюсь быстро, но он каким-то образом уклоняется, усиливает моё движение, и я пролетаю мимо, пусть и умудрившись сохранить равновесие, это неважно – стоит оказаться буквально в паре шагов от Рравеша, и я начинаю задыхаться. Это длится всего секунду, словно до этого лорд максимально набрал поводок, а теперь почему-то отпустил. Набрал... И только теперь отпустил. После моего нападения на него... Мысли путаются, сбиваются, то дружно отставая от ситуации, то наперегонки стремясь нагнать... У меня не было возможности выполнить жестокий приказ паладина. Мне бы не хватило длины поводка, чтобы убить хозяйку этого дома... Проклятый лорд и в самом деле меня проверял, вот только совсем не так, как озвучивал.

Я молча направляюсь прочь. Не знаю, какова теперь длина поводка, но это и не важно. Лучше задохнуться где-то за забором, чем показать Рравешу, насколько меня проняло... Меня трясёт от того, что я и в самом деле уже попрощалась с жизнью, а приговор отменили, мне хочется расплакаться впервые за много лет, и одновременно задушить проклятого паладина голыми руками, настолько, что они начинают дрожать...

– Ты странно себя ведёшь, метаморф, – говорит за моей спиной лорд. Наверное, это похвала.

Я же, видимо, и в самом деле не в себе – резко развернувшись, даю Рравешу пощёчину. Как обычная истеричная придворная дамочка. Нет бы другой рукой, которой убивать собиралась...

Лорд и сам ведёт себя странно, словно чувствует вину – не уклоняется, не защищается... и даже никак не наказывает.

Глава 7

Я была настолько выбита из колеи этой вероломной проверкой, что молча ходила за лордом по деревне, не пытаясь никак огрызнуться или отомстить. Впрочем, это не значит, что я смирилась и простила. Просто месть хороша на холодную голову, а сейчас меня жжёт какой-то совершенно детской обидой – я готова биться об заклад, что девять из десяти людей выполнили бы приказ паладина, не задумываясь, если бы на кону стояла их собственная жизнь, так что за повышенные требования к метаморфу? Впрочем, Рравеш, кажется, и сам не ожидал. Возможно, он просто искал повод меня убить?..

Лорд бесцеремонно ворует мешковатое, неопределённого зелёно-коричневого цвета платье, а также чепец, болтающиеся на верёвке на заднем дворе полуразвалившегося дома. Впрочем, не совсем ворует – скорее, покупает – на крыльцо кладёт золотой, прихваченный, видимо, всё там же, в лесном домике. Я смотрю, как мой мучитель натягивает платье, и чувствую, что меня, наконец, отпускает. Вот уже хочется язвить, или наступить незаметно на подол, заставляя непривычного к юбкам мужчину споткнуться и, если повезёт, упасть. Впрочем, лорд слишком высок, и подол платья едва прикрывает щиколотки, выставляя на обозрение явно не женского размера сапоги. Чепец лорд пока не надел, но я уже предвкушаю. Пожалуй, это будет мой любимый образ на ближайшее время – во взгляде Рравеша на этот головной убор читается омерзение и самое настоящее страдание...

Сама идея, кстати, хороша. Искать будут одинокого мужчину, а не двух женщин, или женщину с мальчишкой...

Отсыпав примерно половину монет в карман, бывший паладин протягивает мне мешочек с оставшимися, кивает на дом, где во дворе

стоит кривоватая крытая повозка.

– Добудь лошадь и повозку. Скажешь, что мы путешествовали с торговым обозом, но твоя тётка заболела, и нас высадили прямо в лесу. Легенда неплоха, так что именно её я и вываливаю открывшему на стук недовольному мужику. Он подозрительно косится на меня, на забившуюся в конуру и оттуда потягивающую собаку – она оказалась трусливой, хватило всего одного даже не громкого рыка, чтобы она убралась с дороги, и уточняет:

– Чем заболела?

– Чем-то совершенно незаразным, господин, – уверяю я, демонстрируя содержимое мешочка. А затем активно почёсывая специально выведенную на щеке сыпь. – Чешется только и всё...

Мужик шарахнулся назад. Проследил, как на моей второй щеке медленно проявляется такая же сыпь, как на первой, снова взглянул на мешочек и решил:

– Бросай мешок. Лошадь сама запряжётся. Вон там, в сарае стоит...

Смотри, корову мне не попорть!

Бормоча благодарности, я иду за лошадыю. Всё-таки хорошо, что мужик согласился её продать. А то с паладина – теперь я в этом совершенно не сомневаюсь – стало бы запрячь меня.

Мы выезжаем из деревни, попадаясь на глаза редким местным. Лорд сидит рядом со мной и старательно сутулится, кутаясь в плащ и прикрывая ноги подолом, я же правлю лошадкой и уже ничего от Рравеша не жду, когда он, наконец, говорит:

– Возможно, метаморф, с тобой и в самом деле можно договориться. – Я не спешу ликовать, после подобной проверки можно ждать чего угодно, и действительно – лорд добавляет: – Клянись, что никогда не причинишь физического вреда ни одному человеку.

Серьёзно? Лорд, ты бы ещё попросил меня торжественно самоубиться в конце договора. Впериваю в Рравеша мрачный взгляд. Чтобы создать хотя бы видимость уступки, тебе стоило бы добавить, паладин, что разрешается самозащита... Впрочем, я бы всё равно не согласилась – у меня есть счёт к Айгору и ещё троим людям, и они его оплатят, хочет того мой текущий хозяин или нет. Я умею ждать.

– Нет, – говорю я, наблюдая даже с каким-то странным удовольствием, как взгляд паладина снова затягивает презрением. – Не пойдёт, паладин.

Мы делаем небольшой привал в лесу, где я по приказу Рравеша принимаю облик мальчугана-подростка, ещё недостаточно взрослого, чтобы быть призванным на военную службу или в Инквизицию, но и уже не настолько маленького, чтобы то, что он правит повозкой в одиночестве, вызывало удивление. Сам лорд доставил мне невероятное удовольствие: щедро зачерпнул рыжевато-бурой грязи и намазал на лицо. Засохнет и будет выглядеть пугающе и отталкивающе, словно и в самом деле какая-то кожная болезнь – то, что нужно.

– Тебе идёт, паладин, – не удержалась я. Когда ещё выдастся шанс, чтобы паладина лицом в грязь... – Помочь?

Зря ты его дразнишь, Ирби, ой, зря. Но если с Айгором всё было понятно, то в случае с Рравешем реакцию предсказать я не могла – то ведёт себя почти как с человеком, то устраивает такие проверки, от которых кровь стынет в жилах... Вот и сейчас – почему-то лорд и не подумал злиться.

– Зови меня “тётя Крис”, – невозмутимо отозвался Рравеш, старательно запихивая упрямо выбивающуюся косу под чепец. Пожалуй, когда всё закончится, и я буду свободна и богата, закажу себе портрет лорда в таком вот образе... – Как тебя зовут?

– Кто как, – не удерживаюсь от ещё одной провокации я. – Такие как ты

обычно “тварью”... Крис.

Тут я, пожалуй, перестаралась. Внимательный взгляд, в котором вопреки всему всё так же плещется тьма – мне начинает казаться, что она слишком любит паладина, чтобы его оставить, даже несмотря на блокировку силы, выразительно изогнутая бровь:

– Любишь такие игры, метаморф?

Сказал – словно в ту самую грязь макнул. Впрочем, сама подставилась.

– Фил, тётя Крис. Едем?

Застава встретила примерно через пару часов пути, аккуратно перед мостом. Шерстили основательно, особенно мужчин всех возрастов, так что скопилось даже небольшая очередь. Инквизитор, судя по одежде, был всего один – молодой и неопытный... так что, можно сказать, повезло. Остальные – обычные стражники, всего шестеро, на все вопросы досматриваемых лишь пожимали плечами, иногда добавляя многозначительное – “приказ”...

Дошла очередь и до моей повозки.

– Кто такой, куда едешь, что в повозке? – уныло отгарабанил стражник.

Ему было явно жарко в форме, а расстегнуться или того пуще – снять, при Инквизиторе он не решался.

– Фил из Гусино, вот тётку больную в Храм везу... – и прежде чем стражник успел что-то добавить, заорала погромче: – Эй, тётя Крис, тут на тебя господу посмотреть желают! Выглядывай давай!.. Тётя Крис!

Разумеется, никто не выглянул.

– Открывай, показывай – морщась от моих криков, буркнул стражник.

Остальные поглядывали на него с насмешкой, и это его, очевидно, злило.

Я активно замотала головой.

– Давайте вы сами, добрый господин, а? Она ж больная, говорю вам... А я молодой ещё, куда ж мне проказу-то на всё лицо? А у вас обереги есть, наверняка... да и здоровье хорошее...

Судя по промелькнувшему сомнению на лице стражника, амулетов от заразы у него не было, да и в здоровье своём он не то чтобы сильно уверен...

– Не очень-то ты печёшься о тётке, – нарисовался рядом молодой Инквизитор. Я посмотрела в васильковые глаза – бывают же такие, словно само небо, при случае скопирую его образ... хотя Рравеш – куда красивее – мелькнула и пропала совершенно непрошенная мысль.

Искренне ответила громким, надрывным шёпотом:

– Да вообще не пекусь, Ваша Милость! Подобную стерву, как тётушка моя, ещё поискать. Матушка вот очень просила отвезти... ну я и поехал. А если сдохла уже, так я мигом обратно поверну. Меня ж там Аринка ждёт... а за ней полдеревни ухлёстывает, ну как не дождётся? Или, того хуже, от тётки чего подцеплю? Как я потом некрасивым жить-то буду?! Вы уж посмотрите, а? Чай, сдохла?..

Симпатии моя пламенная речь не сыскала, но и подозрений, вроде, не вызвала. Только едва заметное чувство превосходства – дескать, чего от мелочных плебеев ещё ждать, не благородства же, в самом деле.

Инквизитор отдёрнул полог, заглянул в повозку, откуда пахло разными лекарственными травами, и, поморщившись – видимо, заценил облик тётушки, кивнул стражникам:

– Пропускай...

* * *

Кристиан Рравеш, бывший паладин Его Величества Киррона.

Божьей милостью пока ещё живой.

Метаморф. Тварь магическая, редкая... можно даже сказать, редкостная.

Иногда казалось неправильным, что метаморф занимает его мысли в последние два дня куда больше, чем остальные и остальное... А с другой стороны, что толку прокручивать унижительные и болезненные воспоминания, уже сто раз всё перевспомнено-передумано и зацепок пока нет, кроме как раз метаморфа...

А тварь – вот она, под рукой, хоть в руки и не даётся, изучай – не хочу. Он и не хотел, да придётся, раз уж целых три раза не собрался убить. Слишком многое сошлось на ней. И, казалось бы, в чём проблема – даже с теми крохами сил, которые у него вопреки всему остались, он мог в любой момент причинить метаморфу боль, тысячи, десятки тысяч болезненных мгновений... но хватило одного раза, чтобы понять – тварь боли не боится. Не любит, разумеется, даже, возможно, ненавидит, но не боится. Будет терпеть, потом придумает несколько лживых от и до историй, и будет их выдавать, может, вперемешку с правдой, и он, Рравеш, никогда не поймёт, лгут кривящиеся в гримасе презрения губы в данный момент или нет. Так что нужен другой способ. У него нет больше права на ошибку, и нет времени на то, чтобы играть в угадайку с тварью. Первый раз он собирался ей убить ещё там, на злополучном балу у того несчастливой дерева, сначала её, а потом и хозяина – после обрыва связи на нём ещё до сих пор, наверное, остались следы заклятия, а то и магические ожоги... не убил. Неведомое наваждение, название которому он даже затрудняется подобрать, сделало эту незнакомую, полностью магическую, бесполоую тварь, самой желанной женщиной на свете. Пусть всего на пару часов, но этого хватило. Хватило бы и десяти минут – он оказался на редкость не стойким, а стечение обстоятельств крайне неудачным... Вспоминать суд и бледную до синевы королеву Иррийну, с искусанными в кровь губами, королеву, которая так и подняла на него взгляда, и, несмотря на то, что олицетворяет милосердие на королевском суде, кажется, впервые не дала подсудимому слова... Нет, лучше и не вспоминать. Второй раз он хотел убить метаморфа сразу, как только вышел за территорию города. Вопросов к твари стало только больше, но личная выгода – вовсе не то, чем должен руководствоваться паладин, пусть даже и бывший. Почему передумал – сам не может сказать. Возможно, потому что она пришла за ним в Инквизицию и благодарность – истинно человеческое, вряд ли понятное метаморфу чувство, не дало прервать чужую, пусть и чисто магическую, жизнь... Третий раз – сегодня утром. На этот раз Рравеш всё обдумал, признал, что тварь лишь искушает, но добиться от неё ничего не выйдет, и надо покончить с метаморфом раньше, чем мысль заключить сделку с тварью перестанет казаться ему преступной. Метаморф ведь и в самом деле очень опасен – не зря в классификации нечисти эти создания стояли в одном ряду с высшими демонами, и пусть учинить даже мало-мальски значимое стихийное бедствие метаморф не в состоянии, зато... Зато он виртуозно притворяется человеком. Вот и Рравешу вместо злобной магической сущности упрямо мерещился человек... У метаморфа, кажется, не было никаких шансов. Рравеш прекрасно понимал, что поставь человека перед таким выбором, девять из десяти даже не дрогнут, прерывая чужую жизнь, особенно те, кому уже приходилось убивать... но тварь и сама играет нечестно – меняет лица, не упуская шанса ковырнуть ещё кровоточащие раны, ставит условия и откровенно насмехается... и всё это почему-то задевает за живое. Мысленно паладин уже простился с метаморфом, смирившись с тем, что остаётся без подсказок, и, возможно, отказывается от единственного шанса вернуть себе силу и доброе имя, но зато, по крайней мере, останется честен перед самим собой – не вступив в сговор со злом, не поступившись принципами...

Тварь его уделала. Обманула настолько искусно, что он даже поверил на короткое время, что есть у неё принципы, и ей не всё равно кого убивать, и это настолько ошеломило, что он даже допустил пощёчину – как от настоящей женщины, и ещё какое-то время пребывал в иллюзии, что метаморф не такая уж и тварь...

К счастью, долго притворяться метаморф не стал. То ли не смог, то ли не счёл нужным – стоило заговорить о том, чтобы исключить убийства людей, и тварь практически перевернулось от ненависти и злобы.

Нет, договариваться с тварью по-честному нельзя... но и убить теперь совсем сложно – поселилось всё же некоторое сомнение в его душе. Тварь нужно просто использовать. Если понадобится – обмануть. И неплохо бы раздобыть дополнительную информацию – до этого метаморф Рравешу встречался всего один раз, и знакомство было недолгим...

Он прикрыл глаза, вызывая в памяти карту – если забрать немного южнее, будет небольшой городок, в котором, если верить Главному Инквизитору, что, конечно, сомнительно, но чем боги не шутят, филиал Инквизиторской библиотеки. А заодно там можно будет узнать слухи и сплетни – казнили ли подлого изменника первого паладина, и кого по всей стране разыскивают...

Солнце поднимается всё выше и припекает всё сильнее, и вот уже в тесной, крытой повозке воздух стал раскалённым, и даже засохшая, казалось бы, намертво грязь на лице начала размокать от пота и сползать противными кусками...

Бывший паладин, рассудив, что от заставы они удалились уже на достаточное расстояние и, припомнив, что неподалёку должно быть озеро, где можно привести себя в чуть более нормальный вид, стукнул пару раз в стенку, приказывая метаморфу остановиться. Повозка плавно затормозила, и он полез наружу, прихватив две фляги с водой. Себе и метаморфу. Разумеется, тварь пить не будет – магическое существо, ему ни вода, ни еда не нужны, но надо же как-то эту нечисть приручать...

* * *

Паладин, как и следовало ожидать, спёкся в повозке весьма скоро.

Впрочем, вытерпел он куда дольше, чем я думала, а когда вылез, выглядел настолько забавно – с облезлой грязью на щеках и в

сползшем набок чепце, что я не смогла подавить смех. Впрочем, этим же смехом и подавилась – устроившись рядом со мной, лорд Рравеш забрал повод, а мне протянул... воду. В горле сразу стало невыносимо сухо – пить мне хотелось давно, но я как-то настроилась, что до ближайшего привала у меня нет никаких шансов, а поесть получится, видимо, вообще только ночью... теперь же вода была у меня в руках, и

желание сделать хотя бы глоток стало нестерпимым. И всё же... Я отвернула крышку и подозрительно, ничуть не таясь под пристальным взглядом паладина, понюхала содержимое. Проследила за тем, как он пьёт из своей фляги... Вроде бы, просто вода. Но как знать?.. Зачем отдельная фляга?

Мои сомнения лорд расценивает, видимо, как отказ – забирает воду обратно. Надо бы просто отвернуться и сделать вид, что ничего не произошло, или же обернуться птицей и найти в лесу любой ручеёк, если только хватит длины проклятого поводка, но я почему-то протягиваю руку и забираю у паладина его собственную флягу. Вода в ней пахнет точно так же, как и в той, что он предлагал мне. Была-не была, делаю глоток. Ещё один, и ещё... Гулять так гулять – допиваю всё.

Лорд молча принимает из моих рук пустую посуду.

– Спасибо, – заставляю сказать себя я. В конце концов, хорошее отношение к себе надо поощрять, особенно от того, кто держит в своих руках твою смерть.

Глава 8

К вечеру мы въехали в ворота какого-то небольшого городка. Рравеш смыл с лица почти всю грязь, здраво полагая, что большую кожной заразой крестьянку в город никто не пустит, однако стражи на воротах не оказалось в принципе. Путешествуй я одна, сочла бы подобную странность достаточным основанием для того, чтобы изучить обстановку, прежде чем соваться внутрь... но я была с новым хозяином, а ему либо напекло солнцем голову, либо от природы осторожности не досталось, и он направил порядком уставшую лошадку прямо в гостеприимно распахнутые ворота. Я покосилась на одиноко реющий над воротами алый флаг Инквизиции – свидетельство, что город под защитой, и промолчала. Город совсем маленький, видимо, раз паладины даже не сочли нужным отметить его своим, серебристо-синим флагом, вряд ли здесь больше двух инквизиторов, а то и вовсе один, и тот умениями не блещет... А Рравешу будет очень полезно оказаться в смертельной опасности – глядишь, охотнее начнёт договариваться. Впрочем... кажется, ему и в самом деле голову напекло – готова поклясться, что паладин, чуть притормозив и привстав на телеге при въезде, чтобы осмотреться, затем прицельно правил к дому, на высокой крыше которого развивался младший брат алого флага на въезде... Прохожие по дороге почти не встречались, а те, кто встретился, отводили взгляды, не желая по каким-то причинам встречаться глазами. У одного из прохожих – невысокого мужчины лет сорока я попыталась узнать, где постоянный двор, на что мужчина ссутулился ещё больше и, пробормотав что-то до крайности неразборчивое, но подозрительно похожее на “лучше уезжайте”, ускорил шаг. Паладина данная ситуация отчего-то ничуть не смутила, и свернуть с намеченного пути не заставила. – Решил сдаться? – не выдержала и заговорила-таки, когда уже никаких сомнений не осталось, а алый флаг маячил совсем вблизи, буквально через пару-тройку домов. – Давай я тебя прибую? И мучиться будешь меньше – я куда гуманнее инквизиторов, и мне хоть какое удовольствие напоследок! На самом деле, мне стало страшно. Вдруг он решил не сдаться, а сдать меня? В обмен на... да, в общем, мало ли на что. На какую-то информацию, на помощь, на деньги, на что угодно... А может, надеется, что Инквизиция вытащит из меня то, что я не тороплюсь выкладывать по доброй воле? Не исключено, что Рравеш рассудил как и я – смертельная опасность сильно способствует желанию договориться... а возможностей испортить мне жизнь у него куда больше, как ни крути. Хотя бы только потому, что он после моей смерти будет жить, а вот я его ни на секунду не переживу... Лорд ограничился насмешливым взглядом, делавшим его отчаянно непохожим на тётушку Крис, несмотря на чепчик и платье, и меня захлестнуло досадой и гневом: он явно заметил и понял мой страх. С другой стороны, может быть, как раз намеренно пугает?.. Не знаю, что собирался сделать Рравеш на самом деле, но в дело вмешался случай – любимый сын богини, говорят, не повинующийся даже ей. Под ноги нашей неспешно бредущей лошадке бросилась женщина. Лошадь шарахнулась в сторону и, сделав пару попыток перейти в галоп, остановилась, женщина же, в последний момент

опомнившись, отшатнулась назад, упала, и теперь просто сидела на мостовой, утирая беззвучно текущие слёзы.

Всё-таки тётушка из Рравеша получилась что надо – слушая, как он хлопочет над пострадавшей, я только диву давалась: в первом паладине пропал знатный артист. И голос, и манеры, и движения... не всякий метаморф так справится с ролью противоположного пола. Можно было бы восхититься, но для меня это плохо – ибо свидетельствует о том, что лорд наблюдательный и предусмотрительный. Обдурить такого куда сложнее... Не дожидаясь, пока “тётушка” сгонит меня с телеги, я сама прыгнула, освобождая место и бросая любопытные взгляды на новую пассажирку.

Женщина была одета хорошо. Учитывая размер города, я бы отнесла её к зажиточным купцам, или даже не очень богатым аристократам, несмотря на заплаканное и опухшее лицо, возраст я определила довольно уверенно – около сорока, может, сорок пять, если пользуется какими-то магическими кремами...

Рравеш – вероятно, сказывается большой опыт утешения плачущих женщин, или же врождённый эгоизм – не пытался узнать, что у несчастной стряслось. Вместо этого он интересовался постоянным двором, рынком, ярмарками и обычаями, и в какой-то момент рыдания женщины будто выключили.

– Вы не местные! – воскликнула она, словно впервые нас увидела.

Повторила, словно сама себе не веря: – Не местные!

– Не местные, – согласилась тётя Крис. – Переночевать бы нам где, подскажите, госпожа? И вас куда отвезти скажите, подвезём уж, чай...

– Уезжайте! – решительно велела женщина, я даже обернулась на неё посмотреть. – Прямо сейчас поворачивайте к воротам. Я дам вам денег, много, вам хватит, что бы вы ни искали в этом городе. Но уезжайте прямо сейчас, пока солнце не зашло.

– Как же это так, госпожа? – очень натурально расстроилась тётушка. – Лошадка устала, еле ноги волочит, племянничек мой Фил тоже вон едва плетётся, да и куда ж мы на ночь глядя, а вдруг там звери какие... али того хуже – нечисть!

– Вся нечисть и так уже тут, – губы женщины искривились в горькой усмешке. – Городом правит вампир... и... и он требует... сегодня... себе... мою... дочь! – еле выдавив из себя эти слова, женщина снова заплакала.

– Съесть? – ахнула я в роли Фила, беспрестанно оглядываясь. Ответом меня не удостоили.

– А что инквизитор? – спросил Рравеш, и я не могла не отметить, что талант ему, кажется, изменил. С чего бы простой крестьянке спрашивать так, словно и эта дама, и инквизитор обязаны держать перед ней ответ. Впрочем, погружённая в своё горе женщина ничего не заметила.

– Он давно нас всех предал... я здесь сойду, а вы уезжайте. Вот, возьмите... – женщина пихает тётушке туго набитый кошель.

– Вы хотите, чтобы мы увезли вашу дочь, госпожа?... – “догадывается” та.

– Никто из нас не может покинуть город, – горько вздыхает женщина. – Если останетесь на ночь, не сможете и вы. Если вообще выживете...

Уезжайте. Просто расскажите паладинам, что здесь происходит... это должно закончиться, любой ценой!

– Но вы ходили к инквизитору, госпожа... надеялись на помощь?... – не успокаивается тётушка.

Уже спустившаяся с телеги женщина горестно смеётся и кивает на кошель в руках Рравеша:

– Я пыталась его подкупить, чтобы он уговорил вампира на другую жертву. Любую другую, хоть бы и на меня... все знают, что тварь

продажна. Но он и пальцем не захотел шевельнуть!

– Паладины обо всём узнают, госпожа, – заверил Рравеш женщину.

Проводил взглядом её удаляющийся силуэт и перевёл взгляд на меня:

– Что стоишь, метаморф? Давай за ней. Скопируешь её дочь.

– И? – недобро прищуриваюсь я. Нет, женщину и её дочь мне жаль, с другой стороны, то, что они все не могут покинуть город, означает, что вампир и так пьёт их кровь. Вернее, вампиры. Ибо эти твари по одной не селятся, да и не сможет один контролировать целый город...

– И отправишься к вампирам, – видимо, Рравеш пришёл к тем же выводам касательно численности кровососов.

– На ужин? – уточняю я, старательно выгибая бровь. Паладин, ты что, совсем рехнулся? Не знаешь, как распорядиться подарком судьбы в виде метаморфа, так верни обратно, где взял, а лучше отпусти. Вместо того чтобы засовывать вампиру в пасть...

– Не думаю, что тебя там будут кормить, – хмыкает Рравеш. – Впрочем, если будут, можешь и перекусить.

“Жил да был дурак один, в чине “первый паладин”...”

Долго за женщиной идти не пришлось – она очень скоро свернула во двор ухоженного, довольно большого по меркам этого городка двухэтажного дома. Я прошла вдоль забора, раздумывая, как быть. Дразнилка про паладина складывалась сама собой:

“...Строил глазки королеве для какой-то своей цели.

Метаморфа повстречал, крепко к дереву прижал...

Р-раз, и нету паладина, есть лишь тётушка Кристина”.

Пока я раздумывала, как быть и с какой стороны подступиться – не стоит ли поискать подворотню, чтобы перекинуться в кошку или птичку, и как потом быть с одеждой, в заборе отворилась неприметная калитка – чёрный ход, и оттуда выскользнули две девушки. Одна была одета в элегантное платье красного цвета, с чёрным поясом и довольно-таки глубоким декольте, которое она пыталась спрятать под постоянно распахивающимся плащом, другая же была одета в штаны и мешковатую рубашу, и безыскусно косила под мальчика. Впрочем, в городе, где не бывает приезжих и все всех знают, нет особого смысла стараться с маскировкой, тут скорее был вопрос удобства.

Девушка, наряженная в платье, меня не заметила вообще, та, что в штанах, скользнула взглядом, в котором вяло, шевельнулось любопытство, но она тут же отвернулась. Сёстры – это легко читалось по схожим лицам, быстрым шагом направились в ту сторону, откуда я только что пришла, и мне пришлось-таки спешно перекидываться в птицу и прощаться, по всей видимости, с одеждой – вряд ли я вернусь именно сюда. Впрочем, найду что-нибудь, не впервой.

Готова поспорить, девчонки что-то задумали. Точно не сбежать – кто же бежит без запаса еды и в таком неудобном, ярком платье?..

– ... ничего не выйдет! – с отчаянием шептала девушка в красном, еле поспевая за сестрой.

– Хотя бы попытаемся! – зло и азартно отзывалась вторая. Наверное, люди назвали бы ту, что в платье, красавицей, а эту – с неровной стрижкой и мальчишескими манерами, хорошо если хотя бы симпатичной, но вот лично мне она нравилась куда сильнее. С каждой фразой, как её, так и сестры.

– Я боюсь, будет только хуже... – шепчет красавица в красном.

– Хуже? – искренне изумляется её бойкая сестра. – Есть куда хуже?

– А вдруг он придёт потом за нашей семьёй?

– Не придёт, если ты всё сделаешь правильно!

За пару домов до обители инквизитора девчонки разделились. Девушка в платье направилась к парадному входу, а другая скользнула в

переулок. Интересно, что они собираются делать?... Знают ли, что инквизитор уже отказал их матери?

Я опустилась на землю в паре метров от крыльца. Девушка нервно мялась, не решаясь позвонить. Я уже подумывала постучать вместо неё – я, конечно, не дятел, но клювом по двери и ворона может долбануть, но тут она окончательно струсила и собралась уходить...

Вспорхнув, я опустилась ей на плечо. Сжала его когтями, громко каркнула в ухо. Девица завизжала, дёргано взмахнула рукой, пытаясь от меня избавиться, я взлетела, успев клюнуть её в плечо. Не до крови, но чувствительно. Девушка попятилась ближе к двери, я осталась сидеть на дороге, пристально за ней наблюдая. Вряд ли она поняла, что нужно делать, настолько быстро. И точно. Девица попыталась сбежать в другую сторону. Я тут же оказалась перед ней, на уровне лица, пронзительно каркнула, и девушка шарахнулась к крыльцу. Ещё пара попыток сбежать, и девушка обречённо нажимает звонок.

Инквизитор не торопился открывать дверь, так что девушка бросила на меня жалобно-растерянный взгляд. В качестве поддержки и поощрения я снова села ей на плечо. Судя по задрожавшим губам и срывающемуся шёпоту “только не глаза, не выклёвывай мне глаза!”, подбодрить не получилось. Ну и ладно. Зато девица протянула руку и толкнула дверь, которая оказалась не заперта, и даже без дополнительного стимула сделала шаг внутрь.

– Мистер Эван... вы дома? – нерешительно позвала, кажется, сама не зная, что лучше – рассерженный вторжением инквизитор или злобная ворона. Впрочем, учитывая, что уже через час-другой девушку ждёт вампир...

На зов никто не откликнулся, девушка застыла, опасливо косясь на меня, и я каркнула, посылая её дальше. Где, интересно, вторая?

На первом этаже не нашлось никого и ничего интересного, а вот на втором... на полу лежал труп. Из его груди торчал форменный кинжал инквизиции, а в кресле невозмутимо и эффектно устроился... паладин. В чёрном с серебром костюме, вероятно, позаимствованном у убитого инквизитора, с книгой в руках и с самым невозмутимым видом.

– Ах! – сказала будущая жертва вампира, встретившись взглядом с тьмой в глазах паладина.

– Карр! – сказала я. У этого негодяя, видимо, всё-таки есть план? Или он просто пришёл пожить?

Рравеш молча и повелительно протянул руку, и я послушно перелетела на неё. Нет, совсем не от того, что решила беспрекословно слушаться хозяина, а чтобы пострадавшая от моего клюва и когтей девица точно знала, кого в этом винить. Паладин, вероятно, этого не понял – мало ему женщины лицо царапали, по крайней мере, он слегка погладил меня по перьям. Дурак, как есть, дурак.

– Вы... вы пришли меня спасти! – сделала неожиданный вывод красавица в красном и, ничтоже сумняшеся, сделав пару шагов, опустилась перед паладином на колени. Плащ распахнулся, открывая

Рравешу вид на трепетную девичью грудь. Впрочем, уж не знаю, насколько девичью – слишком бесстыдно это красавица на него

смотрит... а с другой стороны – что ей терять? – Пожалуйста, помогите... пожалуйста!

Рравеш внимательно изучил предлагаемый вид, потёр плечо, в которое я его совершенно случайно клюнула, и бархатным голосом пообещал:

– Я сделаю всё, что смогу, леди! Как ваше имя?..

– Анна, – прошептала девушка, заливаясь румянцем. Я остро ощутила себя совершенно лишней. Но Рравеш пусть даже не рассчитывает на какое бы то ни было уединение. Хочешь интима – отпусти меня на

свободу, лорд. Только так, и никак иначе.

– Анна... – мурлыкнул паладин, как оказалось, ничуть не смущённый присутствием метаморфа. – Раздевайтесь!

– Что?! – воскликнула девушка, краснея ещё больше... и тем не менее, хватаясь за корсаж.

– Карр! – возмутилась я не меньше девушки.

– Что вы себе позволяете?! – поддержала разговор очень вовремя подоспевшая, но застывшая в дверях от подобной наглости сестра Анны. – Кто вы вообще такой?!

– Мне всего лишь нужно ваше платье, Анна, – усмехнулся Рравеш, кажется, весьма довольный произведённым эффектом. – Разумеется, если вы не настаиваете на том, чтобы отправиться к вампирам лично.

Увы, оспаривать право отправиться в логово вампиров никто не стал, и оно с нелёгкой руки Рравеша досталось мне. Впрочем, спасибо и на том, что я не должна была справляться с кровососами голыми руками. Вроде бы. Лорд обещал мне суперэффективное оружие массового поражения. Надеюсь, не шутил.

Сестёр он запер на чердаке, уверив, что это сейчас самое безопасное место в городе. Возможно, так и было. Я же, скопировав Анну, облачилась в её платье и выжидательно уставилась на Рравеша. Он не спеша и крайне торжественно водрузил на стол большую шкатулку, протянул мне какие-то перчатки из плотной кожи, и дождавшись, пока я их надену, откинул крышку.

Заглядывала я с опаской – из шкатулки шёл ослепительно-белый свет. Внутри обнаружились кристаллы, которые и давали свечение, буквально крича, что переполнены белой магией. Мне хотелось зажмуриться и отойти подальше.

– Бери, – сказал паладин. Ну конечно, кто бы сомневался. – У тебя перчатки, бери, не бойся.

Поколебавшись, я всё-таки взяла один. Перчатки работали на славу – ни боли, ни дискомфорта...

– Тебе надо взять с собой все, – тем временем инструктировал меня Рравеш. – Выгрузи где-нибудь в зале, где все соберутся, под стол, например. Один только оставь себе. Твоя задача – приложить кристалл к телу верховного вампира и сразу же бежать – хоть мышкой, хоть птичкой, но как можно дальше. В кристалле белая магия, она уничтожит вампира. От такого количества и прямого контакта не защитится ни один вампир. А остальные кристаллы резонируют на тёмную силу, высвобождаемую при смерти твоей первой жертвы.

– Откуда? – спросила я, ощупывая платье на предмет потайных карманов. Заниматься прямо сейчас рукоделием, пришивая карманы, не хотелось. – И что, вампиры не почувствуют, что главное блюдо вечера... с начинкой-сюпризом?

– Не почувствуют. Для верности можно в перчатку спрятать, но у этих кристаллов очень хорошая защита.

У меня было ещё очень много вопросов к паладину, вот только времени на то, чтобы выбивать ответы не было – солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом, а значит лже-Анне пора навестить дом главы этого города. Впрочем, паладин не ответит, а кое о чём я и так догадываюсь: главная разница между инквизиторами и паладинами в том, что инквизитором может стать любой обделённый магическими способностями олух, в то время как паладины – все урождённые маги. Видимо, кристаллы – это сила, которую Инквизиция регулярно выделяла хозяину этого дома, а он не мог воспользоваться, так как был помечен вампиром? Или просто не хотел? Боялся?..

Одну перчатку я и в самом деле запихнула в карман – он всё-таки нашёлся, другую – запихала в декольте вместе с одним единственным

кристаллом, предназначенным для верховного вампирюги.

Паладин, разумеется, со мной не пошёл, остался охранять сестричек... или сокровища инквизитора от сестричек. Вот тебе и “сделаю, что могу”... Наобещал, и в кусты. То есть, в кресло.

Впрочем, стоит признать, что наличие незнакомого мужчины в костюме инквизитора могло бы насторожить вампиров раньше времени. Как и в женском платье. Но паладина это ничуть не извиняет.

В общем, я брела одна по пустынным улицам, иногда замечая движения занавесок на тёмных или полутёмных окнах, и мне казалось, что я физически чувствую чужое облегчение. И чужой стыд. За то, что рады чужой беде, ибо лучше чужая, чем своя.

Говорят, вампиры ведут себя не так уж и дерзко. До смерти выпивают кого-то не чаще раза в год, а также всех приезжих, кого одобрит инквизитор. Зато от остальной нечисти защищают. Ни одного оборотня или упыря за последние несколько лет... Раньше? Раньше тоже не было, но тогда ж времена поспокойнее были, не то, что сейчас. Да и инквизитор был... посветлее.

До нужного дома я добралась минут за пятнадцать, и это совершенно точно было самое освещённое здание во всём городе. Словно вампиры мстят солнцу, пытаясь светом свечей и магических светильников переплюнуть его губительный для них свет. Ещё играла музыка – её было слышно за квартал. Что-то изысканное, со скрипками и флейтами, совсем не злое, скорее даже пронзительно-нежное... вокруг дома

ни души, ни одного экипажа, ни одного зеваки. Вампиры не ездят на балы в экипажах, это дурной тон и показатель слабости – приходят туманом кто подревнее, кто помоложе – обычными летучими мышами... А зеваки... Зевак вампиры любят. Нет, готовить не умеют, сырыми любят. Думаю, местные это быстро поняли.

Так что я шла в полном одиночестве, как будто этот праздник для меня. Как будто это праздник... Интересно, это хоть на одну жертву нагоняет хоть что-то кроме ужаса?..

Дверь распахнулась, когда я была в паре шагов, и за ней никого не было. Позёры. Я вошла в ярко освещённый холл, и тут же рядом возник молодой вампир в старомодном фраке.

– Позвольте ваш плащ, леди, – проворковал он, демонстрируя клыки.

Я без возражений отдала. Вампиры любят церемонии, лоск, показную роскошь... и красное платье Анны пришлось явно по вкусу. С клыков разве что слюна не капала.

– Леди Анна, я так рад... – чуть хриплый баритон.

Я обернулась. Высокий, широкоплечий, волосы тёмные, глаза, как и полагается, красные, в коих ни следа радости, одно лишь пресыщение, кожа и зубы белые, клыки торчат... а грудь кол осиновый просит. Ну или кристалл с белой магией. Никакой симпатии, как не сложно догадаться, я к вампирам не испытываю. Впрочем, вряд ли Анна осмелилась бы об этом сказать, так что придётся и мне промолчать.

Подняла на гада испуганно-затравленный взгляд. Гад довольно улыбнулся – кажется, именно такой эффект и ожидается, пока я справляюсь неплохо...

Словно сглазила – вампир взял меня за руку, и тут же понял, что что-то не так. Наверное, не почувствовал метку вампира. Издалека достаточно было моего слабо-магического фона, а вот вблизи, видимо, подлог стал очевиден.

И что теперь? Броситься убежать от него в зал, в надежде, что он побежит за мной, а там уже и все остальные собрались? И что я успею на ходу незаметно разбросать остальные кристаллы?..

Покушаться на вампира, пока остальные кристаллы так близко ко мне –

самоубийство. Если Рравеш прав, и кристаллы резонируют от выброса тёмной энергии, меня, может, и не спалит как вампиров целиком, но тёмную магию выжжет точно... и я плохо представляю, что тогда от меня останется...

– Вы – не Анна, – тем временем уверенно заявил хозяин дома.

Я промолчала, а он сделал шаг ещё ближе, принялся, затем ещё раз... и глаза его засияли. Теперь он, кажется, и в самом деле стал рад, и совершенно точно перестал скучать, отыгрывая самим собой навязанную роль. Видимо, такие блюда в город ещё не завозили... Я же слегка занервничала – понятия не имею, что произойдёт, если вампир выпьет крови метаморфа. Судя по реакции данного экземпляра, он станет практически бессмертным и всемогущим. Ну или просто очень счастливым.

– Да! – торжественно изрёк вампирюга, словно уже глотнул моей крови. И мягко потянул за собой вглубь дома. – О, да! Какой невероятный подарок судьбы! Скажите же свои условия, леди! Уверен, мы договоримся.

– А ваши условия? – спросила я, чтобы потянуть время. На горизонте неожиданно-негаданно замаячила свобода. Пусть относительная, но у этого вампира точно хватит сил, чтобы одурманить и погрузить в сон потерявшего магию паладина... особенно учитывая, что единственное его оружие против вампиров – кристаллы с чуждой, светлой магией, у меня. Разорвать поводок вампир не сможет, но какая разница, если Рравеш не будет за этот поводок дёргать, а будет в безопасном полусне где-нибудь в тайнике под надёжным присмотром...

– Ваша кровь и ваша любовь раз в неделю, – решительно заявил вампир. Я промолчала. Наверное, меня должно было остановить “ваша любовь”, но думалось почему-то о другом – о рыдающей матери Анны, о её отчаянной сестрёнке – вампир станет сильнее, и шансы города на освобождение совсем упадут. И какое мне до этого дело? Совершенно ведь никакого. Равно как и до представившейся с удивительной ясностью картинки – измождённый Рравеш, весь в шрамах, и над ним склоняется очередной вампир...

– Может быть, раз в месяц, – задумчиво изрёк вампир, не найдя на моём лице должного желания сотрудничать.

В зале, куда привёл меня вампир, огромный овальный стол. На нём только пустые бокалы, расставленные по всему периметру, рядом – стулья с высокими резными спинками, и больше в зале никого... но я чувствую, что остальные тоже здесь. Скрываются, чтобы не мешать старшему вести свою игру. Говорят, вампирам слаще всего кровь влюблённой девушки, для этого и прелюдия.

– Потанцуем? – спрашивает вампир. Притихшая было музыка начинает звучать громче, хотя ни одного музыканта не видно. Я молча протягиваю руку, позволяю себя вести.

А сама пытаюсь преодолеть ступор. Я – метаморф. Я могу перестроить своё тело как угодно в этой ипостаси, я же дразнила Рравеша кривым лицом, я была и невиданной ранее птицей, и кошкой, и женщиной, пусть только с виду... Кое-как договорившись с собой, отрачиваю хвост, и пока мы танцуем по всему залу, аккуратно... ну или по-возможности аккуратно вытряхиваю кристаллы в разных углах. Лично мне звук падения кажется оглушительным, но вампир никак не реагирует, надеюсь, что и остальные тоже не заметят... В любом случае, затягивать нельзя.

– Могу я узнать ваше имя, леди? – шепчет вампирюга.

– А я – ваше? – отзываюсь в ответ.

– Вы можете называть меня, как вам нравится. Любое имя из ваших прекрасных уст меня устроит... – заученно твердит свою партию

кандидат на кристалл.

– А вы зовите меня Анной, – решаю, что нет смысла придумывать хоть что-то для того, кто скоро перестанет быть. А вот если не перестанет, тогда и придумаем.

– Кому я обязан вашим визитом? – не унимается вампир. Пожалуй, надо действовать быстрее, пока он не вспомнил, что бесплатный сыр только в мышеловке, а бесплатный метаморф только в западне, устроенной паладином... Впрочем, тут и танец близится к завершению, мой самоуверенный партнёр склоняется ближе, как будто решил, что девушка уже за один танец готова, а может, это он чтобы лучше слышать, мне, в принципе, всё равно. Я не отстраняюсь, и не отвожу взгляда от красных глаз вампира, в которых расплывается что-то тёмное, делаю их бордовыми... и в то же время тяну перчатку с кристаллом, и каким-то чудом умудрившись не соприкоснуться с источником светлой силы самой, впечатываю ему в шею. Прямо к коже. А то вдруг через одежду не пройдёт...

Сначала ничего не происходит. Кажется, вампир даже решил, что это проявление страсти – накрывает мою руку своей, затем перчатка начинает нагреваться, уже почти обжигая ладонь – надевать перчатку у меня времени не было, так что я просто схватила её в охапку. Не дожидаясь, пока до вампира дойдёт, я вырываюсь, оборачиваюсь птицей, но не тут-то было – все окна моментально захлопываются, а в комнате стремительно темнеет – вампиры, кажется, поняли, что что-то не то, начинают проявляться тёмным туманом, мышами... Главный вампир, чьё имя я так и не узнала, а своё название не придумала, начинает светиться изнутри и жутко кричать, а затем вспышка, и от того

места, где только что был вампир, во все стороны несётся тёмная сила.

Меня задевает по касательной, и пусть эта сила совсем не такая вкусная, как у Рравеша, я всё равно с удовольствием её выпитываю.

Впрочем, кажется, скоро я отдам её обратно в мир вместе с остальными вампирами – на окнах дубовые ставни и заклęcia, мне не выбраться, а разбросанные мной кристаллы уже вспыхивают в разных частях зала, обжигая вампиров, заставляя их корчиться и кричать...

В отчаянной попытке выжить, или как-то минимизировать ущерб, перекидываюсь в истинный облик. Может быть, светлая магия так же

глупа, как её служители? Смогла же я войти в здание Инквизиции в этом облике, может, получится выжить и здесь?

Невольно зажмуриваюсь – и прощаясь с бестолковой жизнью, и вопреки всему лелея надежду, и просто от того, что перед глазами творится невообразимое – чередование чёрных и белых вспышек, и каждая чёрная приносит очередную дозу тёмной магии...

Из-за опьянения магией, я плохо помню, что было дальше.

Кажется, у меня хватило ума сменить облик на Анну и даже облачиться обратно в платье. Вроде бы, за мной пришёл Рравеш. По крайней мере, ушла я не сама, и смутно помню, как он спускается по лестнице, держа меня на руках, а я звонко и с выражением читаю ему свой стих, и хвастаюсь хвостом, который бесстыже задирает подол нескромно-красного платья, чтобы показаться во всей красе... Впрочем, возможно, это всё мне уже приснилось, потому что паладин не рассердился на дразнилку вообще ни капельки.

– Сколько тебе лет, метаморф? – спросил он уже где-то на улице.

Вероятно, намекал, что стих – детский. Короткий слишком, что ли?

– Двадцать три, – ответил очень пьяный и потому очень честный метаморф.

Зевнул. И окончательно уснул.

Очнулась я в повозке, когда было уже светло. На мне было всё то же красное платье, и я с облегчением выдохнула, поняв, что у меня облик Анны. Я не могла сформулировать точно почему, но показаться паладину в истинном облике, который он знал, как Лизу, казалось крайне неудачной затеей.

Зверски хотелось есть. И словно в насмешку в воздухе едва уловимо пахло едой. Я даже глаза на секунду прикрыла... пахло восхитительным сочетанием мягкого хлеба и сочного, долгое время томлёного на медленном огне мяса. Увы, но пахло, кажется, снаружи. Рядом со мной валялась сумка, вероятно, вынесенная паладином из дома убиенного им инквизитора... Я без зазрения совести сунула туда нос – ничего съестного, только книги и одежда. Книги мельком просмотрела – о всякой нечисти, о блокировке магии, и ещё куча выданных из других книг листков со сведениями про метаморфов... Несколько листиков я решила припрятать. Но сначала переделась в одежду, также позаимствованную у жертвы паладина – чёрный с серебряной вышивкой камзол, очевидно говорящий о принадлежности к Инквизиции. Листки безжалостно сложила в четыре раза и сунула в карман. Потом на досуге почитаю. У меня прогрессирующая тяга к саморазвитию и самосовершенствованию. Менять облик я не стала, разве что хвост убрала, и выбралась наружу. Легко пробежала по достаточно широкому и ровному краю повозки и уселась рядом с паладином.

Равеш скользнул по мне задумчивым тёмным взглядом, откусил от бутерброда и перевернул страницу лежащей на коленях книги.

Я щёлкнула зубами, и забрала у лорда бутерброд. Съела, и ни вопросительно выгнутая бровь, ни становящийся всё более удивлённым взгляд мне ничуть не помешали.

– Ещё есть? – спросила я.

Равеш опустил взгляд в книгу, отлистал назад несколько страниц и тоном очень заслуженного и ещё больше занудного лектора зачитал:

– В силу своей магической природы метаморф не нуждается ни в воде, ни в пище.

– Нету? – погрузилась я, не желая никак комментировать подобную чушь. Наверное, чёрные маги – очень прижимистые ребята. Вот и пишут всякую ерунду, лишь бы на еду не тратить...

Равеш, словно задавшись целью реабилитировать репутацию чёрных магов, молча протянул мне ещё один бутерброд. И слегка улыбнулся. И я поняла, что облик Анны срочно пора менять на другой, непривлекательный, и лучше всего, вообще на мужской, потому что

улыбка лорда слишком мягкая и искушающая – именно так опытные ловеласы улыбаются своей очередной наивной и невинной пока ещё жертве... Моё сердце даже споткнулось от этой полуулыбки. Слишком неожиданно. Всего лишь неожиданно. Спокойно, Ирби. Сменишь облик на привале, чтобы не выглядело, что ты делаешь это из-за него, и всё. Лорд перестанет видеть в тебе красивую девушку... да и девушку вообще. Я ведь не наболтала ему вчера ничего лишнего, кроме стихов?

– Инквизиторы не могли ошибиться, – уверенно заявила я лорду, чтобы как-то разрядить обстановку. Не по себе мне от того, с каким вниманием лорд наблюдает за тем, как я ем. – Метаморфы не нуждаются в еде, я нуждаюсь, соответственно, я не метаморф. Снимаю поводок, паладин, и я даже не буду на тебя доносить!

Паладин лишь усмехается, и чуть подстегнув совсем замедлившуюся лошадку, возвращается к книге, обронив:

– Это не основной признак метаморфа... метаморф. И это говорит лишь о том, что за тобой надо понаблюдать.

– Да? – почему-то паладин снова жутко злит. И тем, что называет

“метаморф”, хотя я сама отказалась говорить ему имя, и этим вот “понаблюдать”. Сразу понятно, что я – распятая на лабораторном столе лягушка. Злость дёргает за язык: – А когда в кустики пойду – тоже наблюдать будешь?..

Рравеш одаривает меня тёмным, тяжёлым, тягучим взглядом, и я сразу понимаю, что в кустах он представил себе явно что-то не то. Вот и взгляд его пополз куда-то не туда, в приличном обществе так дам не рассматривают даже тайком... а тон наоборот стал жёстче:

– Метаморф... твоя служба, оказывается, включает интимные услуги?.. Или ты рассчитываешь выбить себе поблажку таким образом? У тебя с предыдущим хозяином было именно так?.. Сидеть!

Похоже, пока я искушала, а затем истребляла вампиров, паладин времени не терял – осваивался с поводком. От команды “сидеть” меня просто пригвоздило к месту.

А Рравеш протянул руку, погладил по щеке. В противовес тону почти ласково.

Я попыталась изменить облик на мужской, но и тут ничего не вышло, и это повергло меня в панику. Одно дело боль, которой наказывает недовольный хозяин, её можно перетерпеть, а другое – тотальная беспомощность. Я и в самом деле сейчас в привлекательном женском облике, в слабом облике – зачем тратить лишнюю энергию на поддержание мышц, если моментально можно их сотворить... раньше было можно, а теперь ничего не выходит... и ничто не помешает паладину... ничто не помешает...

Удерживающая сила пропала, я поспешно сменила облик на подчёркнуто-некрасивый, мужской, но паника не проходила. В кого ни превратись – птичку, кошку, мужчину... если паладин нашёл способ останавливать превращения, может найти и способ заставить меня принять истинный облик. И в нём зафиксировать. И вот тогда я буду совершенно беззащитна и уязвима...

– Как тебя зовут, метаморф? – мягко спрашивает паладин.

Постыдное проявление проклятой слабости, но я не могу пока что заставить себя на него посмотреть. Мне кажется, что паника – ещё более позорна. Молчу, разглядывая собственные руки и колени. Ты уж определись, паладин, имя тебе или безвольное тело...

– Метаморф... – тяжело вздыхает Рравеш. Звучит почти покаянно, но я не верю. Впрочем... – Обещаю, я не буду тебя принуждать к близости. Жизнью клянусь.

Я обдумываю его клятву целую минуту. И не нахожу, к чему придаться.

– Ирби, паладин. Можешь, звать меня Ирби.

Дорога ползёт медленно и достаточно уныло, паладин молчит, периодически бросая на меня непонятные взгляды, а мне всё паршивее от того, что я под этого лорда прогнулась. Ничего страшного нет в том, что назвала ему имя – сокращённое, из которого он вряд ли когда догадается вывести полное, но сам факт... Паладин нанёс сокрушительный удар по моему самообладанию и внутреннему равновесию. Наверное, именно это толкает на грубость и новый конфликт:

– Твоя очередь, паладин, – лениво цежу я. – Мои интимные услуги в рамках службы мы обсудили, теперь и ты расскажи...

– Что тебе рассказать?! – угрожающе прищуривается мой временный, я верю, хозяин, а тон у него и вовсе ледяной, не всякий король так умеет.

– Как титул первого паладина в постели королевы...

Договорить я не успеваю. Как и следовало ожидать, паладин в бешенстве, дёргает за поводок, и последнее слово я просто не в состоянии вымолвить, у меня появляется куда более важное дело –

сделать вдох, хоть один, хоть маленький...

Рравеш отпускает почти сразу. Я хрипло вдыхаю такой желанный воздух и молчу. И совершенно не раскаиваюсь. Не только ты можешь играть на чужих нервах, паладин.

– Убирайся, – цедит он. – Чтобы я тебя не видел до самого вечера!

Дважды просить меня не надо – меняю облик на птичий и взмываю в небо.

Как хорошо. Я люблю летать. И плавать люблю. И даже просто бежать – это всё даёт почему-то ощущение свободы, позволяет на несколько минут забыть, что моя жизнь – просто козырная карта в колоде очередного чёрного мага...

Я улетаю довольно далеко вперёд, чтобы проверить поводок – кажется, паладин и в самом деле не желает меня видеть, поводок удивительно длинный, затем делаю большой круг, замечаю и отряд инквизиторов, и торговый караван, и даже небольшое озеро в середине леса. Желание искупаться возникает тут же, и становится всё сильнее. Что касается инквизиторов... они едут в ту же сторону, что и Рравеш, и вряд ли он на своей кляче их догонит.

Вода в озере прохладная, но я всё равно с большим удовольствием купаюсь. В отместку Рравешу в облике королевы. Реакция паладина хоть и оказалась вполне предсказуемой, почему-то зацепила. Он так ярится, потому что это правда? Или потому что королева ему не дала, а он хотел? А может, действительно её любит?..

Впрочем, думать я должна вовсе не об этом, а о том, как себя дальше с Рравешем вести. Глупо отрицать, что я кровно заинтересована в его благополучии, и это вынуждает и будет вынуждать меня делать то, что в противном случае я бы и не подумала сделать для паладина.

Предупреждать об инквизиции, например. Вытаскивать из застенков. И вообще всячески помогать, ибо паладина рано или поздно найдут, и единственный его шанс – быстро выяснить и устранить заказчиков. И тут наступает конфликт. Меня совершенно не устраивает вариант помогать этому гаду просто так, а он не спешит со мной договариваться. Значит, мы теряем драгоценное время и уменьшаем шансы паладина, и, соответственно, мои на долгую и счастливую жизнь... Надо как-то

столкнуть наши переговоры с мёртвой точки. Прикинуться божьим одуванчиком уже не получилось, не верит паладин в моё благородство и мою безбидность, значит, нужно его просто довести, чтобы текущая ситуация стала невыносимой!

Заметив на обратном пути группу солдат на привале, спустилась послушать. Мага с ними быть не должно, да и не было, судя по всему – иначе бы старшина не сидел так вольно, и выражениях был бы сдержаннее... так что я безбоязненно устраиваюсь на дереве прямо над головой старшины.

Сначала обычный трёп, в котором нет ничего примечательного, но потом разговор всё же приносит некоторую пользу. Оказывается, отряд направляется в столицу, хотя ещё пару дней назад они должны были направиться на границу с империей Шайи-Терр на смену другому отряду. Если я правильно поняла, то и тот отряд тоже отозвали – войска стягивают к столице.

Солдаты шёпотом, с оглядкой на старшину – как бы не услышал, а тот старательно делает вид, что не слышит, грея, как и я, любопытные уши – обсуждают, зачем же Рравеш организовал покушение на короля, из чего я делаю вывод, что устранив Рравеша, кто-то попытался устранить и монарха. Хорошо, что не получилось. От политики я далека, но даже мне понятно, что в анархии и хаосе нет ничего хорошего, и идти на это стоит лишь в крайних случаях. А Его Величество Киррон – точно не такой

случай.

Версии у солдат самые разные – от того, что Рравеша подставил Главный Инквизитор в извечной борьбе за власть между паладинами и Инквизицией, или же просто из зависти к успехам лорда первого паладина как в магии, так и в любви, до обвинений королевы в подстрекательстве паладина. Не зря же – шепчутся солдаты – король с королевой в ссоре, и Её Величество и слова не сказала в защиту своего любимого паладина...

Увы, информации у солдат немного, так что немногочисленные факты прямо на моих глазах обрастают такими подробностями и гипотезами, что я понимаю – всё, услышанное даже в начале, надо делить на четыре, если не на восемь... Впрочем, неприятно было узнать, что в своих предположениях я оказалась права – Инквизиция не стала признаваться, что упустила предателя и опасного преступника, и показательно казнила на главной площади какого-то несчастного, представленного миру как Рравеш. Я только надеялась, что это был какой-нибудь хорошо загримированный некромант, а не несчастный метаморф, специально сбережённый в застенках Инквизиции для подобного случая...

Солдаты стали сворачивать привал, торопясь пройти ещё приличную часть пути, и я направилась дальше. Ничего нового здесь уже не будет, всё самое интересное уже двадцать раз обсудили...

Не знаю, во сколько у паладина начинается вечер, но я намеренно вернулась после заката. Не увидев одежды, не стала её разыскивать в обличьи птицы, а перекинулась в Анну, и только потом нырнула в телегу на поиски, намеренно не обращая внимания на ошарашенный взгляд Рравеша. Смотри-смотри, лорд. Ты очень кстати поклялся, что не будешь принуждать к близости. И я уж позабочусь, чтобы тебя очень сильно припекло.

Когда я вынырнула обратно, Рравеш протянул мне последний оставшийся бутерброд и кружку с чаем. Решив считать это извинением, я сказала:

– Там впереди большой отряд инквизиторов. Двигается на юго-запад. Лорд медленно кивнул, пристально меня рассматривая. Как будто я лишний глаз вырастила, или наоборот, забыла вырастить нужное количество... Я даже испытала неловкость, куда большую, чем демонстрируя ему голое тело Анны. Впрочем, чужая нагота – для меня всё равно что костюм.

– А навстречу прошёл отряд солдат, с ними уже разминулись. Они должны были пойти на границу с империей, но их отозвали в столицу. Лорд снова кивнул. И продолжил смотреть.

Последнюю новость я думала приберечь – и из вредности, и просто на всякий случай – не привыкла я вываливать хозяину всё сразу. Должен же и у меня было хоть какой-то козырь... Но под внимательным взглядом паладина почему-то сказала:

– Говорят, было покушение на короля. И он в ссоре с королевой.

Взгляд Рравеш тут же отвёл, и кулак стиснул так, что костяшки побелели.

– Ирби... – сказал через несколько секунд. – Давай договариваться... частями?

Угу. Правая рука договаривается с правой, левая с левой, а кое-что с кое-чем. Смешно, паладин.

– Это как? – мягко спросила я вслух.

– Я вряд ли смогу когда-нибудь тебя отпустить, Ирби. Но мы можем не усложнять друг другу жизнь. А где-то даже и облегчить...

– Мне нужна свобода, паладин, – я упрямо закусил губу и уставилась в костёр. – Разве может что-то её заменить?

– И что ты будешь с ней делать, Ирби?

– Отправляюсь путешествовать, – кротко заявила я. Но лорда обмануть не получилось:

– В смысле, отправишься на поиски бывших хозяев, чтобы убить?

Я пожала плечами. Отрицать – глупо, начну именно с этого.

– Ирби... мы можем найти их вместе и передать Инквизиции, – говорит паладин, словно сам не убил недавно одного весьма продажного инквизитора. Я выразительно поднимаю брови, и он добавляет, поморщившись. – Если я верну себе силу, лично перетряхну и вычищу всю Инквизицию.

Я молчу, и Рравеш вздыхает:

– Ирби... свобода – очень эфемерное понятие. Возьми любого человека – он не свободен. Есть закон, есть обязательства...

– Это не мешает людям вставать над законом и убивать, – хмыкаю я. – Почему у меня должно быть меньше свободы, чем у какого-нибудь чёрного мага?

– Подумай, Ирби, – после паузы говорит Рравеш. – Иногда лучше получить девять десятых от желаемого, чем не получить ничего. Спорить – глупо. Но я уже достаточно умна, чтобы понимать, что можно просто промолчать, и это совершенно не то что согласиться. Интересно, паладин тоже достаточно умён?

Утром я сменила облик на рыжую, которую видела с Рравешем. Паладин поморщился, но ничего не сказал. Вероятно, решил не ссориться, или побоялся, что я приму облик королевы... а тогда уж мы точно поссоримся.

Мясо съедено ещё вчера, оставшийся кусок хлеба паладин делит почти ровно пополам. И как воспитанный мальчик из хорошей семьи отдаёт мне большую часть...

Мне мало.

– Может, поймашь зайца? – задумчиво спрашивает паладин, которому еды тоже явно не хватило. Добавляет почти мечтательно: – Или дику утку...

Предложение мне не нравится, но паладин, кажется, прав. Ту еду, которую добыл он, мы уже доели...

– Я ловлю, ты разделяешь и готовишь, – неохотно соглашаюсь, стягивая рубаху и принимаясь за штаны. Это в птичку удобно превращаться в одежде – выпорхнул и всё, а в волка – замучаешься выпутываться. Рравеш отворачивается. Хм. Надо попробовать другой образ, а то не поймёшь, чего отворачивается – то ли посмотрелся на эту рыжую, что аж тошнит, то ли наоборот – страсть одолевает...

С добычей я вернулась буквально через пятнадцать минут. Положила к ногам паладина, как раз успевшего вскипятить чай, и перекинулась в маркизу де Рие. В ту, как она выглядела до исчезновения, а она чудо как хороша.

– Ирби... – чуть вздыхает паладин. – Оставь хоть одну женщину нетронутой. А то на ком я потом женюсь?..

– Пока не дашь мне свободу, ни на ком, – мрачно отзываюсь я. Почему-то шутка Рравеша неприятно кольнула. Он ведь по сути сказал, что я оскверняю в его глазах образ любой женщины, который принимаю. Вот ведь... Надо было ему уже сдохшего от болезни зайца найти! – Пока не освободишь, считай, что ты и так уже женат, паладин! Да и после того, что ты творил на балу, ты просто обязан на мне жениться!

Паладин молчит и с особой жестокостью разделяет мою добычу...

Девушку я заметила случайно – она изо всех сил бежала к реке, которую я уже почти что определила как место своего сегодняшнего купания. Бежала отчаянно, но слишком медленно, даже неумело. Ей мешал путающийся в ногах подол платья, мешала неудобная обувь – на небольшом каблучке, ведь эти каблуки увязали в земле, а на камнях так и норовили подвернуться, но больше всего ей мешали усталость и страх. Чувство обречённости. Зачем-то я спустилась ниже.

Добежать до реки девушка не успела... да, впрочем, это бы и не помогло. Это обычную собаку можно сбить со следа, поплутав по проточной воде, а демона, пусть и низшего, не собьёшь. Ей оставалось ещё шагов тридцать, когда существо, больше всего похожее с моей высоты на большого, облезлого тигра с уродливой, приплюснутой головой, одним гигантским прыжком догнало и повалило на землю. Девушка завизжала, я ринулась вниз, сама не знаю, зачем, кажется, в безумном порыве оттащить демона, но тот застыл, словно получил команду. На шее у него переливался, искрился тёмной магией ошейник. Демон-то, оказывается, ручной. Почти домашний. Что ж, тогда подождём. Девушке, конечно, страшно, да и неприятно, но хотелось бы всех действующих лиц посмотреть...

Хозяин демона не заставил особо себя ждать. Молодой, богато одетый и немного пухловатый мужчина вальяжно выехал к месту действия верхом, спрыгнул с коня, не позаботившись накинуть повод на седло и оставив болтаться, видать, привык, что рядом постоянно слуги... и пошёл к девушке.

Я уселась на дерево, чтобы быть поближе и ничего не пропустить. Кошачье любопытство пусть и в птичьем облике... или излишняя человечность.

– Сидеть, – сказал демону. Оглядел девушку, скривился: – Ты проиграла, Олия. И знаешь... я, пожалуй, уже не заинтересован. Ты слабая. И выглядишь, как чучело... пахнешь примерно так же. Так что пускай мой питомец поест...

– Нет! – хрипло выкрикнула девушка. – Прошу, господин, нет...

– Ты же хотела свободы, – ухмыляется тот. – А на свободе бывает опасно...

Девушка поднялась и поползла на коленях к вельможе.

– Пожалуйста... пожалуйста...

Тот взялся за пряжку на ремне.

Возможно, они бы договорились. Но скорее всего, натешившись и насладившись победой, он бы всё равно скормил её демону. Чтобы не растрекала...

Я посчитала до десяти. Очень быстро, но посчитала. Три раза назвала себя дурой. Желание вмешаться стало только сильнее. Зачерпнув из недавно пополненного благодаря вампирам и любовно лелеемого резерва, обернулась огромной птицей. Демон уставился на меня слепыми глазами – демоны видят не так как люди, они чувствуют ауры – и душераздирающе завыл. Хозяин, углядев несущуюся к нему громадную птицу, составил со своим питомцем вполне гармоничный дуэт. Девушка, обнадёженная вельможей, никак не ожидала, что её подхватит нечто и поднимет высоко в воздух, так что она выдала, пожалуй, самую звонкую трель. Или же всё дело в том, что она была ко мне ближе?..

Девушка быстро затихла, кажется, смирившись с любой участью, или же и вовсе потеряв сознание, а я, чувствуя, как пустеет магический резерв и заканчиваются силы, костерила себя на все лады. Зачем только вмешалась? Что теперь с ней делать? Вот притащу я её к Рравешу, а за ней прибежит демон тут же. А силы у Рравеша нет, и у меня не будет. Уже почти нет, а надо ещё дотянуть... Хорошо бы паладин у того

инквизитора что-то помимо книг и еды спёр, но даже если и так, успеет ли достать и применить? И нет, паладина мне совсем не жалко, себя, глупую, жалею... молодая ведь ещё. Жизни толком не видела-а-а...

Девушку я сгрузила шагах в ста от паладина, как раз расположившегося на привал возле озера. Просто не донесла дальше. Тут же сменила облик на более мелкий – аналог демона, только зубы поострее и броня на голове и теле.

– Что происходит? – успел спросить Рравеш... и тут же появился демон, так что отвечать не понадобилось. Смотреть на паладина я тоже не стала – важнее следить за питомцем. Низшие демоны бывают разной степени глупости, кажется, этот был самый низший демон... и самый тупой. Он разглядывал меня, пытаясь понять, что я за демон, не выше ли его по положению, и если выше, то что же делать...

Полыхнул ошейник, отдавая приказ, и демон бросился ко мне. Я собиралась встретить его в ответном прыжке, но не успела – меня бесцеремонно дёрнули за хвост и отбросили в сторону, а в тело демона воткнулся один единственный кинжал, брошенный паладином. Если бы я могла в этом обличье говорить, наверное, наше перемирие снова бы закончилось – высказала бы всё, что думаю об умственных способностях паладина, пытающегося убить демона простым ножом. Впрочем... нож оказался далеко не простым – демон засветился изнутри белым светом и исчез, как до этого вампиры. Увы, на открытом пространстве остатки тёмной магии быстро рассеялись, я ухватила лишь самую капельку. Рравеш склонился над девушкой, проверил пульс, поднял на меня свой непонятный тёмный взгляд:

– Ир-рби, – ласково попенял он. – Когда я спрашивал, на ком потом женюсь, я вовсе не имел в виду, что мне надо начать поставлять девушек. Вдобавок к зайцам.

Я рыкнула и полезла в воду как была, бронированным саблезубым тигром. Краем глаза заметила, как паладин поднял на руки девушку, и теперь аккуратно прислоняет её к дереву.

За тем, как паладин раздевается и идёт к озеру, я следила уже как человек, демонстративно-независимо плавая вдоль берега.

Рравеш оказался очень и очень хорош. Смуглая кожа, потрясающий рельеф... почему-то хотелось дотронуться. Закрыв глаза, я нырнула, чтобы отвлечься, несколько метров проплыла под водой на задержке дыхания... и всплыла прямо в паладина. Нечаянно. Я. А вот за него не поручусь.

Так или иначе, проскользив вдоль его тела, и коснувшись, кажется, почти всем, чем можно было, я молча поплыла дальше. Рравеш нагнал и некоторое время плыл рядом.

– Знаешь, – задумчиво сказал он вдруг, – мне начинает казаться, что у тебя в каждом облике одинаковые глаза. Несмотря на разный цвет и форму, всё равно, что-то одинаковое... и что-то знакомое.

Фыркнув, я поплыла к берегу, а паладин отчего-то ещё долго купался и вылез только когда совсем-совсем замёрз.

Пока паладин плескался, я оделась, а затем привела девушку в чувство, окатив водой.

– Где я? Кто вы? – слабым голосом спросила девица, Впрочем, на циничный взгляд метаморфа, спросила слишком темно и недостаточно испуганно. Да и в сторону озера она поглядывала с изрядным любопытством. Вероятно, она пришла в себя уже некоторое время назад.

– А ты кто? – поинтересовалась я, не спеша отвечать. Потому что не очень понимала, что ответить. Самое простое – представиться женой паладина, но я отчаянно не хочу. Особенно не хочу видеть, как его при этом перекосит. Думаю, если я назовусь сестрой, будет не лучше. А

служанкой представиться – не могу. Язык не поворачивается.

– Меня Олия зовут. Я служанка в доме лорда Ириса. Я... Меня... я...

– Мы нашли тебя здесь без сознания, – мягко сообщила ей я, давая таким образом понять, что нам известно, и давая выбор, что озвучивать.

В конце концов, если девушка пожелает вернуться в дом лорда, пусть возвращается. Интересно, это и был сам лорд? Я бы сказала, что не похож. Но что я понимаю в лордах? Ещё меньше, чем в паладинах...

Олия замолкает, глядя мимо меня, и я невольно тоже бросаю взгляд на вылезшего-таки из воды Рравеша. Опальный лорд в одних штанах выжимает свою длиннющую косу. Не знаю как нашу новую знакомую, а меня почему-то одолевает желание его потрогать. Может, просто чтобы убедиться, что настоящий... а может, чтобы начать разбираться в паладинах и лордах.

– К лорду приехали гости, – со вздохом, наконец, говорит девушка. И я с удивлением понимаю, что мы с ней всё это время, пока молчали, таращились на Рравеша. А теперь он надел рубашку и куда-то вообще

ушёл, и мы только тут отмерли... вот ведь до чего дурной пример заразителен! – И эти гости... шалят. Я... не вернусь туда.

– Сильно шалят? – спрашивает Рравеш, почти бесшумно появляясь за моей спиной. И встал, на мой вкус, слишком близко.

– Сильно, господин, – несмотря на довольно простую одежду, служанка безошибочно распознаёт в нём вельможу. – Две служанки пропали без вести. Нам сказали, что они уволились и уехали, но...

– Но? – мягко переспрашивает лорд.

– Все их вещи остались. И деньги! И украшения! Кто так увольняется?

– А ты почему не вернёшься?

В голосе паладина сочувствия и мягкости не найти, но ему Олия как раз вываливает всё, как загипнотизированная уставившись с чёрные с тьмой глаза. А может, и в самом деле не обошлось без гипноза... Мне вон тоже тогда хотелось отвечать на все его вопросы.

Оказывается, в основном гости не так сильно и шалили, не считая графа Ирье. Пропадали именно те, кто ему приглянулся. За три дня две девушки, и Олия – третья.

Когда шла к нему в спальню, не особо-то и боялась. Ну, в конце концов, граф – не первый мужчина, который гостит у лорда, он молодой, богатый, наверняка, заплатит. Может, он предыдущим столько отвалил, что они скорее уехали, пока никто не пронюхал, а граф не передумал?..

Она тоже бы уехала. И тоже тайком, чтобы долги не отдавать, да зависть людскую не тревожить...

Но граф оказался с фантазией куда более извращённой, чем девушка могла представить. Он хотел не просто близости, а участия в ритуале.

Что должно было получиться по итогу ритуала, Олия не знает, но выглядело это всё настолько преступно и возмутительно, что она решительно отказалась. А в ответ граф открыл на неё охоту с участием исчадий ада.

Под конец девушка расплакалась, и стала показательно собираться в путь, дабы не навлечь на таких добрых людей своё проклятие.

Наверняка, граф пришлёт ещё кого-то, и... и...

Разумеется, первый паладин, пусть и бывший, не мог остаться в стороне и не откликнуться на такой слегка завуалированный стон о помощи. Его чёрствое сердце дрогнуло, и...

– Ирби, ты проводишь её до ближайшего храма, – сказал паладин.

Храм. Инквизиция. Инквизиция. Храм. У этих слов, увы, слишком много общего, вряд ли Рравеш имеет в виду храм богини...

Не обращая внимания на мой мрачный взгляд, паладин объясняет, как добаться, и даже отдаёт нам лошадь с телегой. Насколько я могу

судить, Олия тоже не очень-то в восторге – я явно не внушаю ей доверия в качестве защитника, да и вообще не особо интересую. Впрочем, кажется, интересую. По крайней мере, мой статус. Но тут она перебьётся.

Пока девушка собирается в дорогу – приводит себя в порядок, умываясь в озере и пытаясь как-то отчистить платье, я старательно невозмутимо интересуюсь:

– Мне вернуться сюда, лорд?

Не знаю, поняли ли Рравеш настоящий вопрос – “а ты-то что будешь делать?”, но даже если и понял, отвечать не собирается. Тыкает в точку на карте, где надо быть завтра к вечеру. Я прикидываю на глаз – если пойти пешком, то времени как раз хватит человеку дойти. Получается, что лорд просто спокойно пойдёт дальше, пока я расхлёбываю последствия его желания покрасоваться или же помочь, неважно. Главное, что он собирается это всё сделать моими руками. О том, что девушку я притащила сама, я в тот момент, честно говоря, подзабыла, так что весьма выразительно сощурила глаза, демонстрируя презрение... Но паладина не проняло.

Так что я отправилась запрягать лошадь.

– Господин, простите, могу я уточнить, – нерешительно придерживает за рукав Рравеша Олия, и то ли под его взглядом, то ли от близости – вот уж не ожидала от неё такой стеснительности – заливается румянцем. – А Ирби... она кто?

Рравеш бросает на меня чуть насмешливый взгляд, а девушке на полном серьёзе отвечает:

– Мой телохранитель. Лучшего телохранителя во всём королевстве не найти!

Забавно, но лорд прав. Вряд ли есть ещё кто настолько заинтересованный в его долгой жизни. Долгой и несчастной!

Вскоре мы с Олией трогаемся в путь. Первые полчаса она ещё пытается меня разговорить, а затем обиженно затихает. Да, я не очень-то люблю людей. А пустой трёп с людьми – ещё меньше...

До небольшого Храма мы добрались без всяких приключений, и я решила, несмотря на то, что мы не стали с Олией подругами и никогда не станем, навестить её обидчика. Посмотреть... Может даже, посмотреть, что у него внутри, какое сердце, раз он находит

удовольствие в таких забавах. М-да, Ирби, – сказала я сама себе. – Если так пойдёт, то скоро ты сможешь в Инквизицию устраиваться. И так всю их работу делаешь, может, платить начнут?.. Нет, мне вовсе не досадно, что паладин не пожелал разбираться в этом случае. С чего бы? Я даже рада – целее будет, а значит, и я буду целее. Наверное.

До усадьбы лорда – благо Олия выложила всё без малейших вопросов с моей стороны, я добралась по воздуху, а затем перекинулась в небольшую кошку, абсолютно чёрную – ночью самая лучшая маскировка.

Окна графа на втором этаже, угловые, с балконом... горит тусклый свет, как от ночника, так что моя цель, похоже, у себя. Осмотревшись, я уже

собралась лезть на дерево, но тут появился кот. Огромный, чёрный, и крайне решительно настроенный вступить со мной в близкие отношения.

Я рывкнула на него совсем не по-кошачьи, обычно этого даже собакам хватает, чтобы отстать, но этот экземпляр оказался невменяемым. Он замурлыкал, а затем снова полез ко мне. Вскочив на дерево, я даже специально очень внимательно присмотрелась – ничего необычного в нём нет, самый настоящий кот, без какого бы то ни было следа магии... рывкнула ещё раз – никакого результата.

Решив не обращать на него внимания, поднялась по дереву, перепрыгнула на балкон... заглянула в приоткрытую дверь, ожидая

увидеть какой-нибудь ужасный ритуал, и пообещав себе пережить это спокойно и не впрягаться спасать ещё кого-то с риском для жизни, сколько можно-то? В комнате спасать было некого. Вельможа, которого я вполне хорошо запомнила, лежал на полу и был безвозвратно мёртв. Я подошла чуть ближе – на груди выжжен знак инквизиции, а ещё в крови лицо и руки, и дальше я не успела ничего рассмотреть – сначала снова появился настырный озабоченный кот... а затем меня подхватили за шкурку, как самую обычную кошку. Я рванулась сменить облик... и ничего. – Кошка... и котик! – усмехнулся Рравеш, поднимая во второй руке моего упорного поклонника. – Ирби, давай возьмём его с собой? Метаморфики у вас, наверное, не получатся, но, может, хоть разноцветные котята... Я фыркнула и зашипела, и паладин, непонятно чем тут занимавшийся с трупом, отбросил кошака на кровать графа. А меня бесцеремонно запихал себе за пазуху. Я сидела тихо, прислушиваясь к непривычным ощущениям, и изо всех сил стараясь не мурлыкать. Почему-то мне было удивительно хорошо. Тепло от тела паладина, а ещё темно и уютно... – И что ты там делала? – поинтересовался Рравеш, когда запахло лошадьё, а шаги сменились верховой ездой. Только тут я вспомнила, что он решительно запрещал мне убивать людей... и в качестве отвлекающего манёвра громко замурлыкала.

Глава 11

– Ирби... – паладин смотрит на меня поверх кружки, от которой идёт пар, но я бы в любом случае вряд ли смогла истолковать его взгляд. – Крис? – ничего оскорбительного во взгляде Рравеша я не нашла, так что решила сменить пока презрительное “паладин” на имя. А может, дело в ночном путешествии за пазухой – я так и ехала до привала и, стыдно сказать, даже заснула! Теперь я делала вид, что ничего не произошло, но это путешествие странным образом грело, а ещё волновало настолько, что я приняла облик Фила. И даже самой себе не собиралась признаваться, что я просто не хочу нравиться ему в чужом обличье, хочу нравиться в своём, но ни за что его не приму. – Значит, Ирби – это сокращённое имя? – делает странный вывод Рравеш. – А какое полное? Я поправляю широкий, так и норовящий сползти ворот рубашки – одежды меньшего размера не осталось. Интересно, когда простые горожане или крестьяне находят где-то полный комплект одежды и обуви, что они думают? Вряд ли понимают, что это следы метаморфа... – Полное не скажу, – настороженно отзываюсь. Разум говорит, что надо готовиться к боли... но глупое сердце ему почему-то не верит. Рравеш отпивает пару глотков, глядя в костёр, а затем снова устремляет на меня тёмный как южная ночь взгляд: – Давай ты честно отвечаешь на один мой вопрос, я – на один твой. Будем договариваться частями, как я и предлагал. – Полное имя не скажу, – уже мрачно отзываюсь я. Теперь и сердце и разум солидарны – сейчас будет больно, ну или, как минимум, неприятно. Лорд наигрался в хорошего паладина, сейчас придёт плохой. А самое забавное, что моё имя никак не поможет ему в его делах, но это то, что я не скажу ему даже под угрозой смерти. – Идёт, – соглашается отчего-то совершенно не разочарованный паладин, и я напрягаюсь ещё больше. Имя – отвлекающий манёвр? Что ему на самом деле нужно? Но любопытство страшная вещь, а я слишком часто, видимо, бываю кошкой. – Идёт, – повторяю вслед за Рравешем, скрепляя договорённость

прикосновением к протянутой ладони: – Честный ответ на один вопрос с каждой стороны... кроме полного имени.

Теперь, когда слова прозвучали, мне кажется, что я в ловушке. И зачем я согласилась, кошка любопытная-а-а? Впрочем, скорее всего, он спросит, как звали моего предыдущего хозяина, где его найти, или кто заказчик, или что именно я должна была сделать... Я перебираю вопросы и от некоторых мне даже неловко – я ничем не смогу помочь. Сама хотела бы знать, где Айгор, и кто заказчик.

– Ирби... – паладин даже кружку отставляет и посвящает всё внимание мне. Это правильно – по реакции собеседника на вопрос иногда можно узнать куда больше, чем из самого ответа... Я жду, а паладин словно нарочно тянет. И вдруг: – Ты девочка или мальчик?

– Это уже вопрос? – недоверчиво фыркаю я. Серьёзно? Это то, что волнует паладина в бегах больше всего? Или он просто играет со мной в игру, правила которой забыл рассказать?

– Вопрос, – серьёзно подтверждает Рравеш. – Важный.

Я обязательно дам паладину честный ответ на этот важный вопрос, отчего бы не дать, но сначала – не удерживаюсь. Беру из его сумки –

благо она открыта и стоит неподалёку, книгу о метаморфах, открываю на первой странице и с выражением зачитываю:

– Метаморф – полностью магическое существо, не имеющее пола и души, не нуждающееся в пище и воде... Паладин, ты точно хочешь потратить вопрос на уточнение общеизвестных фактов?

Почему-то моё сердце преступно частит. Словно этот вопрос паладина для меня важен не меньше, чем для него, и это крайне глупо – мало ли зачем он интересуется, точно не для тех глупостей, которые вдруг пришли мне в голову...

Рравеш протягивает руку, вырывает целую страницу из книги, бросает в костёр. И смотрит на меня:

– Хочу.

– Не мальчик, – немного неохотно произношу я. И во избежание недоразумений, ведь честный ответ должен и в самом деле быть честным, ещё более неохотно подтверждаю: – Девочка.

– Тогда почему ты сегодня в облике мальчика? – чуть склоняет набок голову паладин.

Я раздражённо пожимаю плечами. Самой себе не могу ответить на этот вопрос, и ему не буду. Да и вообще, не слишком ли много вопросов? И всё о личном.

Огрызаюсь:

– Прикажете сменить, Ваша Светлость? По кому-то соскучились?

– Не прикажу. Попрошу, – мягко отзывается паладин. – Покажи себя настоящую.

Ну вот. Приехали. Почему-то все маги, поймавшие метаморфа на поводок, рано или поздно приходят к навязчивой мысли увидеть истинный облик. К счастью, не все достаточно умны и сильны, чтобы понять, дуриет их метаморф или нет. Айгора я дурила. Рравеша... Вряд ли смогу. И, что самое ужасное, не уверена, что хочу.

Разозлившись и, кажется, назло самой себе вместо одного из придуманных вопросов, я выпалила:

– Моя очередь спрашивать, паладин. Сколько раз ты любил королеву?

Мне на самом деле всё равно. От того было это один раз или сто один, ничего для меня не изменится. Просто это кажется самым уязвимым местом Рравеша. А мне очень хочется причинить ему боль, потому что от его вопроса и просьбы делается как-то по-особенному больно и тоскливо мне.

Рравеш смерил похолодевшим взглядом, но ответил:

– Ни разу, если ты имеешь в виду физическую близость. И да, я её любила с момента первой встречи, если ты о чувствах.

Почему-то стало ещё тоскливее.

– А она? – не удержавшись, интересуюсь я. Нет, как она побледнела, я помню, но интересна версия паладина.

– Королева Иррийна безупречно верна своему мужу, и я счастлив уже тем, что она удостоила меня своей дружбы, – отзывается Рравеш. И не поймёшь – врёт, али нет. Тёмные глаза непроницаемы, там может прятаться как насмешка, так и затаённая боль.

Я парю высоко в небе, но в этот раз почему-то не захватывает дух от свободы, то ли привыкла, то ли размышления о Рравеше и его королеве всё портят. Не думать я не могу. Хочется верить, что всё дело просто в логическом противоречии, а не в чём-то другом. Лорд говорит, что любит королеву, но благословение богини бросило его ко мне. Значит ли это, что богиня просто пошутила? Или что лорд соврал, пусть и незаметно?.. И какого чёрта это меня так сильно беспокоит?!

Замечаю внизу большой отряд инквизиторов, сердце неприятно ёкает – не за нами ли? Спускаюсь послушать. Как раз трое едут рядом и о чём-то беседуют.

– ...опросите всех. Денег не жалейте, но прямо, кого ищем, не говорите. Просто мужчину и женщину. Отправьте по человеку в каждый населённый пункт...

Дальше не слышу, так как беседуют инквизиторы на ходу, слишком низко спускаться я боюсь, а скорость полёта у меня куда больше, чем у идущих шагом коней. Делаю второй заход.

– ...взять живыми.

А вот это уже странно. Рравеша же собирались казнить, зачем живыми?

Возможно, это погоня не за ним? И фраза про женщину... В том городе, где мы устроили переполох, истребив вампиров и инквизитора, я была в виде мальчика... Инквизитор внизу пресекает мои сомнения одним ёмким:

– И помните, это всё-таки королева. А вот с предателем можно не особо церемониться!

Теперь у меня новый повод для сомнений – говорить ли Рравешу?

Вообще, лучше бы не говорить, потому что он, судя по всему, с радостью пожертвует и своей, и моей жизнью ради драгоценной королевы... Ведь могла я не слышать этот разговор? Могла. Тем более что королеву ищут живой, обращаться с ней будут хорошо...

Я лечу вперёд, а затем делаю большой круг. Ещё один и ещё... Мне пора бы уже возвращаться к Рравешу, пока он не напоролся на инквизиторов, но почему-то я не могу просто забыть и не искать. Я лишь посмотрю. И, конечно, ничего не буду рассказывать своему паладину.

Нашла я их уже на обратном пути, они оказались позади отряда инквизиторов, что не очень-то хорошо, если план был пересечь границу.

Очевидно, что инквизиторы до границы доберутся первыми. Беглецы пробирались по лесу – королева ехала верхом, а вот мужчина шёл пешком, ведя лошадь королевы под уздцы, вторая лошадь плелась в поводу за первой. Забавно, но если я правильно понимаю, куда направляется Рравеш – он мне ничего не говорит, однако мы упрямо движемся в сторону границы с империей Шайи-Терр, так вот, если я правильно понимаю, то у нас есть все шансы столкнуться с этой парочкой и без моего вмешательства.

Почти минуту я обдумывала вариант как-то Рравеша задержать. Лишить лошади. Запутать. Направить, наконец, в другую сторону, сказав, что королева там... Эти двое – магнит для неприятностей почище, чем паладин. А потом вздохнула, и полетела рассказывать. Правду.

Паладин, гад такой, ещё и поверил мне не сразу. Только когда я охотно согласилась двинуться в другую сторону, и то – поверил не до конца, я видела это по его глазам.

Момент трогательной встречи влюблённых я пропустила, делая очередной дозорный облёт. Вернулась, когда Рравеш уже присоединился к каравану. Теперь лошадь королевы вёл именно он. Я из орла перекинулась в ворону, и, слетев паладину на плечо, бесцеремонно каркнула в ухо. Надеюсь, трогательную историю о том, как его бес... то есть метаморф на балу попутал, уже обсудили? А то я могу не сдержаться, перекинусь в голую девушку и повисну на паладине... От моего “карр” королева и её лошадь вздрогнули, а паладин и бровью не повёл.

– Что это, Кристиан? – спросила королева. – Это ваша... птица?

– Моя, – сухо ответил лорд. Хм. Такое ощущение, что Её Величество чувствует себя куда более виноватой перед опальным паладином, чем он перед ней. С чего бы это? Неужто королева, ослеплённая ревностью, требовала его казни?..

А может, сухой тон относится ко мне? Может, он не знает, как сказать возлюбленной, что метаморф, которого он у неё на глазах целовал и лапал, так и ходит везде с ним?.. Или скрывает от инквизитора?..

Оборачиваюсь на того, с кем Её Величество сбежала. Знакомые всё лица... Тот инквизитор, что приходил в дом паладина. Лорд... как там его... Лейрон! Точно, лорд Лейрон. Любопытно.

– Как вам удалось её приручить? – спрашивает королева и – ррр! Ну, то есть карррр! – касается ладонью руки Рравеша. – Где вы вообще её взяли?

– Нашёл на балу в честь вашего дня рождения, Ваше Величество, – невозмутимо отвечает лорд лишь на второй вопрос. И слегка передвигает руку, убирая её из-под королевской ладони.

– Но... там не было ворон, – хмурит идеально выщипанные брови королева. – Только лебеди...

О, я прекрасно заметила, что она меня жутко злит, каждым своим жестом, каждым словом, даже вдохом, но совершенно не хочу догадываться и даже размышлять в сторону того, почему.

– Это метаморф, Ваше Величество, – любезно комментирует лорд Лейрон.

– Метаморф?.. – растерянно переспрашивает королева. – А что он умеет?..

– Убивать, Ваше Величество, – сурово отрезает паладин.

Нет, ну если он всё время так с ней общается, я не удивлюсь, что она удостоила его только дружбы. Она ж и хочет подступить, но он не даёт. Впрочем... он же, наверное, ревнует!

– А выглядит почти мило... – чуть обиженно замечает она. – А какой он в человеческом обличье?..

– Каким Кристиан прикажет, таким метаморф и станет, Ваше Величество. Может принять любой облик, – снова отзывается сзади инквизитор. Что ж ты, такой умный и ретивый, против своих-то пошёл? И королеву к рукам не прибрал – вон она снова так и норовит Рравеша чем-то коснуться.

– А как его зовут? – не унимается Величество.

Рравеш не дал мне никаких указаний, как вести себя в присутствии королевы, возможно, потому что так до конца и не верил... А сама я спрашивать, естественно, не стала, это почти как ошейник в зубах ему принести, чтобы на меня надел. Брр!

– Фил, – снова сухо отзывается паладин. Неужели бережёт моё настоящее имя? Я-то уж думала, сейчас всё вывалит, чтобы и королева

приревновала... Чуть бодаю Рравеша головой в знак признательности. Какие бы причины его на это ни сподвигли, я благодарна.

А ещё мне крайне любопытно, почему королева в бегах, зачем мы все идём в империю... и долго ли мне оставаться вороной. Червяков я есть не планирую...

Наконец, привал, и я иду на охоту, сменив облик вороны на волчий, а когда возвращаюсь, натыкаюсь на прогуливающуюся парочку.

Королева в бегах, и её паладин в бегах, нынче у них много общего...

Впрочем, моё желание шутить быстро исчезает – она берёт его за руку, и я застываю в кустах, отложив свою добычу, хотя надо бы просто пройти мимо.

– Кристиан... – Паладин стоит, прислонившись к дереву, а королева сделала шаг и теперь совсем-совсем близко от него. – Вы сердитесь на меня? Разумеется, сердитесь, имеете полное право, я...

– Ваше Величество, – перебивает Рравеш. Какой невежливый. Ему, может, и не так интересно, что скажет королева, а мне так очень. –

Расскажите лучше, что случилось. Почему вы здесь?

Я наострила уши. И тут, как назло, паладин посмотрел прямо на меня, и, без сомнения, меня увидел. Уши сами собой прижались, сейчас

прогонит. Да и неловко получилось... Но Рравеш просто молча перевёл взгляд на свою коронованную собеседницу. И, наконец, убрал руку.

– Когда вас осудили... – всхлипнула королева, – всю вашу защиту сняли с дворца. Эдмон сказал, что она обязательно нам навредит, Киррону и мне. Киррон... согласился. Эдмон сказал, что он поставил защиту, но она недостаточно надёжна, а чтобы было надёжно – нужна кровь. На это король ответил отказом, причём, довольно жёстко... Согласился только переночевать не в нашей спальне, в нашу поместили переодетых стражников. И инквизиторы дежурили у дверей... И всё равно утром... – Её Величество Иррийна покачнулась и снова схватилась за паладина, – вся комната была в крови. Только кровь и одежда...

Рравеш подхватывает то ли притворяющуюся, то ли и в самом деле собирающуюся упасть в обморок королеву.

– И глаза! – шепчет она и кладёт голову ему на плечо. – Ни костей, ни зубов... почему-то только глаза.

– Я так понимаю, – задумчиво говорит Рравеш, – что после этого Его Величество согласился дать кровь?..

– Да!

– А вы, Иррийна? – паладин заглядывает ей в глаза, и их лица так близко теперь друг от друга, что я отворачиваюсь. Послушать я должна, а вот смотреть на это никакого терпения не хватит!

– Нет, я – нет. Я же помню, что вы говорили... – голос королевы снизился до шёпота. – А Киррон дал... И... он обезумел. И я поняла, что надо бежать, а то и меня превратят в такое же... в такую же куклу! Киррон... У него теперь стеклянные глаза, глядящие в одну точку, и до того бесцветный голос, что хочется разбить себе голову, лишь бы не слышать!.. Кристиан!.. Я так рада, что мы встретили вас!.. Уверена, сама судьба свела нас вместе... Если бы вы только перестали на меня злиться!..

– Ваше Величество, если я на кого и злюсь, то на себя, – отзывается в ответ Рравеш.

Я задумчиво смотрю на свою добычу. Если выковырять глазки и бросить королеве, она сильно будет визжать? А если перекинуться в орла, поймать какую-нибудь птичку и подержать над королевой?.. Нет, сама не буду. Я ж не голубь.

– Позвольте проводить вас обратно, – закругляет разговор Рравеш, и королева, кажется, разочарованно вздыхает.

Глава 12

Следующий день мало чем отличается от предыдущего. Разве что теперь все едут верхом, так как самые сложные, топкие места прошли. Я тоже в каком-то роде верхом – на плече у паладина. Уже привычно делаю время от времени большой дозорный круг, высматривая инквизиторов – на след они пока не напали, судя по всему, но места пересечения границы уже усилили. На каждом посту парочка, а то и больше инквизиторов. Между постами – магический заслон. Будь Рравеш в силе, мог бы проделать в нём дыру. В ограждении. Дыры в инквизиторах он и так делает... Но силы у Рравеша нет, и поэтому мы идём через горы.

– Это самоубийство, – сказал Лейрон. – Лучше попробовать пробиться через пост. Метаморф примет облик королевы, инквизиторы решат, что получили, что нужно и уйдут! А мы загримируемся и спокойно пройдем.

– А как мы вытащим метаморфа? – совершенно спокойно интересуется паладин.

– Никак, – отзывается инквизитор. – Я понимаю, что тебе жаль терять столь любопытную и перспективную зверушку, но, согласись, благополучие королевы важнее всего!

Королева вздыхает – она явно тоже согласна, что её благополучие важнее всего.

– Нет, – говорит Рравеш. – Через горы. Хочешь – иди один через посты.

– Кристиан! – охает Её Величество. Не знаю только, какая часть её шокировала.

– Крис, – укоризненно говорит Лейрон. – С первым метаморфом сложно, я понимаю. Кажется, что у зверушки есть характер. Если проводишь много времени, даже привязываешься. Но когда всё наладится, заведёшь себе нового и поймёшь – они все одинаковые. Метаморф – это всего лишь сгусток магии... ты же не жалел магию, когда она у тебя была?

Тон у инквизитора сочувственный, понимающий... как будто бы он сам разбирается в метаморфах! Впрочем... возможно, он извёл не один десяток моих неудачливых собратьев, если их вообще столько наберётся – метаморфы встречаются крайне редко.

Я точно знала, что если Рравеш прикажет, то делать не буду. Пусть убьёт сразу. Но вот если догадается попросить... хочется верить, что и тут я найду силы отказать.

Но паладин непреклонен. Через горы.

– Мы не успеем перейти за один день, – не сдаётся Лейрон. А ночью в эти горы я бы не сунулся, даже если бы у тебя вся твоя сила была! Как мы будем от нежити обороняться? Метаморф защитит только тебя, на всех его не хватит, даже если прикажешь.

– Там на вершине должен быть храм богини, в нём и переночуем, – беспечно отзывается мой хозяин, он же – средство передвижения.

– Богини?! – переспрашивает собеседник паладина почти с ужасом.

– Не дёргайся, инквизитор, – усмехается Рравеш. – Богиня одинаково милосердна ко всем людям, даже к тем, кто балуется светлой магией.

– Нечисть ты, Рравеш, – без особой обиды отзывается Лейрон, кажедаясь. – Почище своего метаморфа, даром что без силы!

Мы переночевали у подножья гор, и с рассветом отправились их покорять. Я была то птичкой, то волком, иногда котиком – спала на паладине, сама не знаю, как так получилось, и ни разу не приняла облик человека. Мне не хотелось, а паладин и обстоятельства пока не настаивали.

Лошадей отпустили, и всю поклажу мужчины тащат на себе, хорошо ещё, королева пока своими ножками идёт. Чувствую, недалёк тот час, когда она занеет... Впрочем, я сама вот расселась снова на плече у Рравеша, так что королеву критиковать не могу.

Лейрон всё чаще на меня поглядывает, а затем не выдерживает:

– Рравеш, признавайся! Это не метаморф тебе служит, а ты ему?

– Не буду признаваться, – беззлобно огрызается паладин.

– Кристиан, – нежно говорит королева. – Вы и в самом деле обращаетесь с метаморфом чересчур бережно. Словно он вам не слуга... а друг.

Огрызнуться на Её Величество Иррийну паладину не позволяют то ли манеры, то ли чувства, ей он отвечает:

– Метаморф спас мне жизнь, Ваше Величество.

Я сижу на его плече, жмущуюсь то ли от солнца, то ли от удовольствия и стараюсь не мурчать. У вороны ведь так же мило как у кошечки всё равно не выйдет... Немного отравляет знание, что я ж его и подставила, но я гоню эту мысль подальше. Я ведь готова всё рассказать в обмен на свободу, честная ведь сделка...

Королева слышит в ответе паладина упрёк в свой адрес. Дескать, она отвернулась, а метаморф спас.

– Неужели вы так жестоки, что никогда меня не простите? – шепчет она, берясь за рукав паладина.

А он – да, жесток и непреклонен:

– Ваше Величество, простите, но я не понимаю, о чём вы...

Я никогда прежде не бывала в горах, а люди так медленно идут... и поводок Рравеш сделал невероятно длинным, так что я много летаю, наматывая круги не столько в дозорных целях, сколько из любопытства.

Вид сверху завораживает. Особенно – огромное плато, окружённое со всех сторон холмами. Там ещё можно рассмотреть дома... Говорят, тут был город. Который проклял какой-то особо могущественный некромант, и всё население города стало нежитью в одночасье, и теперь они рыщут по горам в поисках свеженьких путешественников...

Я спустилась ниже, но в город не полезла. Не знаю, что это за гадость на самом деле, и не стремлюсь узнать, вдруг метаморф, с точки зрения зомби, особый деликатес, как для вампиров...

Когда я вернулась, Рравеш нёс королеву на руках. А она обнимала его за шею. Пришлось снова улететь.

К храму богини мы добрались даже с небольшим запасом, не зря то паладин, то инквизитор тащили на руках свою драгоценную королеву.

Солнце ещё не коснулось горизонта, а мы уже у входа. То, что храм действующий, богиня его не оставила, несмотря на отсутствие прихожан, стало ясно сразу – в храме было светло. Камень, украшающий стены изнутри, светился ровным тёплым светом.

Первым шагнул внутрь Рравеш, к нему тут же присоединилась королева, вставая, на мой взгляд, непозволительно близко, и уже вслед за ней обречённо шагнул Лейрон.

– Здесь даже двери нет! – шёпотом сказал он паладину. Тот лишь кивнул на светящиеся стены, видимо, обещая, что они защитят лучше, чем дверь.

Я медлила, предчувствуя подвох и коря себя, что не подумала заранее.

И точно – стоило переступить, вернее, перелететь невидимый порог, и меня охватило свечение, которое мягко, но настойчиво перевоплощало в истинный облик. Я запаниковала.

К счастью, мои спутники уже двинулись дальше – храм богини это лабиринт, в котором, как говорят, каждый может найти, что ему нужно. Знания, свободу или любовь... Паладин галантно пропустил всех

вперёд, так что я догнала его, сдёрнула плащ – мне он точно нужнее, чем ему. Рравеш остановился как вкопанный то ли от неожиданности, то ли ещё почему, и я, рассчитывая, что он будет идти, врезалась. Довольно сильно, так что если у паладина и были сомнения девочка или мальчик, теперь уже точно не будет их. Отступила, поспешно закутавшись в плащ и накидывая капюшон прежде, чем он обернулся. – Ирби? – тихо спрашивает паладин. Таким тоном он никогда со мной не говорил, я вообще не слышала, чтобы он с кем-то так говорил. Его голос словно магнит... и сам он – тоже магнит, ещё сильнее, и, кажется, я умру, если сейчас не дотронусь. Что может быть проще – скинуть капюшон, подняться на цыпочки и прижаться губами к губам... Удерживает меня только понимание, что богиня, похоже, решила теперь благословить меня. И я стою, пряча глаза под капюшоном, и не могу сказать ни слова в ответ Рравешу, потому что задыхаюсь от нахлынувших чувств и от ужаса – я-то прекрасно знаю, что богиня не создаёт новое чувство, она всего лишь выводит на первое место уже имеющееся...

Паладин медленно поднимает руку, кажется, собираясь снять с меня капюшон. И это странным образом отрезвляет – я хорошо представляю, как он скривится в презрительной гримасе, обнаружив под капюшоном уже знакомую ему горничную Лизу. Уворачиваюсь от руки, и бегу вперёд по петляющему коридору, сворачиваю куда-то в небольшой узкий проход, чуть-чуть ещё петляю, ибо путь к своей цели извилист, хорошо хоть, что не тернист... В моём случае цель – это знания, видимо. Так как я попадаю в комнату, где лежат книги. Судя по всему, очень старые, сейчас таких обложек не делают, да и сами книги стали куда меньше по размеру.

Я беру наугад книгу, сажусь на корточки, прислонившись к стене. Надеюсь, что чтение мне поможет как-то избавиться от наваждения, я даже роптать на богиню не могу – всё справедливо. Призвала на него, получи и сама... А что если... что если его сейчас также тянет к королеве?.. Ведь он уже, наверное, дошёл до неё, а уж в том, что Её Величество Иррийна сейчас всей своей царской особой желает паладина, не приходится сомневаться...

– Богиня, – беззвучно шепчу я, зажмурившись и обнимая книгу, название которой даже не запомнила, несмотря на то, что три раза прочитала... – имя твоё свобода, суть – правда и любовь... но чего ж так больно-то?.. Разумеется, она мне не ответила.

Шаги я услышала слишком поздно, да и куда тут денешься? – Ирби?.. – Рравеш собирался что-то сказать, но замолчал, пристально меня разглядывая. Я опустила глаза – очень светлая, почти белая прядь выбилась из-под капюшона... и сдала меня с потрохами.

Паладин в два шага оказывается рядом, сдёргивает капюшон. – Так Ирби или Лиза? – спрашивает он после нескольких секунд тишины. – Ирби, – тихо отзываюсь, опуская глаза. Почему-то стыдно. Почему-то кажется, что нужно было рассказать ему раньше. – Значит, это ты меня подставила... Зачем? – холодно интересуется Рравеш, опускаясь на корточки рядом. – Мне приказали, у меня ведь был и до тебя хозяин! – поднимаю на паладина глаза. Злость помогает справиться со стыдом. Хочется добавить, что тот хозяин, в отличие от Рравеша, не чурался меня пытаться и наказывать, но это будет уже жалобный скулёж. Нет уж. Воздержусь. – Ты мне должна, Ирби, – прищуривается паладин. И смотрит при этом почему-то на мои губы. – Правду должна. – Иди ты... – огрызаюсь я. Но получается не зло, а скорее, растерянно. От его близости сбивается дыхание, торопится сердце, а где-то в животе

скручивается спираль.

– Куда? – вкрадчиво интересуется Кристиан, скользя взглядом по своему плащу, он-то знает, и я знаю, что под плащом ничего нет.

– К королеве! – Опомнившись, добавляю: – Или к инквизитору, кто тебе больше приглянулся!

– К королеве... – задумчиво повторяет Рравеш. – Плохая идея.

– Слишком сильно тянет? – фыркаю я.

– Тянет сильно, – медленно соглашается паладин. – Даже сильнее, чем тогда на балу.

– Так пользуйся моментом, – предлагаю, давя в себе желание отдубасить паладина книгой, чтобы выбить из его головы лишние мысли об этой женщине. Вообще все мысли обо всех женщинах. Справляться с наваждением нелегко.

– Думаешь, это правильно? – с сомнением спрашивает Рравеш, отворачиваясь и разглядывая книги. – Воспользоваться моментом...

Я очень хочу, чтобы он просто ушёл. Благословение богини туманит разум, и я боюсь надеть ещё больше глупостей, чем уже наделала. А без них, наверняка, не обошлось. Что именно – обдумую потом, когда Рравеш уйдёт и включатся мозги. Они ведь включатся, правда? Не насовсем же их желанием отрубил...

– Правильно, очень даже правильно, – говорю, открывая книгу, в которой всё равно ничего не вижу. Надеюсь, я хоть держу её не вверх ногами?.. Или всё-таки вверх, иначе с чего бы паладин у меня её забрал?.. Прежде чем я успела что-либо сделать, и даже прежде чем успела понять, что происходит, Рравеш подхватил меня под мышки и поднял, прижимая к стене, вжимая в себя...

– Что?.. – успела только начать спрашивать я, но он, прежде чем поцеловать, ответил:

– Пользуюсь моментом, Ир-рби...

У паладина горячие жадные губы, и не менее горячие и наглые руки. И на каждое его прикосновение моё тело отзывается таким взрывом счастья, что я не знаю как, просто не могу его остановить. Более того, я, кажется, готова его умолять, чтобы не останавливался.

– Я её не заменю! – всё-таки умудряюсь выдохнуть.

– Глупый, маленький метаморф, – отзывается он. Таким тоном, что я больше не могу спорить. Что бы ни твердил осторожный разум, сердце точно знает – тянет его ко мне, не к ней.

Будь я в другой ипостаси, перестроила бы тело, убирая преграду, но я в истинном облике, и я ничего не могу поменять, всё, как сложилось от природы, даже если мне и не хочется, чтобы Рравеш знал, что он у меня первый.

Он упирается и застывает. Выдаёт, тяжело дыша:

– Ирби... Я. Ещё. Могу. Остановиться. Кажется...

– Глупый паладин, – шепчу, притягивая его к себе. Я уже остановиться не могу. Хотя и не знаю, как быть со всем этим дальше.

Утром храм выглядит точно так же, как и ночью, но я каким-то внутренним чутьём знаю, что уже рассвело. Паладин сидит рядом, задумчиво листая большую, богато украшенную книгу.

– Доброе утро, – говорит Рравеш, наградив меня внимательным, но непроницаемым взглядом, и я отмечаю, что он почему-то полуголый – на нём только штаны. А рубашка его, оказывается, на мне, как и плащ...

Стоит вспомнить, что происходило ночью, и взгляд у меня, видимо, делается испуганным – паладин криво усмехается, но никак не комментирует.

– Пора двигаться дальше, – вот и всё, что он говорит.

К выходу я иду, тщательно закутавшись в плащ, не желая

демонстрировать свой настоящий облик ещё и королеве с Лейроном. О благословении богини и его последствиях я стараюсь не думать, но не получается. Стоит только взглянуть на паладина, и тут же вспоминается какой-нибудь ночной эпизод, и становится жарко и волнительно-стыдно. Путешествие вниз, как ни странно, даётся моим спутникам тяжелее, чем наверх. Возможно, выбран не самый лучший маршрут, или же просто эта сторона гор менее проходима... но уже к обеду становится понятно, что они не успеют до темноты, если не ускорятся. А тут ещё и королева, вроде бы милостиво согласившаяся идти самостоятельно, неловко

взмахивает руками и с криком падает в пыль.

Паладин и инквизитор дружно склоняются над ней, я парю наверху, и мне не слышно, что там происходит, но, судя по всему, королева подвернула ногу. Или притворяется, что подвернула. Рравеш берёт её на руки, и я с трудом удерживаюсь от гневного клёкота. После ночи видеть его, касающимся другой женщины, кажется вопиюще неправильным. Спустившись, из вредности и упрямства сажусь ему на плечо. И, оказывается, зря.

– Фил, – негромко говорит Рравеш, так тихо, что, возможно, даже и королева не слышит. – Ты ведь можешь перенести её?

Я молчу, и он продолжает:

– Иначе мы не успеем уйти из гор до заката. Фил... Пожалуйста.

Мой резерв после ночи в храме полон, так что я и в самом деле могу. Но как же я не хочу! Я бы лучше самого Рравеша и даже этого вон Лейрона перенесла! Но “пожалуйста”... И Рравеш. Его нежность, его страсть, сводящее меня с ума “Ир-рби”. Паладин вьёт из меня верёвки без всякого повода.

Королева оказалась довольно лёгкой – легче той девушки, которую я утащила из-под носа у демона, так что я донесла её до названного паладином места без каких бы то ни было проблем. Бережно опустила на землю, тут же уменьшаясь в размерах...

Благодарности в глазах королевы не было.

– Ты можешь принять вид человека, Фил? – тем не менее ласково спросила Иррийна. – Я бы хотела с тобой поговорить.

Я не хочу с ней разговаривать, так что, перекинувшись в волка, убегаю в лес. Пока паладин и инквизитор идут, я успеваю поохотиться, три раза слетать на них посмотреть, и даже поскакать по деревьям крупной белочкой... всё лучше, чем сидеть с королевой.

Но она, оказывается, времени даром не теряет. Я привычно сажусь на плечо Рравешу в виде вороны, когда он подходит к месту стоянки... И изумлённо застываю. Королева выглядит ужасно. У неё на щеке царапины как от когтей, а на горле красные пятна от пальцев. Губы дрожат, и она с прекрасно сыгранным ужасом смотрит на меня.

– Ваше Величество, что случилось? – почти хором вопрошают мужчины.

– Я поцарапалась о куст, немного... – неестественно бодрым, ломким голосом говорит королева.

Рравеш делает шаг ближе... И она отступает, бросив быстрый взгляд на его плечо. То самое, где я. Паладин чуть дёргает плечом, и я перелетаю на дерево. Возможно, мне надо было улететь, но я слишком наивна. Да и разве изменило бы это что-то?

– Всё хорошо, – на редкость фальшиво уверяет королева. И начинает рыдать. – Простите, Кристиан... Но я не смогу с вашим метаморфом... Он... он...

– Это сделал он? – тихим и жутким голосом спрашивает Рравеш. Мне от нереалистичности происходящего хочется обернуться и поискать взглядом ещё одного метаморфа.

– Я, возможно, сама виновата... – шепчет королева, заставляя мужчин

тут же отмести эту мысль. – Я просто хотела подружиться... поговорить. Мне было страшно. А он...

– Что он сделал? – спрашивает паладин таким голосом, словно уже вынес приговор.

– Принял мой облик... Взял за горло, потребовал прекратить вас соблазнять... Но я... Кристиан, я же...

– Прошу прощения, Ваше Величество, – чеканит Рравеш, и мне страшно, потому что в руках этого человека моя жизнь. – Он вас больше не побеспокоит!

Я хочу улететь, но не могу – проклятый паладин слишком хорошо освоил поводок. Он берёт меня небрежно за лапы, и вниз головой – я упрямо молчу, хотя мне неудобно, несёт подальше от посторонних глаз. На мгновение у меня даже появляется надежда... Но быстро угасает, увы. Рравеш кладёт меня на землю, и не даёт сменить облик – сам тянет в истинный. У богини это получалось куда приятнее, но я и тут не издаю ни звука. Привычка – не дать хозяину увидеть слабость.

– Ирби! – говорит он, и в голосе его столько ярости и разочарования, что я делаю то, что давно уже не пыталась, зная, что бесполезно.

Оправдываюсь. Поспешно и неубедительно.

– Кристиан, я ничего не делала ей, она врёт!

– Зачем ей врать, Ирби? – холодно спрашивает паладин. Я могла бы сказать, что из ревности, но паладин лишь решит, что это я о себе. То, что королева сходит по нему с ума, он предпочитает не замечать.

– А мне зачем? – ещё пытаюсь возражать я.

– Ты уже очень много мне врала, Ирби. Не знаю, зачем.

Я беспомощно смотрю на него снизу вверх, обхватив колени руками. Как достучаться? Никак...

– Один раз я тебя попросил... Ирби, – с горечью роняет паладин. –

Доверился тебе! Ты же знала, что Иррийна для меня важна. И поступила так?! Не будет никакого договора, метаморф. Выполняй приказы или сдохнешь.

Резко развернувшись, он уходит, а я впервые в жизни, кажется, действительно хочу сдохнуть.

Предварительно разорвав на кусочки

королеву и вонзив нож в сердце паладина. Он и в самом деле оказался глуп.

Глава 13

Голому человеку в лесу вечером холодно, так что я пытаюсь сменить облик, но ничего не выходит. Проклятый паладин заблокировал меня в истинном облике! Чтоб его!

Побродив по поляне ещё минут пять, и предприняв несколько неудачных попыток, я просто иду к месту стоянки, откуда уже пахнет костром.

Рравеша нет, королева сидит, поправляет причёску, а Лейрон подбрасывает в костёр дрова. Он вскидывает на меня глаза и замирает. Через секунду вскакивает, срывая с себя плащ и протягивая мне, я слышу как то ли возмущённо, то ли поражённо охает королева. А сам инквизитор, кажется, даже слегка покраснел.

Я закутываюсь в плащ, тихо и слегка хрипло – мне до сих пор хочется рычать, отзываюсь:

– Спасибо!

Инквизитор кивает и немного нерешительно спрашивает:

– Ты – Фил?

Теперь я киваю. Усаживаюсь как можно дальше от королевы и Лейрона.

Но он идёт ко мне, садится рядом, и пристально рассматривает. Я даже, наверное, знаю два направления, в которых мечутся мысли инквизитора.

Что он видел меня в доме Рравеша, и что я ощущаюсь абсолютным человеком.

– Фил, – наконец, решается он. Но тут возвращается паладин.

– Отойди от него! – рявкает Рравеш, только завидев место стоянки, и я поспешно отсаживаюсь, пусть и не до конца уверенная, что это он мне. Лейрон упрямо двигается ближе.

– Брось, Крис. Она мне ничего не сделает, и я ей тоже. Мы просто поговорим!

– Заведи себе своего метаморфа, с ним и разговаривай! – цедит паладин.

– Она ощущается совсем как человек, – задумчиво говорит инквизитор. – Почему?

– Это ты меня спрашиваешь, почему в ваших книгах сплошная чушь? – огрызается явно не настроенный на диалог Рравеш.

– Это я тебя спрашиваю, что она делала у тебя дома!

– В качестве кого спрашиваешь? Инквизитора? Так вы и так меня уже казнили, поздно допрашивать!

– Может, и не зря казнили? Раз у тебя дома жил метаморф!

– Господа! – не выдерживает королева. Она даже встаёт. – Вы что... будете ругаться из-за этого?.. Из-за этой... твари?

Не знаю, как господам, а мне слышится в голосе королевы обида –

ругаться из-за неё – куда ни шло, а из-за метаморфа – несолидно.

Я невольно чихаю, и теперь все снова смотрят на меня, а Рравеш – на мои голые ноги, слегка исцарапанные от хождения по лесу.

– Перекидывайся, – цедит, отворачиваясь.

Я собираюсь и в самом деле сменить облик – неудобно мне с ними будет в любой ипостаси, но в истинном облике совсем невыносимо. Однако меня хватает за плечо Лейрон.

– Подожди... Лиза!

Я чуть морщусь – полагаю, инквизитор не хотел, но сжал руку слишком крепко. Мне больно. Да и обращаться, когда тебя держат, не самое приятное действие.

Драка инквизитора и паладина вышла недолгой, но ожесточённой.

Королева визжала, но её никто не слушал, а я наслаждалась. На

Лейрона мне плевать, но я всей душой болела за него – чем больше

тумаков получит Рравеш, тем лучше. К тому же сам факт – паладин

мутузит инквизитора за то, что тот дотронулся до метаморфа... Смешно.

Увы, победила дружба. Или благоразумие. Или, возможно, сопрано

королевы. Спустив пар, в какой-то момент они просто остановились, обменялись рукопожатиями и вернулись к костру.

Взгляд королевы не сулил мне ничего хорошего, но почему-то

переживать об этом не было ни сил, ни желания. В облике волчицы я

положила голову на лапы и закрыла глаза. Кто бы знал, что за одни сутки

можно успеть побыть и очень счастливой, и совершенно несчастной.

* * *

Кристиан Рравеш, бывший первый паладин Его Величества Киррона. По недосмотру богов ещё живой.

Казалось, внутри разлился яд, он сжигает без всякой пощады, и имя этой отравы – Ирби. Ир-рби. Впрочем, может быть, Лиза? Или Фил. Или любое другое имя... она ведь никогда не говорит правду. Разве что один раз, пьяная от доставшейся от вампиров тёмной магии, прочитала этот свой стишок... вот в том, что метаморф считает его дураком, можно не сомневаться. Всё остальное... иллюзия. Игра. Манипуляция. И не

поймёшь, есть ли в ней хоть что-то, кроме желания выжить, за которое, впрочем, метаморфа нельзя винить. Все хотят жить.

Опирается следует на факты. Факты однозначно свидетельствуют против метаморфа. Она была в его доме, затем на балу. Она и письмо, видимо, подложила, и с королевой рассорила. Если раньше он происшествие на балу относил к случайностям, теперь, узнав в Ирби так зацепившую его горничную Лизу, о случайностях нечего и думать. Но он бы на всё закрыл глаза, наверное. Съел бы любое объяснение, пожелай она хоть что-то объяснить. Но нет. “У меня был хозяин и до тебя”, и всё. А то он и так этого не знал. Может, не так уж её и заставляли? Иначе что мешает ей рассказать?

Новое предательство ударило в подготовленную почву. Он ведь ничего о ней не знает. Кроме, пожалуй, того, что она была девственницей в истинном обличье, и ещё, что легко убивает людей. Равно как и спасает. Но значит ли девственность хоть что-то, если речь о метаморфе? “Я ничего не делала ей, она врёт”! Бледная, очень красивая и испуганная Ирби, смотрит так, что сердце останавливается... как перестать прокручивать это в уме? Зачем Иррийне врать? Незачем. А метаморфу... она спрашивала его о королеве. Она специально рассорила их на балу. Может, метаморф до сих пор выполняет поручение своего прошлого хозяина?... А может, он, Рравеш, успел насолить ей самой, сам об этом не зная, и именно она придумала весь план по его уничтожению?... Впрочем... почему она тогда просто не убила королеву?..

Чёрные маги хорошим характером не славятся и в спокойном состоянии, Рравеш же и так был в ярости, то на самого себя, то на слишком уж обвешанного тайнами метаморфа, а уж когда увидел рядом с Ирби Лейрона... сорвался.

Зато хоть душу отвёл. Даже легче немного стало.

Он уклонился от потянувшейся к его рассечённой щеке королевы:

– Благодарю, Ваше Величество. Не стоит.

– Кристиан, я вас не узнаю... – печально шепнула королева. – Метаморф вас словно приворожил! Приворожила... она ведь девушка на самом деле, да?..

Рравеш криво усмехается, качает головой. Это точно не приворот.

Возможно, шутка богини, но в прошлый раз наваждение схлынуло легко и быстро, как не бывало, а теперь, кажется, сидит где-то глубоко в грудной клетке и отравляет оттуда тело и разум...

Ирби-волчица лежит неподалёку от костра, закрыв глаза. И ему хочется пойти к ней. Схватить за загривок, встряхнуть, вытрясти правду... или просто лечь рядом. Всё лучше, чем сидеть здесь...

Иррийна берёт его за руку.

– Кристиан... вы мне очень дороги. Берегите себя.

– Благодарю, Ваше Величество, – машинально отзывается паладин.

Мысли его не здесь. Хочется укутать Ирби плащом, пусть в этом обличье у неё и мех, но стоит вспомнить её замёрзшие, исцарапанные ноги...

Рравеш забирает у королевы руку. Кажется, Иррийна разочарована, возможно, ждала какой-то другой ответ, но что поделать, он и сам разочаровался. Во дворце королева казалась самой достойной из всех виденных им когда-либо женщин, она безупречно-благородно себя вела, она проявляла заботу о больных и обездоленных, она была верна мужу, предлагая многочисленным пылким поклонникам только лишь дружбу...

Теперь же королева превратилась в совершенно обычную женщину, нуждающуюся в Рравеше больше, чем он в ней. Никакого очарования и благородства в ней не осталось, и бывшего паладина раздражают раздражение и вина.

Ирби могла бы ничего и не делать. Куда лучше было бы, не делай она ничего... Ирби. Было бы у тебя хоть на пару тайн меньше! Как поверить тому, кто тебя только лишь обманывал?... Как примирить разум с сердцем, которые, кажется, впервые в такой крупной ссоре?

– Посидите со мной, Кристиан, – просит королева, отследив его взгляд. Лейрон, кстати, смотрит туда же, и от этого кровь снова закипает. Чёртов инквизитор. Рравеш сидит рядом с Её Величеством, смотрит, как Лейрон накрывает волчицу своим плащом, и ненавидит друга как никогда.

* * *

Утро радует взор синяками на лицах паладина и инквизитора, а также синяками под глазами и обидой в глазах королевы. Не знаю, что у них там произошло, но Её Величество таращится на Рравеша так, словно это её он вчера заставил появиться у костра голой и беззащитной. Лейрон нерешительно предлагает мне завтрак, недоверчиво поглядывая на паладина. Неужели тот сказал, что метаморфов надо кормить?..

Случайно проговорился, не иначе.

Королеву я однозначно записала в свои враги. Не под первым номером, но в первой десятке.

Если богиня будет ко мне милостива, то мы с тобой ещё сочтёмся, вероломная королева Иррийна. Я сделаю с тобой ровно то, что ты начала сама – расцарапаю лицо, выцарапаю глаза и буду медленно сжимать руку на горле, чтобы ты всё успела понять и прочувствовать. Всё, как ты хотела!

Словно почувствовав взгляд, королева смотрит на меня. Чуть вздрагивает, наткнувшись на ненависть, оглядывается вокруг – Рравеш и паладин что-то обсуждают неподалёку над картой... и я понимаю, что сейчас будет второй акт драмы “Злой метаморф”. Вот только что именно? Она встаёт и идёт ко мне, я отползаю на всякий случай, но королева останавливается возле костра. Бросив на меня ненавидящий взор, суёт туда руку. Вот это чувства! Наверное, мне даже должно льстить, что королева идёт на такие жертвы ради меня... Пытаться удержать я не стала. Равно как и пытаюсь привлечь внимание мужчин – не успеть. Да и что они поймут из волчьего воя?

Крик. Слезы. Суеющий вокруг Лейрон... “Она толкнула меня!”.

В этот раз я даже не собираюсь пытаться оправдываться. Верь во что хочешь, паладин. Мне всё равно... Впрочем, не посмотреть на него я не смогла, когда он подошёл и опустился рядом на корточки. Смотрела с вызовом. Рравеш остался удивительно спокоен. Он просто положил мне руку на загривок, даже, кажется, немного погладил, помолчал, и обратился к королеве:

– Ваше Величество, мне очень жаль. Произошедшее – полностью моя вина... – я вижу торжествующе дрогнувшие губы на заплаканном лице королевы. А паладин продолжает: – Чтобы такого не происходило, нам с метаморфом лучше путешествовать отдельно.

– Что? – растерянно переспрашивает королева, и торжества как не бывало. – Кристиан... может, вы просто избавитесь от этой твари?.. Вы же можете от неё избавиться?

– Нет, – коротко и ёмко говорит Кристиан Рравеш. Опустив положенные “Величество” и “я очень сожалею”, отчего его ответ ещё более вызывающ.

– Н-не можете? – переспрашивает Иррийна.

– Не избавлюсь, Ваше Величество. Мы с лордом Лейроном всё обговорили, он позаботится о вас, встретимся уже в столице.

– Нет, Кристиан, я хочу, чтобы вы остались! – забывшись, королева стискивает в кулак обожжённую руку и тут же вскрикивает и снова

начинает рыдать.

– Ваша безопасность – превыше всего, Ваше Величество, – торжественно и печально отзывается Рравеш. Но мне почему-то слышится в этом чуть ли не радость. Паладин рад, что мы пойдём от королевы отдельно? Да ладно!

Он подхватывает свою сумку, плащ, и снова кладёт мне руку на загривок:

– Идём... Фил.

Я иду просто потому, что очень хочу оказаться от королевы подальше. Поведение Рравеша мне непонятно. Если он поверил ей, почему не бесится? Или сейчас мы отойдём, и меня будут наказывать? А если не поверил... то почему? И он, и Лейрон точно смотрели в другую сторону, в этом королева убедилась. И тогда, если он верит теперь мне... где мои извинения за вчерашнее? Я их, разумеется, не приму, но это не значит, что их можно не приносить.

– Ирби, – говорит Рравеш минут через двадцать пути, как ни в чём не бывало. – Я знаю, что ты ничего не делала, но я не могу обвинить королеву во лжи. Сейчас – точно не могу. К тому же... это прекрасный повод путешествовать отдельно.

И всё? И это всё?? Паладин... тебе конец!

И нет, я не собираюсь биться в истерику, требовать извинений или как-то иначе демонстрировать, насколько больно он мне сделал – это всё унижительно. Я просто испорчу ему жизнь. Ту часть, что ещё осталась. Границу мы преодолели, когда стемнело – я просто перенесла Рравеша высоко над границей, и в надежде на нормальный ночлег и приличный завтрак даже дотащила до ближайшей деревни. От осознания, что я уже на территории Империи, сердце было не на месте. Конечно, я всегда надеялась, что когда-нибудь вернусь. Вот только верила, что сделаю это, будучи свободной...

На постоялом дворе паладин, сволоочь такая, снял одну комнату. Ладно хоть с двумя кроватями – сказал, что к нему вот-вот присоединится племянник. Попросил воды и подыскать для племянника сменную одежду и обувь – дескать, тот провалился в болото по пути, нужна хоть какая-то смена.

Так что вниз я спустилась в образе Фила, в разномастной, но, к счастью, чистой одежде. И в немного разных сапогах. То ли они были сшиты для

человека с разными ногами, то ли руки у сапожника не оттуда растут...

Паладин сидит за столом и изучает... нет, не меню. Откуда в этом заведении меню, если тут и читать-то хорошо если каждый десятый умеет. Изучает он декольте подавальщицы – вполне симпатичной, но, на мой взгляд, слишком разбитной девицы. Хороший повод начать портить паладину жизнь.

Я сажусь на скамью рядом с Рравешем, хотя еда для меня стоит на другом конце стола, напротив. Но я жмусь к дядюшке.

Девица смотрит на меня с лёгким раздражением и недоумением. Но не сдаётся.

– Показать вам... сад, господин, после ужина?..

– Дядя Крис, – бесцеремонно вмешиваюсь я. – А вода в комнате будет?..

– Аккурат после вашего ужина будет, господин, – ласково говорит девица. Видимо, рассчитывая как раз в это время показать паладину... сад. Что бы она ни называла этим словом.

– А ты меня помоешь? Ну, как обычно! – заявляю ошалевшему паладину, с удовольствием наблюдая за шоком, обидой и даже некоторым омерзением в глазах девицы. Чтобы у неё не осталось сомнений, кладу руку на бедро “дядюшки”.

– Помою, – отмирает Рравеш... и прижимает мою руку своей, сдвигая немного по ноге вверх. Мы меряемся взглядами, и никто не хочет

уступить. Дальше руку двигать я не хочу – это уже будет слишком интимно, а забрать не выходит – паладин держит крепко.

Девушка уходит на кухню, наградив напоследок меня и Рравеша убийственным взглядом.

– Сейчас все подавальщицы узнают, что ты – извращенец, – сочувственно шепчу я.

– Так ты – тоже, – хмыкает, кажется, ничуть не расстроенный Кристиан.

– Но меня-то они не интересуют! – усмехаюсь я.

– И меня! – заверяет Рравеш. И, сволочь, двигает мою руку ещё немного.

– А то ты не собирался смотреть з... сад! – огрызаюсь я.

– Собирался, – неожиданно соглашается паладин. – За сплетнями. Но теперь у меня появилось другое, куда более интересное занятие.

– Даже не думай! – фыркаю я.

– Не могу не думать, – мечтательно отзывается паладин, обжигая меня взглядом. – Я уже это представил...

– Вот и хватит с тебя! – огрызнувшись, вырываю, наконец, руку и пересаживаюсь на другой конец стола. Хорошо, что еду принесли до того, как узнали, что мы – пара извращенцев. А то ведь могли и плюнуть...

Я уверена, что тему с мытьём мы закрыли – пошутили, и хватит, но стоит вернуться в комнату – я очень старалась съесть всё быстрее, но паладин просто не стал доедать свой ужин, хотя там оставалось ещё больше половины, и пошёл за мной, стоит вернуться в комнату, и паладин тянет меня в истинный облик. На этот раз очень осторожно. Медленно и кажется даже, что бережно.

Одежда тут же начинает с меня сваливаться, она и Филу-то была велика...

– Ир-рби, – тянет Рравеш, вставая за спиной. – Ты многое должна мне рассказать...

Я стою неподвижно. Глупо будет вырывать у паладина одежду, которую он аккуратно снимает. К тому же я боюсь, что одежда этого не выдержит, и если на завтрак я приду полуголой, это будет уже слишком смело для деревенского общества. Нас забьют камнями.

– Ты поклялся жизнью меня не принуждать, – напоминаю Рравешу. –

Интересно, если тебя убьёт эта клятва, я освобожусь или тоже сдохну?

Мне бы не хотелось проверять...

– Я не собираюсь принуждать тебя к близости, – судя по голосу, улыбается паладин. – Я просто тебя помою. Ты же сама просила... Ир-рби.

М-да. Надо запомнить, что с паладином такие шутки не проходят, и на будущее придумать что-то другое. Я позволила снять с себя сапоги, переступила через упавшие штаны, и осталась совершенно голой. Ну что

ж, паладин, давай, мой. И посмотрим, насколько хватит твоей выдержки.

Ты ходишь по краю, и я, увы, вместе с тобой.

Рравеш подхватывает меня на руки, аккуратно опускает в ванну.

Поправляет волосы, чтобы не намокли.

– Что ты делала в моём доме? – тихо спрашивает он, начиная и в самом деле меня мыть. Но очень бережно, медленно... и от этого крайне провокационно.

Моё тело реагирует на прикосновения, но я очень стараюсь это скрыть.

– Зачем спрашивать того, чьим словам ты не веришь? – закрываю глаза.

– Я хочу верить, но ты не даёшь мне шанса, – отзывается паладин.

Я молчу, и он спрашивает снова:

– Это ты подложила письмо?

Я представляю на секунду, как его руки смыкаются у меня на шее, но отвечаю правду:

– Я.

– Зачем?..

– Так приказал мой бывший хозяин.

– Как его зовут?..

Я открываю глаза, сажусь, подхватив руками волосы, чтобы не намокли, поворачиваюсь к паладину. Призывно шепчу:

– Кристиан... много, много честных ответов на твои вопросы... как только поклянёшься меня освободить!

Паладин молча смотрит на меня совершенно чёрными глазами, а потом резко поднимается и уходит. Я не спеша заканчиваю мыться, надеваю рубашку, подхожу из любопытства к окну.

Колодец. Паладин. И уже точно не первое ведро с ледяной водой, которое он на себя выливает.

Глава 14

Завтракать на этом постоялом дворе мы не рискнули. Встали пораньше и тихо ушли.

– Зачем тебе в Империю? – спрашиваю я. Он же хотел начать мне доверять? Пусть начинает.

Паладин награждает меня насмешливым взглядом:

– Вот будешь меня мыть, тогда и спросишь!

Я даже реагировать не стала на подобную чушь. Буду мыть, как же. Могу разве что пригостить в каком-нибудь тазике.

Так как мы ушли уже довольно далеко, меняю облик на девичий. Рравеш не возражает, и мой выбор – та самая подавальщица, никак не комментирует. Хотя одета я, конечно, нелепо. Особенно на фоне умудрившегося остаться элегантным паладина.

В следующем трактире, где мы остановились на обед, я сменила тактику. Выбрав самого большого и свирепого мужика за соседним столиком, я начала строить ему глазки. Мужик клянул быстро. Начал подмигивать в ответ и ухмыляться. Рравеш, кажется, не сразу понял, что происходит – стоило ему на меня посмотреть, и я принимала самый скромный и кроткий вид.

– Ты что делаешь? – тихо спросил Рравеш, когда внимание мужика стало непрерывным, и он начал вслух восторгаться тем, какая красивая девушка... и причитать, как она бедно и несуразно одета. Вот он бы свою зазнобу богаче, чем себя одел...

– Личную жизнь устраиваю, – так же тихо отзываюсь я. На всякий случай, чтобы паладин не вздумал самоустраниться и испортить мне всё удовольствие, уточняю: – Твою!

– Мою?! – переспрашивает паладин.

– Ага, – безмятежно улыбаюсь я. – Где ты ещё таких колоритных врагов найдёшь? Да и синяк подновить пора...

– Ирби... – кажется, Рравеш не знает, ругаться или смеяться.

Но тут мужику становится обидно, что всё внимание теперь достаётся Рравешу, он подходит и трогает того за плечо:

– Слышь... пойдём, потолкуем. Девка твоя слишком хороша для тебя... Паладин, смерив одинаково мрачным взглядом меня и его, поднимается и идёт.

Разумеется, я иду за ними. Увы, но мужик моих надежд не оправдывает – паладин справляется с ним за полминуты, не получив ни одной ссадины. Дожидается нападения, поддавливает в движении, заламывает руку, укладывая в пыль...

– Ещё вопросы остались? – мрачно уточняет.

Я ловлю на себе обиженный взгляд мужика и развожу руками: что поделать... сам не справился. Вопросов у мужика нет, и теперь Рравеш

принимается за меня – перекидывает через плечо и под ободряющие крики свидетелей конфликта несёт из деревни в сторону леса.

– Отпусти! – требую я, но он не реагирует.

Сворачивает с дороги, как только начинается вокруг густой лес...

выламывает хворостину, и я начинаю подозревать неладное. Тем более что перекинуться снова не выходит...

– Даже не думай! – возмущённо предупреждаю я. – Рравеш! Ты не посмеешь!

Паладин ставит меня на землю. Ухмыляется, выразительно похлопывая хворостиной по руке. Я отступаю на шаг. Нет, вариант бегства я не рассматриваю. Выламываю прутик для себя, встаю в стойку для фехтования. Фехтовать я не умею, совсем. Как-то не нужно никогда было...

Рравеш в несколько движений вышибает прутик у меня из рук.

– Ир-рби, – шепчет, прижимая к дереву. – Будешь вести себя как капризный ребёнок, буду пороть. Поняла?

– Любишь поёстче, паладин? – огрызаюсь я. Взгляд Рравеша темнеет:

– Чего ты добиваешься, Ирби?

– Свободы, – моментально отзываюсь, упираясь ему в грудь.

– Посмертно? – шуруется Кристиан. Не дожидаясь ответа, отступает. –

Веди себя прилично, Ирби. Или мне придётся поступить с тобой как в сказках – днём превращать в чудовище, а ночью – возвращать в истинный облик...

Паладин отступает и, не оборачиваясь, уходит, а я, перекинувшись в птичку, поднимаюсь над лесом вверх. Одежду мне совершенно не жаль – она настолько ужасна, что я готова приплатить за то, чтобы не надевать её снова. Должен же быть у нас на пути город, где продаются нормальные одежда и бельё... И почему-то у меня нет ни малейшего сомнения, что паладин всё это мне купит.

Я не планирую возвращаться к Рравешу очень долго, пока не дёрнет, или пока не возникнет реальная опасность его, а значит, и моей жизни.

Поводок он отпустил очень сильно, так что я делаю огромные круги, не решаясь, впрочем, залететь настолько далеко, чтобы приблизиться к родным местам. Нахожу королеву и Лейрона – они сильно позади.

Ближе к вечеру навещаю Рравеша – он остановился на берегу озера на привал, за день умудрился обзавестись лошастью и снедью. И я собираюсь уже лететь дальше, когда вижу, как к озеру направляется какая-то девица. Тут недалеко деревня, возможно, там паладин и разжился имуществом, но какого чёрта эта женщина увязалась за ним? Или случайно здесь оказалась и сейчас сбежит?..

Рравеш плещется в озере, девица останавливается на берегу, окликает его... Я не слышу, о чём они разговаривают, но она начинает тоже раздеваться.

Я понимаю, что озеро ничейное. Лесное. Но я очень сильно против, чтобы эта плескалась там прямо сейчас! С ним!

Бросившись в воду, перекидываюсь в русалку. Зелёные волосы, большая грудь и рыбий хвост, всё как полагается.

Девица – статная, рыжая, с грудью не меньше, чем у русалки, я даже слегка подрастила свою – довольно улыбаясь, лезет в воду. Она зашла уже по пояс, когда я выныриваю перед ней, специально шлёпнув хвостом по воде и обдав брызгами.

– Иди отсюда, селянка! – говорю нараспев. – Моим он будет!

Девица смотрит на меня круглыми глазами и, кажется, готовится завизжать.

– Тссс, – я подношу палец к губам. – Никому. Иначе в колодце же своём и утонешь!

Рыжая ещё пару секунд молча стоит, затем начинает судорожно кивать и пятиться из воды на берег. Подхватывает одежду – надеюсь, только свою, хотя если и паладинскую тоже, я не против, пусть почувствует себя в моей шкуре... и убегает.

Рравеш... смеётся. Прежде чем я успеваю уплыть, он ловит меня за хвост и тянет к себе.

– Так чего ты всё-таки добиваешься, Ирби? Свободы? – от прикосновения кожи к коже у меня перехватывает дыхание. А от взгляда совершенно чёрных глаз замирает сердце. – Или... верности?

– Свободы и справедливости! – отзываюсь я. Собираюсь добавить, что паладину неплохо бы самому посидеть на поводке, чтобы понять, каково это, но он опережает:

– Справедливости, Ирби? Ты пришла в мой дом, чтобы меня подставить. Неужели в этот момент ты думала о справедливости?

– О свободе я думала, – огрызаюсь.

– О свободе... – тянет Рравеш. – Значит, твоя свобода стоит жизни того, кто ничего плохого тебе не сделал? Легко ты решила обменять мою жизнь на свою свободу?

Вопрос паладина вызывает у меня бурю протеста внутри. Во-первых, плохого он мне уже сделал достаточно. Пусть и потом. Во-вторых... этот вопрос стал вдруг чертовски неудобным. Потому что теперь, встань передо мной подобный выбор, я бы, возможно, уже не так однозначно и легко решила...

– Легко, – честно отвечаю я. – Для меня ты был просто один из тех, кто по своей прихоти объявил таких как я вне закона. И только попробуй сказать, паладин, что твоя королева лучше меня! Но её ты что-то на поводке не удержишь!

– Королева... – со странной интонацией повторяет паладин. – Разве то, что есть кто-то хуже, даёт тебе право распоряжаться чужими жизнями?..

– А тебе, паладин?

– Если ты о себе, Ирби, то ты первая покусилась на меня, – улыбается Рравеш. Улыбается так, что хочется его утопить. – Так что ты как раз моя по всей справедливости...

– Почему ты вдруг поверил, что я ничего не делала этой коронованной стерве? – не желая отвечать на провокационное заявление, меняю тему. На всякий случай шлёпаю хвостом по воде, обдавая себя и Рравеша брызгами: – Видишь, мою!

– Ты не могла к ней подойти, – неохотно, после небольшой паузы, но всё же признаётся паладин. – Поводок не дал бы тебе приблизиться на расстояние меньше пяти шагов.

Я фыркаю и ещё раз окатываю брызгами Рравеша.

– Не нравится ответ? – спрашивает паладин, закрывая глаза и слегка отодвигая меня от себя. – А какой ты хотела услышать, Ирби? Что я настолько потерял голову, что верю тебе просто потому, что это ты, несмотря на всю твою ложь до этого?

– Да. – Я не вижу смысла врать. Влюблённый по уши, доверчивый паладин – то, что надо.

– Тогда тебе нужно больше стараться, Ирби, – серьёзно сообщает мне Рравеш и, отпустив, наконец, мою талию, плывёт на середину озера. Усмехнувшись, я принимаю свой истинный облик и иду на берег, рыться в вещах паладина и искать себе одежду. Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним, Кристиан Рравеш.

А на следующий день меня настигло прошлое. На рыночной площади среднего, ничем не примечательного городка, где Рравеш не столько закупался, сколько подслушивал разговоры, я увидела его. Его! Ивьер Риган. За семь лет он изменился, но я узнала. Я вообще очень хорошо

запоминаю и узнаю лица, а уж это лицо изучила во всех подробностях...

Впрочем, теперь его зовут, наверняка, по-другому. Продав меня, он купил себе новую личность и жизнь.

– Ирби? – негромко спрашивает Рравеш, и я понимаю, что застыла и, кажется, даже дышать перестала, впившись взглядом в удаляющуюся фигуру на коне.

Вздыхнув, повернулась к паладину, подняла лихорадочно блестящие глаза:

– Мне нужно остаться в этом городе на пару дней... – просьба далась тяжело, но я всё-таки выдавила из себя: – Пожалуйста.

Возможно, надо было постараться схитрить. Уйти, а потом вернуться. Но мне нужна нормальная одежда, мне нужны деньги... да и просто опасно

– паладин может укоротить поводок в любой момент, а я не могу отказаться от возможности отомстить. И не знаю, сколько на это уйдёт.

– Зачем? – предсказуемо спросил паладин. Так строго и подозрительно спросил, что я не удержалась.

– Влюбилась! – ляпнула. Из вредности, из скрытности, ну и ещё из любопытства – посмотреть, что будет.

– Что? – переспросил, прищурившись, Рравеш. – В кого? В этого?... – кивнул в ту сторону, куда уехал мой самый первый враг. Заметил.

Я похлопала глазами. Попыталась снять руку паладина со своей талии. Не преуспела.

– В город, – максимально честно отозвалась. Но он не поверил.

– Нет. У нас не так много времени, Ирби.

– Я догоню!

– Нет.

– Я перенесу тебя по воздуху на два дня пути, – закусывая губу, предлагаю я.

– У тебя нет столько сил, – качает головой паладин, и он, чёрт бы его побрал, прав. – Ирби, что происходит?..

– Здесь мой враг, – со вздохом признаюсь.

– Я же запретил тебе убивать людей, – тут же становится ледяным голос Рравеша, и я только сейчас понимаю, что весь предыдущий разговор проходил чуть ли не в дружеском тоне. А вот теперь паладин разозлился.

– Я не буду его убивать, – комкаю край рубахи. Добавляю в сторону: – Я просто разрушу его жизнь, как он мою.

Кажется, в Рравеше победило любопытство.

– Останемся. Но ты мне всё расскажешь, и сделаешь только то, что я разрешу. Идёт, Ирби?

Рассказывать, признаваясь в собственной глупости, не хотелось. Но Рравеш так смотрел, что я почему-то не решилась спорить. А ну как вообще передумает?

Рассказывать начала, пока мы шли к постоялому двору. Казалось, что так легче – не надо смотреть на собеседника, можно внимательно разглядывать мостовую под ногами и убеждать саму себя, что это было не со мной. Впрочем, рассказ будет коротким.

– Мы должны были пожениться. Мне было шестнадцать, ему двадцать два, и между нашими родителями было всё оговорено...

– Родителями? – переспросил Рравеш. И я не удержалась:

– Родителями. Не знаю, паладин, что написано в ваших книгах, но я помню себя человеком с самого детства. Просто в пятнадцать у меня проявился дар, и он оказался таким...

– Родители знали? – спрашивает паладин, и я легко вру:

– Нет.

Мама знала. Но она приняла меня, она любила меня ничуть не меньше, чем до, ровно также как моих братьев и сестёр, не имеющих никакого

дара, и хотя предупреждала, чтобы я никому не говорила, я наивно полагала, что жених примет тоже...

Паладину это знать ни к чему. Если он когда-нибудь выяснит моё настоящее имя, не нужно, чтобы у него было хоть что-то против моих родителей.

– И что произошло?

– Я имела глупость ему рассказать. И он продал меня чёрным магам. Вот и вся история, паладин. На тот момент я никого не убила, не ограбила и даже не обманула. Я вообще не планировала пользоваться даром.

Убивать меня заставляли те, кто держал за поводок. Такие как ты. И я быстро научилась. Иногда мне даже нравилось. Особенно когда новый хозяин приказывал убить предыдущего...

– Ирби... – говорит паладин, но я не хочу на него смотреть. Чувствую себя жалкой. Попрошайкой, только выпрашиваю я не деньги, а участие и сочувствие, что ещё более унижительно.

Вздрагиваю от прикосновения к ладони – Рравеш берёт меня за руку.

– Как будем мстить?

К вечеру мы знали о моём бывшем женихе следующее: он известен здесь под именем барона Райдена, через неделю у него свадьба – он собирается жениться на дочери главы города.

– Я приму облик его невесты и демонстративно изменю ему... с тобой! – предлагаю я, устраиваясь с ногами на кровати. Можно было бы и в кресле. Или на диване. По какой-то причине Рравеш выбрал самый шикарный постоялый двор. И снял нам отдельные комнаты!

– Часть этой затеи мне определённо нравится, – усмехается паладин, и так смотрит, что не приходится сомневаться, какая именно.

Но я всё равно уточняю:

– Полапать чужую невесту?

– Тебя, – совершенно не теряется и не смущается Рравеш, а взгляд становится ещё темнее. Дальше я решаю не шутить и возвращаю разговор в деловое русло:

– А какая не нравится?

– Если он женится ради денег, а у нас есть все основания предполагать, что это именно так, то его это не остановит.

Тут Рравеш прав.

– Тогда его облик и изменю с какой-то красоткой на глазах у невесты, – предлагаю я. Паладин хмыкает, но тоже качает головой:

– Простит.

Мне бы и хотелось возразить, что нет, не простит, но паладин, думаю, прав. Свадьба разве что отложится...

– Представлю его сумасшедшим? Прикинусь им пьяным и набью лицо будущему тестю?.. Изменю в его облике на глазах у невесты с тобой? Что?..

– Мы не будем расстраивать его свадьбу, – чуть улыбается паладин. Он сидит в кресле, и между нами достаточное расстояние, но паладин, зараза такая, умудряется смотреть так, словно между нами от силы ладонь.

– Наоборот. Мы его женим. Только на ком-нибудь очень-очень бедном... не знаю уж, насколько красивом, тут как повезёт.

– Оооо! – восхищённо тяну я. – Куда уж бедной фантазии простого метаморфа до изощрённой жестокости первого паладина...

Рравеш усмехается:

– Не прибедняйся, Ирби. Со мной ты обошлась очень даже изобретательно!

Надо было оставить без внимания, но, кажется, слова паладина с некоторых пор ранят и царапают слишком сильно, особенно когда он прав. Так что я огрызаюсь:

– Ты – мой пятый хозяин, паладин. И знаешь, что у всех общее? Каждый говорит “Повинуйся приказам, метаморф. Или сдохнешь!”. Приходится быть изобретательной...

Удар попал в цель, но мне почему-то от этого совсем не радостно.

Рравеш поднимается, направляется к двери, холодно и равнодушно роняет:

– Никуда не выходи, Ирби. Увидимся утром.

Не то чтобы я и в самом деле куда-то собиралась, возможность принять ванну и поспать в нормальной кровати манят со страшной силой, но всё же зачем-то проверяю, могу ли выйти. Увы, Не могу. Стоит сделать три шага от двери в коридор, и на шею начинает мягко, но очень даже навязчиво давить. Рrrrrрравеш! Чтоб тебя!

Утром паладин собственноручно принёс завтрак и газету. Я села на удобной широкой кровати, на которой, честно говоря, прекрасно выпалась, оглядела огромную, шикарно обставленную комнату, пригубила горячий и очень вкусный шоколад... и невольно вздохнула.

Нет, я всё ещё уверена, что счастье не в деньгах и даже не в их количестве, но насколько же они делают жизнь комфортнее... Впрочем, для начала мне надо вернуть себе право распоряжаться своей жизнью.

Взяла у Рравеша газету, которую он настойчиво мне протягивал, сползшее одеяло решила не подтягивать повыше. Пусть смотрит. Он

сказал стараться получше, вот я и стараюсь. Разумеется, совсем не так, как этого бы хотел сам паладин.

В сегодняшнем номере газеты целая статья была посвящена некоей Марии Фильеро, и на всю страницу напечатан её портрет. Девушка была не особо красива, но зато, если верить статье, баснословно богата. Вернее, богат был её отец, и Марии должно было достаться очень много денег, как только она выйдет замуж. Автор статьи, ссылаясь на анонимный источник, сообщал, что с высокой долей вероятности Мария Фильеро сейчас инкогнито находится в городе и, более того, придёт на сегодняшний бал у главы города.

Я всмотрелась в портрет, приняла облик. Рравеш согласно кивнул. Не знаю, когда он только успел всё это проверить, но теперь его план выглядел весьма реальным и уже даже начавшим реализовываться, даже без моего участия. Вот только...

– А на ком он женится на самом деле? Я, конечно, очень и очень бедна, но мне бы не хотелось связывать свою жизнь с ним...

– Мне тоже этого не хотелось бы, – мягко говорит паладин. И так же мягко добавляет: – Ведь тогда придётся его всё-таки убить.

– Возьму этот способ на заметку, – хмыкаю я, чувствуя необъяснимый прилив радости. А что? Врагов у меня ещё много. Пригодится.

– Говорят, у него была ещё полгода назад другая невеста. Но её отец проигрался в карты подчистую, не осталось ничего, кроме долгов, всё заложено-перезаложено... А бедная девушка до сих пор не может поверить, что Райден её разлюбил, бегают за ним. Я ещё не говорил с ней, но, думаю, она согласится.

– Я в восхищении, – серьёзно сообщаю, потягиваясь. Надеюсь, он не решит, что я снова нарываюсь? С другой стороны, просто замолчать нерешённый конфликт – а мы ведь так толком ни о чём и не поговорили – кажется мне самым неправильным...

Рравеш отслеживает моё движение потемневшими глазами и... зевает.

Видимо, у него ночь не так удалась. Судя по тому, сколько он всего успел, он, возможно, вообще не спал?

– Одевайся. Мы едем за платьем, а потом беседовать с леди Веришей.

Что ж – я потянулась за платьем. Значит, и теперь не поговорим.

Я была уверена, что местная лучшая швея нас сразу же развернёт с

запросом подготовить платье к вечеру. Но, видимо, паладин знал какой-то секрет, или оказался слишком щедр, а местная швея – слишком пунктуальна и исполнительна, и все остальные заказы к сегодняшнему балу уже сделала...

Так или иначе, но очень скоро я уже стояла в помещении для примерки, а вокруг меня суетились три девушки. Периодически они кололи меня булавками или иголками, и так многословно извинялись, что я никак не могла определить – правда случайно это у них получилось, или я так хорошо стою, что они проверяют, жива ли ещё.

Потом раздался звон колокольчика от входной двери, голоса, и девушки, ещё более многословно извинившись, что оставляют меня, пусть и крайне ненадолго, подхватили несколько готовых платьев и бросились в соседнее помещение. Я же старательно изображала манекен. И, как оказалось, не зря.

Буквально через несколько мгновений после того, как хлопнула дверь, потянуло лёгким сквозняком и с другой стороны, видимо, от чёрного хода послышались осторожные шаги. Меня крадущийся не заметил, так как для этого надо было обернуться и всмотреться в щель между занавесками, я же видела фигуру в плаще и капюшоне прекрасно. И готова поклясться, что фигура женская. Мужчины и женщины ходят по-разному. И если простолюдинка может идти, как мужчина, то женщина из высшего общества настолько привыкла к определённой походке, что захоти она прикинуться мужчиной, ничего не выйдет.

Придерживая ворох ткани, в который меня закутали, и который пока не очень хорошо закрепили, я подошла чуть поближе. Злоумышленница остановилась около ослепительно-белоснежного платья, с пышной юбкой и огромным количеством самых разных камней, отчего подол казался радугой, стоило только упасть на него лучу света. Покопавшись в кармане, она натянула перчатки, а из другого кармана достала какой-то небольшой кулёк. Я неслышно выскользнула из-за занавески и сделала ещё пару шагов к ней. Нет, мешать я не собираюсь, разве что поговорить. Потом. Когда она уже не сможет отвертеться и сказать, что ничего не делала.

Женщина тем временем высыпает содержимое кулёка – какой-то белый порошок – внутрь платья, осторожно трогает, распределяя порошок внутри по ткани... и вскрикивает: подкравшись сзади, я беру её за горло. Тихо спрашиваю:

– Что ты сделала?

Услышав женский голос, она начинает яростно вырываться, но лишь лишает себя дыхания. Сдёрнув капюшон, второй рукой беру её за волосы – тёмные, густые, длинные. Не как у Рравеша, конечно, но тоже ничего.

– Ты кто? – девица пытается извернуться, чтобы меня увидеть, но у неё нет никаких шансов. Я больно дёргаю её за волосы и чуть сжимаю руку на шее, обозначая, что здесь вопросы задаю я. От малейшего движения ненадёжная конструкция из моего будущего платья сползает на волосок вниз. Немного, но если оно проделает это достаточное количество раз...

– Что ты сделала? – повторяю я.

– Ничего, – огрызается злоумышленница. – Всего лишь чесоточный порошок.

– Доставай кулёк и облизывай остатки, – предлагаю я.

Если там и правда всего лишь вызывающая чесотку пыль, то девица оближет – ничего от этого не будет, почиает разве что часик или посмеётся... Девица медлит. А затем достаёт кулёк и пытается резким движением вытряхнуть остатки порошка мне в лицо. Но она при этом так боится попасть на себя, что всё летит мимо. А я отчётливо различаю

фон чёрной магии, и снова сжимаю горло жертвы.

– Отворот! – хрипит она. – Просто отворот! Отпусти!

Кажется, это снова неправда.

– Ты – Вериша? – вдруг по наитию предполагаю я, и от того, как дёрнулась девица, понимаю – угадала. Ну надо же!

Честно говоря, никаких моральных терзаний по поводу того, что мой бывший жених может сорвать злость на будущей жене, у меня не было.

Потому что она ведь сама на это согласится – обмануть будущего мужа, обманом заполучить его свободу. Были разве что сомнения, что девушка

может отказаться. Но теперь... я уверена, она не откажется. И сладкой жизнь Райдена точно не будет. Девушка невменяема, и она его просто сожрёт.

Раздаются голоса возвращающихся девушек, и моя пленница делает отчаянный рывок, рискуя оставить у меня в руках половину своей роскошной шевелюры. Я с лёгкостью могла бы её удержать, но не вижу смысла. Нам нужно, чтобы она была на свободе, а не в тюрьме...

Добавив себе обоняния, запоминаю запах. Терпеть не могу работать собакой, но иногда приходится.

От рывка моё недоплатье, разумеется, окончательно слабеет и падает.

Девушки, успев увидеть убегающую фигуру, взвизгивают, и на пороге моментально появляется Рравеш. Смотрит на меня, словно впервые видит. Можно подумать, голых женщин никогда не встречал. Или Мария Фильеро ему чем-то особенноглянулась?

– М-мария, – спрашивает псевдо-кузен, на редкость хорошо исполнив роль оторопевшего от зрелища обнажённого женского тела мужчины, и с большим опозданием всё-таки отворачиваясь. – Что произошло? Мы вроде пришли сюда, чтобы тебя одели, а не раздели!

Спохватившись, притворяюсь испуганной и смущённой – торопливо поднимаю платье, пытаюсь приладить его на себя, рассказываю, что увидела, как некто в плаще сыплет что-то в платье... вот в это да. Нет, что именно не знаю, кто – не разглядела... но точно сыпала. Увы.

Вопреки первоначальному плану, разыскивать Веришу после того, как у меня невероятным, волшебным образом появилось готовое и очень даже симпатичное платье, пусть и довольно простое, мы не пошли.

– Она наверняка дома, но никого не примет, – сказал Рравеш, когда я ему рассказала всю правду о происшествии. – Но я уверен, что она придёт на сам бал. Как такое пропустить? Там мы с ней и потолкуем.

Так что мы направились на постоялый двор. Я, как и полагается богатой и избалованной девице, залегла в ванну на целый час, а когда вышла – в моей комнате сидел Рравеш. Перед зеркалом, как когда-то, целую вечность назад, в своём особняке. Он протянул мне гребень.

Я хотела ему отказать. Возмутиться. Съязвить. Но как заколдованная почему-то взяла гребень и провела по струящимся в моих руках шёлковым волосам.

Глава 15

Бал шёл своим чередом. Кажется, никогда у меня ещё не было такой популярности на балу, видимо, в этом городе каждый второй холостой мужчина и читающий, и жадный.

Ивьер не отходил от меня ни на шаг, и стоит ли удивляться, что мы танцевали уже третий раз подряд, несмотря на попытки остальных отбить меня у него.

– Кажется, ваш кузен, прекрасная Мари, вот-вот вызовет меня на дуэль, – с самодовольной усмешкой говорит барон Райден, прижимая меня к себе уж слишком близко.

– А ваша невеста – меня! – не остаюсь я в долгу.

– О, – вздыхает мужчина, склоняя голову. Я с некоторым злорадством отмечаю несколько седых волосинок. Да и шевелюра, кажется, стала чуть реже... – Не надо, жестокая! Не напоминайте! Вы уедете, а я буду всю жизнь вспоминать, насколько был счастлив просто прикоснуться к вам во время танца!..

– Вы что же, не любите невесту? – оскорбилась я. Невеста, кстати, в другом платье. Не таком ослепительно белом, да и камней на подоле на порядок меньше – не всё успели перешить, видимо.

– Она – хорошая, достойная леди, и очень меня любит, – горестно признаётся Райден. – Но мог ли я знать, что всего одна встреча с девушкой, которая здесь проездом, с той, о которой я ничего не знаю, навсегда отравит моё сердце?... Мари... задержитесь ещё на пару дней?..

Я уже собираюсь ответить какую-нибудь лирически-возвышенную чушь, что-то в тон барону, но нашу пару разбивает Рравеш, несмотря на то, что ещё только середина танца.

– Простите, барон, – цедит он. – Мне необходимо сказать кузине пару слов.

При этом так сжимает мою руку, что я, извернувшись, наступаю ему на ногу. Не особо помогает. Разве что теперь Рравеш сжимает ещё и талию.

– Ты что творишь? – зло щурится он. – Ты мстить собралась или отдаться ему на балконе для достоверности? Или, может, хочешь сама за него замуж?

– Ты что несёшь? – огрызаюсь я. Нет, в самом деле. Это не я творю, это кто-то или кого-то несёт!

– Ты смотришь на него так, словно сейчас отдашься! – рычит Кристиан Рравеш. Я тут же устремляю на паладина точно такой же взгляд – тому, кто может перестроить своё тело как угодно, это совсем несложно:

расширенный зрачок, розовые щёки, красные губы, учащённое дыхание...

– Хочешь, чтобы я думал, что ты готова отдаться любому в этом зале? – кривится бывший лорд. Уверена, его посмертно разжаловали, дабы имущество не пропадало, а отошло в казну. И правильно. И поделом.

– Мне всё равно, что ты думаешь, паладин, – холодно отзываюсь я, награждая его теперь колючим взглядом.

Рравеш выталкивает меня на балкон. Там никого, так как моросит лёгкий дождик и довольно прохладно. Тащит к краю балкона, впечатывает спиной в колонну. Мрамор холодит разгорячённую кожу – вырез на платье у меня ого-го!

– Даже не думай, что я разрешу тебе и в самом деле выйти за него замуж, Ирби!

– Даже не думай, что я буду у тебя спрашивать, за кого мне выходить! – огрызаюсь я, хотя, разумеется, никакой симпатии к бывшему жениху не питаю. Только досаду на себя и лёгкое чувство брезгливости. Но паладин так восхитительно ревнует, что я не могу удержаться, хотя и чувствую, что всё идёт к очередной ссоре.

– Ничему тебя жизнь не учит, да? – зло спрашивает очень черноглазый мужчина.

– Учит. Что от паладинов надо держаться подальше! – радостно оскаливаюсь я.

– Хорошая мысль, – неожиданно соглашается он, на удивление мягко. Впрочем, тут же добавляет: – Только слишком запоздалая.

Мне казалось, я прекрасно помню, как целуется Рравеш, я даже успела себя убедить, что не так уж и хорошо, ничего особенного, всё дело было только в храме, а так – подумаешь, поцелуй...

Тем неожиданнее оказалась реакция собственного тела – слабеющие

ноги, сладкий узел где-то в животе, и желание большего, огненной волной растекающееся по венам. И даже не таким уж и важным кажется поймать в свои сети барона Райдена, ведь мечь, как выяснилось, далеко не единственное удовольствие в жизни... И всё-таки, заслышав приближающиеся шаги, отпихиваю Рравеша.

– Кузен, держите себя в руках! – выдыхаю я, прижимая ладонь к лихорадочно горящим губам. Тело хочет продолжения. Остаётся только надеяться, что это Мария Фильеро такая страстно-неразборчивая, а Ирби, как и прежде – рассудительная и слегка циничная.

– Кузина, – тяжело дыша, отзывается Рравеш шёпотом. – Держать вас – куда приятнее.

Шаги замирают перед выходом на балкон, я не уверена, что нас слушает именно целевая аудитория в лице барона Райдена, но, с другой стороны, даже если и нет, ему, наверняка, передадут.

– Бросьте, кузен! Мы ведь оба знаем, что вы меня, мягко говоря, недолюбливаете! Презираете!

– я говорю, не отводя взгляда от чёрных

глаз Рравеша, и сама не очень понимаю, какая часть из этого – роль Марии Фильеро, а какая – правда от Ирби. – Вы просто хотите меня использовать!

– Кузина... – проникновенно шепчет паладин. – Вначале всё так и было.

Но теперь... теперь я готов принять вас со всеми вашими...

особенностями! Они мне очень даже нравятся... и вы нравитесь...

Чёртов лорд, он очень хорошо играет. Так, что моё сердце частит и спотыкается.

– Вы хотели сказать, с моими возможностями, кузен? – поднимаю я брови. Ещё бы ему не нравились возможности метаморфа или гипотетические деньги Марии...

– И с ними тоже... – ничуть не смущённо, и очень даже жарко улыбается Рравеш.

– Напрасно, – возвращаю улыбку. – Не про вашу честь это всё... кузен!

– Это мы ещё посмотрим! – говорит паладин, и получается у него на редкость по-злодейски.

– Да я скорее за первого встречного выйду! – от души выплёвываю.

Ругаться с паладином мне нравится в любом обличье и почти по любому поводу. А уж когда нужно для дела... Впрочем, подумав, я уточняю: – Первого симпатичного встречного.

– За оставшуюся неделю? – хмыкает мой “кузен”. – Смиритесь, кузина.

Вы – моя.

– Убирайтесь! – горестно отзываюсь я, закрывая лицо руками.

Рравеш уходит... и почти сразу на балконе появляется барон Райден.

Наслушавшийся и готовый почти на всё, и почти ко всему.

– Мария, что с вами? – с трепетом спросил Райден. И ему удалось добавить в голос столько участия, как будто бы мои слёзы, которых на самом деле нет, это то, что и в самом деле волнует его больше всего на свете.

– Да так, не обращайте внимания! – я подарила барону вымученную улыбку, отнимая руки от лица. – Вам повезло: та, с которой вы вот-вот свяжете свою жизнь, по крайней мере, любит вас. А я... А мне... мне достанется муж, который меня презирает!

– Вы любите его?... – укоризненно и трагично спрашивает барон. Так, словно я пытаюсь расторгнуть помолвку с ним, а не жалуюсь на кузена.

– Нет! – я очень даже искренне звучу, сама собой восхищаюсь. – Терпеть не могу!

– Тогда зачем вы за него выходите? – кажется, барон спасовал перед непостижимой женской логикой. Я подавила желание вырвать ладонь, которую мой бывший жених взял в свою.

– Вы будете меня презирать... – покаянно прошептала. И, дождавшись уверений, что это решительным образом совершенно никак невозможно, продолжила: – Из-за денег! Я не хочу потерять своё наследство, а отец мой был настоящий самодур, и кузену почему-то доверял сверх меры... Если я не выйду замуж в течение недели, все деньги уйдут сестре моего отца. Если выйду – мне и мужу. Видите? Я жадная. Корыстная, меркантильная... совсем не романтичная.

– Мари... Мари! – повторил Райден, кажется, действительно не на шутку волнуясь. Я даже восхитилась теперь им – это ж надо так страстно любить деньги!

Уверена, в течение следующих десяти-двадцати секунд он сделал бы мне предложение. И осталось бы только поохать, поахать, поколебаться, и, млея и розовея – это я могу, назначить встречу в храме завтра на рассвете... но тут на балкон шагнула она. Невеста барона Райдена.

Интересно, какая уже по счёту? Как минимум, третья, но как знать, вдруг между мной и Веришей была ещё целая вереница наивных девиц?

– Милый, ты со мной потанцуешь? – спрашивает невеста моего врага. – Мария, – нас с кузеном, естественно, представили хозяину дома и его семье. И теперь девушка, жениха которой я уже почти увела, дарит мне тёплую улыбку и протягивает руку: – Вы останетесь на нашу свадьбу? Мы будем очень рады вас видеть!

Я ищу в этой фразе враждебность. Попытку пометить территорию, заявить, что мужчина, уединившийся со мной на балконе – её. И не нахожу. Либо она гениальная актриса, либо блаженная, свято верящая в его любовь. Впрочем, что это я. Сама была ещё более блаженной...

Я пожимаю руку, и не могу отвести взгляд. Что-то неуловимое, то ли ощущение, то ли какие-то плохо распознаваемые признаки заставляют вглядываться в девушку внимательнее, напрягая до предела все органы чувств...

Они уже уходят танцевать, когда я понимаю в чём дело, сложив то, как девушка неосознанно и бережно кладёт руку на живот, и какую-то особенную мягкость... Она ждёт ребёнка.

Это не должно ничего поменять, – говорю я сама себе. Какое мне дело, беременна она или нет?

Я сделаю ей подарок, избавив от такого подлеца-мужа... И всё это звучит фальшиво. Невинная девушка, дочь главы города, без труда нашла бы себе нового жениха и была бы навяряка счастлива. Но она не невинна, и это сложно будет скрыть уже через месяц. И если Райден уйдёт, она будет изгоем, как и её ребёнок, даже если семья и не откажется, её не примут ни в одном доме высшего общества... или же ребёнка не будет.

Мне должно было быть всё равно. Семь лет назад я твёрдо решила, что мне нет никакого дела до людей. Они объявили меня вне закона ни за что, они допустили, что меня продали и посадили на поводок смерти, который хуже чем любая цепь, им плевать на меня, и значит, мне плевать на них... Но я не могу. Меня начинает тошнить от самой себя, стоит только подумать о том, чтобы всё-таки реализовать свой план...

Потратив почти десять минут на то, чтобы преодолеть зал, я всё-таки вышла в сад. Кажется, меня успели позвать на танец все не танцевавшие в этот момент мужчины, и я зачем-то соблюдала приличия, хотя собиралась просто уйти и исчезнуть. А хотелось мне и вовсе перекинуться в птицу и улететь. Несмотря на высокие потолки и открытые окна мне сделалось здесь крайне душно. Равеша в зале не было, а вот в беседке в саду был. И не один – с Веришей. Я не знаю, о чём они говорили – дождь шуршал, заглушая слова, но стояли друг к другу слишком близко. Они флиртуют, откровенно флиртуют.

Я осталась стоять снаружи, сказала оттуда:

– Я хочу уйти. Кузен.

Кажется, получилось слишком резко.

Под тёмным взглядом паладина стало ещё паршивее. Мы потеряли время. Рравеш потратил кучу денег и сил, чтобы мстительный метаморф не капризничал... а тот всё равно капризничает.

Не знаю, что Кристиан Рравеш прочёл в моих глазах, но спорить и уговаривать не стал.

– Хорошо, – ровно сказал он. Перевёл взгляд на Веришу.

И тут я, кажется, окончательно свихнулась. Одно дело отказаться от места, другое – начать оберегать совершенно незнакомого тебе человека... но я очень ясно поняла, что Вериша в отличие от меня не остановится. Может, она даже и знает, и поэтому бесится ещё сильнее...

Я шагнула внутрь беседки, оттеснив Рравеша, шагнула вплотную к презрительно сощурившей глаза девице, взяла её за горло, сжимая, прежде чем она успела издать хоть какой-то звук. Наверное, лорд решит, что и к горлу королевы я всё-таки приложила руку, но мне плевать.

– Я хорошо тебя запомнила, – тихо сказала я, выпуская на второй руке длинные когти и демонстрируя их побледневшей жертве, заглядывая ей в глаза вертикальными красными зрачками. Пусть примет меня за демона. – Если с ней что-то случится, я тебя найду. И тебе будет в разы хуже. Веришшша...

Не знаю, действовало бы моё представление или нет, скорее нет, или ненадолго... но произошло что-то ещё. Если бы у меня было достаточно наглости, чтобы это представить и в это поверить, я бы сказала, что сама богиня встала на секунду за моей спиной, положила руку на плечо, придавая моим словам небывало огромный вес.

Вериша, закатив глаза, сползла в обморок. Я перевела взгляд всё ещё нечеловеческих глаз на Рравеша и хрипло повторила:

– Уходим.

– Пожалела! – полуудивлённо-полунасмешливо говорит Рравеш, когда мы чинно и благородно идём к воротам. Возвращаться в дом нет никакого смысла.

– Веришу? – огрызаюсь я. Меня всё раздражает. Отчаянно хочется выплеснуть раздражающий изнутри гнев, так что если паладин продолжит насмехаться, я его поколочу!

– Мария, уже уходите?..

Я оборачиваясь, изрядно потрудившись, чтобы спрятать злую гримасу за вежливой полуулыбкой.

– О, да, нам завтра рано в путь... прошу простить нас с кузеном!

А Райден-то не один. С невестой. Видимо, ничего ей не сказал. Впрочем, я и не сомневалась, что не скажет – вдруг с капризной

представительницей рода Фильеро не выгорит, а тут запасной вариант...

– Оставайтесь ещё на полчаса, попробуйте торт! – тепло улыбается мне беременная невеста моего врага. И также тепло Рравешу. Я диву даюсь, как некоторые люди сохраняются такими невинно-наивными. И завидно мне очень.

Хочется оскалиться, взять Райдена за горло и объяснить, на каком тонком волоске висит его жизнь. Но нельзя, чтобы он понял, кто я.

– Мария... – тем временем немного нерешительно начинает тот, глядя на руку “кузена”, крепко держащую меня за локоть.

– О, – говорю я. – Всё нормально. Мы с кузеном помирились. Я просто приревновала его, вот и наговорила лишнего...

Ничего, – думаю я, заставляя себя в очередной раз разомкнуть губы в улыбке. Ничего. Я знаю, где тебя искать, Ивьер. И я обязательно тебя навещу, когда твоя жена не будет беременна. И сломаю тебе ручку или ножку. А может, заберу в качестве сувенира глазик... без всего этого

тоже можно жить, если приспособиться.

– Пожалела! – снова принимается за своё паладин, как только мы садимся в экипаж. Вообще-то, можно было бы дойти и пешком – через парк, но аристократы пешком в гости не ходят. Моветон-с! Проклятый Рравеш чем-то очень доволен, и это последняя капля.

Пользуясь отсутствием зрителей, чувствительно толкаю его в грудь, оставив даже пару царапин от когтей. Если честно, он ничем это не

заслужил, по крайней мере, вот прямо сейчас, но я просто не могу справиться с рвущейся наружу злостью. Райден разбередил память и душу. И несмотря на то, что паладин уже давно не дёргает за ошейник, я явственно чувствую себя на привязи. И ненавижу всех и каждого, кто держал когда-либо за поводок. И уж тем более – того, кто держит сейчас.

– Забываешься, метаморф! – цедит, сощурившись, паладин. Вот. Что и требовалось доказать – паладин выгуливает и дрессирует своего питомца... А питомец против!

Я снова его бью, вернее, пытаюсь – ногой, в самое уязвимое место, но у Рравеша отменная реакция, а экипаж слишком тесный, и я сама не понимаю, как оказываюсь у него на коленях... И это уже неважно – есть только его жадные губы и требовательные руки, сжимающие мои бёдра под платьем, и я с отчаянием понимаю, что именно этого, кажется, мне не хватало весь вечер, и значит, я пропала – моя несвобода теперь не только в поводке. Паладин не нежен, но мне его нежность и не нужна, зато в нём достаточно страсти, чтобы переплавить мою злость, и мне уже плевать, что мы вот-вот приедем, и, может, возница застанет нас в самый интимный момент, потому что ждать до дома нет никакой возможности...

Неожиданно в экипаже появляется третий. Безусловно, лишний, хотя до самого интимного мы пока не дошли. Но визитёру так просто не объяснишь, что он лишний – низшие демоны человеческий язык понимают крайне плохо. Зато вполне хорошо находят тех, кого им указали, и отлично справляются с разрушениями – крыши у нашего экипажа теперь нет. А демон принохивается и тянется когтистой лапой к Рравешу, который вряд ли сможет что сделать, учитывая, что я всё ещё сижу у него на коленях... Выпустив когти, бью чудовище в нос. Лучше бы в глаза, но у данного демона их просто нет. Пока наш третий лишний, потеряв ориентир и поскользнувшись от боли, мотает головой, я становлюсь огромной птицей и, подхватив когтями паладина, взмываю вверх – спасибо демону за отсутствие крыши. Интересно, что подумает кучер, обнаружив в экипаже лишь разорванное платье... Что меня съел демон?

Меня без одежды, а Рравеша в одежде... Или что мой спутник был настолько страстным?..

Глава 16

Я не собиралась нести паладина сколь-нибудь долго, просто хотела вытащить из тесноты экипажа, чтобы бой случился там, где мы будем в более выгодном положении. У меня не было никаких сомнений, что вдвоём мы с лёгкостью справимся с одним единственным низшим демоном, тем более что у Рравеша наверняка припасены ещё инквизиторские кристаллы...

Но стоило подняться повыше, и я увидела ещё одного демона – на соседней улице. Он застыл, подняв безобразную морду вверх, и явно принохивался. И, судя по тому, что двинулся в нашу сторону, оказался он поблизости не просто так. Куда только смотрит местная инквизиция?.. Впрочем, что это я? Известно куда. В бокалы с вином на празднике у главы города. У меня мелькнула на секунду мысль вернуться туда.

Мелькнула и пропала. Нельзя. Слишком много следов мы оставим... Тогда куда? В Храм человеческого бога – бесполезно. Слишком много этих храмов, и не угадаешь, в каком ещё есть сила, а в каком – нет. Вот в храмах богини сила есть всегда, ибо обычные люди их не строят, а те, кто строят, чувствуют... – Ирби... – сдавленно говорит паладин. Я схватила его, за что пришлось, а пришлось за ноги, так что Рравеш болтается вниз головой... Несмотря на возникшую опасность, моя злость так никуда и не делась. Кажется, её даже наоборот стало больше. Я предвкушаю, что паладин сейчас попросит его отпустить, или нести как-то по-другому... и я с удовольствием отпущу. Потом поймаю. Потом могу снова отпустить. Всё развлечение. А если нести по-другому, так это я тоже могу – за одну ногу. Или за одну руку... За косищу, в конце концов.

– Давай к границе. Сможешь? – вместо этого коротко говорит Рравеш, видимо, тоже оценив ситуацию с демонами – теперь я увидела ещё и третьего. Интересно, сколько их всего?

Предложение паладина не лишено логики – на границе с горами магические заграждения и патрули, чтобы нежить с гор не могла пройти. У подготовленных и вооружённых мужчин есть все шансы справиться с демонами. По крайней мере, я хочу в это верить. Плохо только, что лететь туда довольно далеко, а ещё надо будет как-то объясняться с патрульными, не говоря уже о том, что это в стороне от предполагаемого маршрута, и дополнительно задержит нас на несколько дней. Но лучшего решения у меня нет, так что делаю, как он говорит.

К патрулю мы вышли в весьма живописном виде. Рравеш отдал мне свою рубашку и камзол – рубашку я повязала в качестве юбки, ибо камзол, хоть и был довольно длинным, пуговицы имел ровно до пояса. Я собиралась ещё потребовать у Рравеша сапоги – пусть я и не в истинном облике, и легко могу сделать себе хоть костяные подошвы, но девушка, легко ступающая босыми ногами по лесным иголкам, точно вызовет у патрульных вопросы. Да и вообще, за паладином должок... Но потребовать не успела – паладин просто подхватил меня на руки, и тем самым отвоевал себе право остаться в сапогах.

– Легенда? – устало спрашиваю я.

– Разбойники, – отзывается паладин. В общем-то, ничего оригинального. Но так и лучше. Мне не нравится, что отсутствие одежды придётся объяснять, видимо, тем, что меня обесчестили или как минимум пытались обесчестить, но вряд ли объяснение “разбойники – модницы, польстились на моё красивое платье” будет более убедительным. Так что ничего не поделаешь. С другой стороны, это прекрасный повод показательно чураться мужчин и убедительно дрожать вместо ответов на неудобные вопросы...

– Назовись, – прозвучало через несколько шагов после того, как я заметила часового. В руках у него был арбалет, а глаза самую малость светились – заклинание, чтобы видеть в темноте. Отлично. Ему вскоре пригодится и то, и другое.

– Барон Райден, – не моргнув глазом, врёт паладин. Я умудряюсь не вздрогнуть, но шею Рравеша стискиваю покрепче. В ответ он тоже сильнее прижимает меня к себе и громко – чтобы часовой точно услышал – шепчет: – Мария, мы дошли! Теперь всё будет хорошо, обязательно будет!

– Что вы здесь делаете, барон Райден? Заблудились? – я вижу, как мужчина с арбалетом насмешливо вздёргивает бровь. Впрочем, кажется, он счёл нас неопасными. Добавляет: – Или пришли похвастаться своей девушкой?

Тут я испуганно всхлипываю, и мужчина чуть морщится, досадуя на свою неудачную шутку, чем тут же завоёвывает мою симпатию. Я обожаю людей с совестью и честью. Они легко предсказуемы и управляемы, по

крайней мере, на коротком промежутке времени, а подолгу я ни с кем и не общаюсь.

– Простите, леди! – со вздохом говорит часовой. – И всё-таки, барон... баронесса? Что вы тут забыли?

Пока Рравеш расписывает в красках наши зловключения – мы хотели тайно обвенчаться в небольшой деревеньке, ибо мой опекун был против нашей свадьбы, но кучер, негодяй, оказался в сговоре с разбойниками, я отмечаю, что нас уже окружили. Почти незаметно и вполне профессионально. Не уверена, что я бы заметила обычным человеческим зрением и слухом. Патрульные общаются между собой жестами, и, кажется, мы признаны достаточно безвредными, хоть и слегка подозрительными – нам разрешают пройти к костру.

– Позвольте вашу руку, леди! – делает ко мне шаг высокий светловолосый мужчина, и я испуганно вцепляюсь в Рравеша, который только-только поставил меня на землю. Всем своим видом показываю, что обе мои руки, как и всё остальное, принадлежит тому, с кем я пришла.

– Вы врач? – резко спрашивает лже-Райден и лже-жених. Это будет не очень удачно, если врач, но если магии у него нет, то не так уж и страшно. Хуже если...

– Маг, – спокойно отзывается светловолосый, и теперь я и в самом деле в ужасе. А вдруг он светлый маг? Тогда мне конец. И чего я не обратилась в птичку и не осталась где-то на дереве? Зачем попёрлась вместе с Рравешем? Самоуверенная дура. А ещё паладина дразнила... Хотя шанс обнаружить сильного мага в обычном патруле довольно мал. Но нам, видимо, отчаянно везёт.

– И что вы собираетесь делать с моей невестой? – ещё более враждебно спрашивает паладин, задвигая меня к себе за спину. Я и сама туда стремлюсь.

– Всего лишь поделиться силой. Это поможет ей быстрее... восстановиться, – очень мирно и спокойно отвечает маг. И я почти уверена теперь уже, что он светлый. У чёрных магов с терпением и человеколюбием совсем не так хорошо. Впрочем, возможно, он не столько хочет помочь, сколько побольше разузнать...

– Светлый маг? – сварливо интересуется мой барон. Я задерживаю дыхание. Ни один человек не откажется от помощи светлого мага... ни один метаморф эту помощь не переживёт.

– Чёрный, – отзывается тот. И не успеваю я облегчённо выдохнуть – ну прекрасный же предлог, чтобы не даться в руки, как он добавляет: – Как и вы, барон.

* * *

Кристиан Рравеш, бывший первый паладин Его Величества Киррона. Шанс встретить мага в патруле был невелик. Да что там невелик, крайне мал. Особенно такого, который даже сквозь амулеты видит и ауру, и магический фон. Но что толку об этом думать, когда вероятность, пусть она и была ничтожной, уже реализовалась.

Перед боем и в бою паладин всегда был отстранённо-спокоен. Паника лишь умалит и без того невеликие шансы на победу – против далеко не самого слабого мага у него и есть-то только что пара амулетов, светлых кристаллов и... метаморф. Которую не то что в качестве щита рука не поднимется использовать, наоборот, почему-то хочется закрыть собой, вплоть до того, чтобы разорвать такую ненавистную ей связь... странные, глупые мысли, которые, тем не менее, кажутся вдруг удивительно правильными.

– Я вам не враг, – говорит тем временем светловолосый маг, с любопытством разглядывая прячущуюся за спиной Рравеша девушку. И, кажется, и в самом деле не собираясь нападать.

Ирби... придерживаясь легенды, при заявлении мага “как и вы, барон”, она должна была бы отскочить от него как ужаленная, метаморф же наоборот – крепче вцепилась в его руку. То ли собираясь снова рвануть вверх, утаскивая его в небо – и откуда только силы, то ли играя не такую уж и трусливую барышню... Паладин чуть крепче, но очень бережно сжал её пальцы.

– Вы так говорите, будто знаете, кто я, – сдержанно усмехнулся в ответ. Рравеш уверен, что раньше они никогда не встречались. С другой стороны... если этот маг так хорошо видит ауру и магический фон, видит, сколько у него, Кристиана, было силы и королевский блок на ней... действительно сложно не понять, кто перед тобой, если ты хоть немного в курсе происходящего в соседней стране.

– Я так хорошо догадываюсь, что можно сказать, что и знаю, – подтверждает его размышления маг. – Меня зовут Ирмил. И вам определённо стоит переговорить с моим дядей. С верховным магом Империи.

– И что вы делаете в патруле с такими-то родственниками? – уже довольно мирно спрашивает Кристиан. Нападать маг вроде и в самом деле не собирается, а встреча с верховным – далеко не худшее развитие событий. Не нравилось паладину только одно – с каким любопытством, пусть и доброжелательным, маг смотрит на Ирби. А она отпустила руку Рравеша и смотрит в ответ.

– Повздорил с дядей, – усмехается Ирмил. – Скажите, кого ждать по вашим следам? Инквизицию? Наёмников?

– Демонов, – буднично отзывается Рравеш, не без некоторого злорадства заметив, как изменился взгляд мага.

О том что раньше, до того как Ирби его подставила и лишила всего, он сам справился бы даже с десятком демонов, ещё бы и хозяина их вычислил и на поводок посадил, бывший паладин старался не думать. Иначе накатывали ярость и тоска, хотелось схватить метаморфа за плечи и трясти, словно бы этим из неё можно было вытрясти всё потерянное обратно.

Ирмил в несколько движений делает защитный купол – для обычных людей это выглядит просто как серебристая, полупрозрачная плёнка, и уходит в лес, беспрепятственно пройдя сквозь свой заслон. И бросив напоследок ещё один взгляд на девушку.

Ирби провожает мага взглядом, трогает серебристое марево рукой. Задумчиво смотрит на свои пальцы и снова трогает чужую магию.

– Не трогай, – как неразумному ребёнку говорит паладин. – Ничего у мага не бери, и к себе притрагиваться не давай.

Неужели это надо объяснять? Видимо, надо. И, кажется, получилось куда резче, чем нужно было.

– Или что? – вызывающе спрашивает девушка, оборачиваясь.

Рравеш, прищурившись, молчит, и она продолжает, заглядывая ему в глаза и, кажется, вонзая слова прямо в сердце:

– Ирмил передёрнет поводок на себя? Думаешь, мне есть разница, кто за него дёргает, паладин? А впрочем... есть. Так как моя жизнь привязана к жизни хозяина, разумеется, я предпочту того, кто не лишён силы и может за себя постоять!

С Ирби есть всего два состояния: либо её хочется оберегать, как ещё недавно, когда она трогательно держалась за его руку, либо придушить... вот например сейчас. Или когда она смотрела на Райдена так, словно всю жизнь свою ему вверяла. Очень хотелось прикончить

мерзавку, чтобы не мучила, не тянула нервы...

Тёмные чужие глаза смотрят с вызовом, дразня, провоцируя. Нет у метаморфа ни стыда, ни совести. И нет, он не будет ей напоминать, кто причина его нынешних бед. Но и с поводка никогда не отпустит.

* * *

Я понимаю, что меня несёт, вернее даже заносит, но остановиться не могу. Я не собака, чтобы любить своего хозяина, и чтобы он снисходительно трепал меня по голове под настроение, а в другой момент натягивал поводок, заставляя шипы в ошейнике впиваться в горло... “Тебе нужно больше стараться!” – сказал чёртов паладин, но беда в том, что сам он, похоже, старался достаточно хорошо. Так, что мне в кайф уже просто держать его за руку, что я начинаю забывать, зачем его спасаю, словно бы его жизнь стала не равна моей, а важнее...

За это я ненавижу и его, и себя. Как можно, Ирби? Влюбиться в того, кто держит тебя на поводке! А “Выполняй приказы или умрёшь!” – уже забыла?..

За предупреждением наверняка стоит лишь желание защитить своё имущество. Что же ещё? А тон-то какой! Словно тем самым поводком отхлестал! Я огрызаюсь. Зло. От того, насколько мои слова попали в цель – а я знаю, что попали, хотя лицо паладина не дрогнуло, только в глазах что-то неуловимо изменилось – мне самой больно так, что я еле заставляю себя вдохнуть и выдохнуть...

До купола добирается всего пара демонов. Разных, но одинаково отвратительных с виду. Я смотрю на то, как они наскакивают на серебристую границу, с воем отступают назад и атакуют снова... и мне их неожиданно жалко. Неизвестно, насколько развито мышление у низших демонов, и развито ли оно вообще, и что бы они делали, не подчини их воля какого-нибудь чёрного мага, но сейчас они испытывают боль из-за чужих приказов. Наверное, я чувствую с ними некоторое родство. И как обычно – расплачивается тот, кому приказали, а не тот, кто приказал...

– Айгор, – неожиданно для самой себя говорю я. И сама не знаю – то ли в качестве извинения за то, что наговорила ранее, то ли просто из мстительности. Прощать я не умею и учиться не хочу. – Мой прошлый хозяин, который приказал тебя подставить...

Рравеш переводит на меня чуть насмешливый взгляд:

– Не бойся, Ирби. Ирмил поставил хорошую защиту, и с этими демонами легко справится. Так что исповедоваться ещё рано. Тем более у тебя намечается такой перспективный хозяин...

– Дурак ты, паладин, – еле слышно отзываюсь я. Вот и делай шаги ему навстречу!

– Ага, – соглашается Рравеш. – Не всем, к счастью, дана такая хитрость как метаморфам!

Я закусываю губу, чтобы промолчать. Хитрость, может, и не дана, а вот злопамятностью паладин мне ничуть не уступает. Обиделся, видать. Что ж, значит, я тоже достаточно хорошо старалась, раз паладину обидно. Вернувшийся маг и в самом деле легко уничтожает демонов, за ним возвращаются и остальные патрульные. Я смотрю на паладина и думаю, что он тоже так мог. Ещё недавно. До встречи со мной... Нет, я не хочу чувствовать себя виноватой. Но и правоту ощущать больше не получается.

С нами делятся ужином, и мне неловко под удивлённо-изучающим взглядом Ирмила. Так и хочется поднять на него глаза и огрызнуться – да, я ем. Пью. А ещё сплю и справляю естественные надобности. Но я молчу. Хватит уже, выступила.

Спать укладываюсь в человеческом облике – кажется, маг никому не сказал, что я метаморф, так что для всех остальных патрульных я – знатная девушка. Стоит ли удивляться, что мне отдали почти все плащи, которые были?.. Я взяла только два: один постелить, другим накрыться.

По иронии судьбы один из плащей – Ирмила, он-то зачем отдал?

Я делаю вид, что сплю, а маги, отсеив от остальных, негромко беседуют.

– Как зовут вашего метаморфа? – спрашивает Ирмил. – Это она? Или он?

– Оно, – легко и очень убедительно отзывается Рравеш. Сама ему чуть не поверила. – Вы же знаете, Ирмил, у метаморфов нет пола. Это во многих книгах написано.

– Мой дядя последние несколько лет интересовался метаморфами, – хмыкает маг. – И он утверждает, что пол у них есть. Ему я, как вы понимаете, верю куда больше, чем инквизиторским книгам... По вашему взгляду я бы сказал, что ваш метаморф – она. Как её называть?

– Зачем вам её как-то называть? – после паузы спрашивает Рравеш.

Снова пауза, а затем Ирмил смеётся:

– Я уверен, вы найдёте с моим дядей общий язык. Кажется, вы относитесь к метаморфам ещё трепетнее, чем он!

Хотела я мысленно фыркнуть, но осеклась. Что ни говори, Рравеш и правда обращается со мной куда бережнее и нежнее, чем мои предыдущие хозяева. А моя злость от того, что я испытываю к нему совершенно непозволительные и неуместные чувства, и не вижу подобных чувств в ответ. Хотела поймать его, а попалась сама...

Глава 17

Я не люблю спать в лесу в человеческом обличье и, соответственно, очень редко это делаю – холодно, неудобно, беспокойно. Так что на хороший сон я особо не рассчитывала. Вначале так и было – просыпалась, балансировала на грани дрёмы, не решаясь провалиться в более глубокий сон... потом что-то поменялось, и в полусне я даже толком не поняла что. Но остаток ночи я спала удивительно крепко и спокойно. И не хочу даже самой себе признаваться, почему. Пусть это будет просто совпадение, а?

Рядом, совсем-совсем рядом лежал паладин. И это после того, как я уже немного отползла. Получается, я спала вообще уткнувшись в него носом... Сердце недоумённо замерло, а потом отчего-то зачастило.

Рравеш очень хорош собой, с этим глупо спорить. Но неужели я настолько падка на внешность? Ведь я могу повторить любой облик...

Нет, вряд ли дело только в этом. Но что тогда? Ведь не за то, что он убил тогда некроманта одновременно со мной? И уж точно не за поводок... Оглядываюсь вокруг: еле-еле занимается рассвет, патрульные спят, кроме парочки дозорных... и они так старательно

смотрят мимо меня, что сомневаться не приходится – заметили, что проснулась. Где маг Ирмил, я не поняла, но он либо спит, либо где-то гуляет. Я бы с ним побеседовала. Без Рравеша, один на один. Мне очень интересно, что ещё он знает о метаморфах, и что он вкладывает в “трепетное отношение” к ним со стороны дяди...

Взгляд Рравеша я чувствую всей кожей. И точно – проснулся, смотрит, и в чёрных глазах, несмотря на то, что его лишили силы, всё так же плещется тьма. Интересно, верховный маг сможет снять этот блок?

Может быть, именно за этим стремится паладин в Империю? Но есть ли у него, что предложить магу взамен? Уж не метаморфа ли, раз верховный к ним трепетно относится?.. Последняя мысль горчит так сильно, что желание от неё скорее отмахнуться воистину нестерпимо. Я

не отмахиваюсь, но откладываю. Даже если и так, что я могу сделать?

Прямо сейчас ничего. А дальше посмотрим...

Рравеш смотрит на мои губы, и тёмные глаза становятся ещё темнее, хотя вроде бы давно уже некуда...

– Оно! – насмешливо напоминаю ему еле слышным шёпотом. Впрочем, насмешка даётся с трудом – я же помню, как он целуется. Я же не железная...

– Как мы выяснили на одном постоялом дворе, я – тот ещё извращенец, – улыбается в ответ паладин. Тягуче-страстно и даже немного нежно.

Как жаль, что он так и держит за поводок. Как хорошо, что вокруг так много народа...

После завтрака мне дали одежду и, самое главное, обувь, почти что моего размера – больше всего на пару пальцев, но разве это для метаморфа проблема? Вроде бы это Ирмил смотался ночью на базу и раздобыл для меня вещи.

– Спасибо! – я тепло улыбаюсь магу – это мне несложно. И выразительно поднимаю бровь, так как он смотрит на меня слишком пристально, вероятно, пользуясь тем, что Рравеш обсуждает что-то с командиром патруля.

– Вы – первый метаморф, которого я вижу так близко, – улыбается Ирмил. Растерянные и обезоруживающие улыбки ему удаются отлично, и не скажешь, что чёрный. – Прошу простить моё бестактное любопытство. Остальную нечисть нам показывали во время обучения, а метаморфа нет...

– Не поймали? – спросила я, стараясь не скрипеть зубами. – Или опытов не пережил?

Сколько тебе лет, маг? Выглядишь молодо, а говоришь вообще как мальчишка. Не потому ли тебя дядюшка сослал в патруль – на настоящую нечисть и нежить поглядеть, да с простыми людьми пообщаться?..

Натянув штаны, я вручаю магу плащ, чтобы он держал вокруг меня – мне надо переодеть верх.

Маг розовеет, держит плащ на вытянутых руках и старательно отворачивается.

– Не поймали. В смысле, метаморфов у нас вообще больше не ловят. Верховный маг запретил, хотя согласны, конечно, не все...

– О... – только и могу сказать я. Как-то после такого заявления все вопросы вылетели из головы. Разве что... – А если какой маг поймал и на поводок посадил? И так пришёл в Империю?

Ирмил краснеет так, что у него полыхают уши.

– Я пытался перехватить ваш поводок... но не получилось. Не знаю, почему. Простите...

Подошедший Рравеш молча забирает у мага плащ, и тот поспешно уходит. Паладин провожает его задумчивым взглядом, смотрит на меня насмешливо – ясно, что слышал если не всё, то многое, но молчит. И я точно знаю, что, несмотря на отсутствие силы, бывший паладин куда опаснее молодого, наивного мага.

Закончив переодеваться, выхожу из-под прикрытия плаща. Не удержавшись, спрашиваю, заглядывая в глаза:

– Не боишься Верховного мага, паладин?

Он лишь пожимает плечами.

Мы и в самом деле сделали большой крюк на пути к столице, надо навёрстывать, но я не собираюсь снова тащить паладина на себе – нет ни сил, ни желания, а Рравеш о таком, к счастью, и не заикается. Один из оставшихся у него ещё светлых кристаллов Рравеш выменял у Имрила на приличную сумму, так что в первой же деревне мы купили

лошадей. Впрочем, я ехала верхом редко – большую часть времени парила в воздухе птицей, или же бегала по лесу волком. Паладин никак за поводок не дёргал, и я даже стала задумываться – а если Верховный маг избавит меня от поводка, смогу ли я просто вычеркнуть Кристиана Рравеша из своей жизни и забыть как страшный сон, или всё равно попрусь за ним – искупать свою вину, и просто не в состоянии расстаться?.. Гордость говорила – смогу. Сердце... ныло и сомневалось. – Расскажешь ещё что-то про Айгора? – спросил Рравеш в один из редких привалов, когда я приняла человеческий облик и даже решила ему помочь со сбором хвороста, раз уж охотиться не надо – еда ещё была.

– Он умрёт. Я вырву его сердце и растопчу, – поведала я самое главное, что знала о своём бывшем хозяине. Хотя, конечно, моему спутнику нужно другое.

– Ирби... – недовольно прищурился паладин.

– Что? – скинулась я. Недавний полёт и обманчивое ощущение свободы ещё кружили голову. – Метаморфу нельзя себя защищать? Может, хочешь послушать, что он со мной делал?

Я уверена, что паладин откажется, отмахнётся, но он стискивает зубы и выталкивает короткое, злое:

– Хочу.

У меня нет лишней стыдливости, зато есть желание донести до паладина, что человек – то ещё чудовище, особенно, когда уверено в своей безнаказанности, так что я вываливаю всё, что могу вспомнить. Боль, море боли каждый раз, когда он меня вызывал, просто так, чтобы метаморф не забывался, чтобы потешить самолюбие, поддержать в руках чужую жизнь. А ещё отдельно наказания, наказания и наказания... К счастью, он был достаточно глуп, верил, что мой настоящий облик – мужской. И ещё верил, что метаморфа не надо кормить и поить, а я была слишком горда, чтобы его разубеждать, так что мои самые голодные и сложные недели в жизни связаны именно с Айгором...

Про хворост и, вероятно, давно потухший костёр, забыли мы оба.

Паладин как натянутая струна, и не поймёшь, что он там себе думает.

Речь я заканчиваю вопросом:

– Что бы ты сказал человеку, паладин, случись это с ним? Что бы ты сказал, например, своей невесте? Нельзя? Даже такого убивать нельзя?

– Ирби... – паладин берёт меня за талию, и мне приходится запрокинуть голову, чтобы видеть его глаза. Мне очень нужно видеть его глаза. – Я сказал бы своей невесте, что ей не нужно убивать его самой. Я с удовольствием убью для неё. Ирби. Тебе не нужно убивать самой. Я с удовольствием убью его для тебя.

Мне хочется сказать паладину, что он дурак. И даже почти негодяй.

Зачем он так бессовестно мешает понятия и фразы, сбивая с толку и так порядком запутавшегося метаморфа?

Но я не могу, потому что этот почти негодяй меня целует, нежно, как никогда. И я боюсь шевельнуться и прогнать наваждение – сейчас мне кажется, что он и в самом деле ради меня убьёт, умрёт, и вообще, сделает всё, что угодно...

Нас обволакивает дымом от потухшего, но ещё тлеющего костра, и это возвращает на землю. Освободившись – Рравеш сам отпускать не спешил, но и удерживать не стал, иду за хворостом. И только уже у костра выкладываю паладину то, что ему действительно нужно знать – как Айгор выглядит: серые тусклые глаза, бледная кожа, где был его дом, его пристрастие к выпивке, а также личная ненависть к первому паладину.

Кристиан кивает, и я зачем-то лезу не в своё дело. А Впрочем, учитывая поводок, у паладина нет дел, которые бы меня не касались...

– Демонов натравил кто-то в Империи. Кто-то, кто знал, где ты, – говорю я. – Знал довольно точно.

– Да, – соглашается со мной паладин. – И у него была моя кровь или волос...

– Или что-то ещё, – цинично хмыкаю я. А что? Годится любой биоматериал, не стоит об этом забывать. – Ты это... налево не ходил?

– Нет, дорогая, – усмехается в ответ паладин. – Я хочу только тебя.

Я не знаю, что на это сказать, и надо ли говорить. Вроде и послать паладина не за что, хоть и хочется...

А в глазах Кристиана пляшет огонь, сильнее и горячее, чем в нашем костре, для которого мы насобирали рекордное количество хвороста. Он смотрит так, словно и в самом деле тот ещё извращенец, и нет ему никакой разницы, в каком облики меня целовать... так что спать я ложусь в облике волчицы. Так спокойнее. Правильнее. И тоскливее. Через три дня, делая очередной круг, замечаю, что королева и Лейрон уже совсем недалеко от нас. Я даже испытываю досаду – за Рравешем демоны охотятся, а этим хоть бы что! Хотя, казалось бы, королева должна представлять куда больший интерес, чем опальный паладин, которого убрали ещё до того, как всё началось... Можно было бы повредничать и паладину не сказать. Увести его другой дорогой. Задержать. Да мало ли что можно придумать при желании... Почему-то я иду прямым и честным путём. Говорю, что можем нагнать даже сегодня до вечера, и ещё, что я совершенно не хочу находиться в такой компании, так что я полетаю где-то очень вдалеке, всем спокойнее будет.

– Может, ты превратишься в кого-то неопасного? – спрашивает Рравеш, подавая мне рубашку и даже не думая отворачиваться.

– В зайчика? И лучше бы в мёртвого? – огрызаюсь я, одеваясь. – Нет, тоже не пойдёт! Вдруг она подавится, а я снова буду виновата!

– Ирби... – говорит паладин. Я вскидываю на него колючий взгляд. Будет её защищать? Былая любовь так быстро не проходит? – Как твоё родовое имя? – спрашивает он.

Сначала я хочу сказать, что это не его дело, затем мне приходит в голову идея, которая мимолётно кажется хорошей, а потом сразу очень плохой, но беда в том, что я уже успела выпалить:

– Рравеш – пока я болтаюсь на твоём поводке!

– Хороший выбор, – усмехается паладин. – А полное имя?

Зачем ему? Хочет прикинуть как звучит? Чего ради?

Про себя, тем не менее, не удержавшись, соединяю: Вербера Рравеш.

Вербера эсси Кристиан Рравеш. Ну не дура ли?..

Мы всё же сошлись на том, что к королеве и её верному инквизитору паладин присоединяется один, а я буду следовать на расстоянии и навещать Кристиана, когда его спутники не видят.

Я наблюдала с высоты за их встречей, и мне не нравилось, катастрофически не нравилось и не могло нравиться, как надолго

королева приникла к паладину. И то, как они едут рядом вдвоём, оставив

Лейрона позади или же отправив вперёд. И то, что именно Рравеш помогает ей слезть с лошади и сесть в седло, и хорошо ещё, что стоянок в лесу больше не планируется – не удивлюсь, если бы она его купаться потащила, а королева – это вам не селянка, её русалкой так просто не проймёшь...

От того, что мне было неприятно видеть их вместе, я приглядывала за путешественниками не так часто, как следовало, и чуть не проворонила – в самом прямом смысле этого слова – покушение на паладина, а значит, и свою собственную жизнь.

В городе проходила ярмарка, и, конечно, королева не могла пройти

мимо, хотя тут я, наверное, предвзята – сама бы с удовольствием прошла по торговым рядам, глянула представление, перекусила запечёнными фруктами...

Потолкавшись на площади, мои путешественники двинулись обратно по одной из узких улочек, где на них и напали. То ли Рравеш сам вызвался прикрывать отступление королевы и Лейрона, как самый искусный, но глупый, то ли ему не оставили выбора, так или иначе, когда я оказалась на месте, на паладина наседали трое неплохо сражающихся мужчин, тесня его в угол, а четвёртый... четвёртый спокойно взводил арбалет на крыше соседнего дома. Впрочем, это, кажется, был не четвёртый, а пятый – один неудачливый наёмник валялся без движения на мостовой, но какая разница? Вполне возможно, паладин справился бы сам – он и арбалетчика, оказывается, заметил, а я вначале даже и не поняла, зачем он жмётся к стене, оставаясь под прикрытием крыши и самих нападавших... но я решила не ждать и не рисковать.

Метнулась в облик ворона прямо в лицо мужчине с арбалетом, заставляя отшатнуться, потерять цель... глаз ему удалось сохранить, уклонившись в последний момент, я лишь расцарапала щёку. Наёмник

выругался, направил арбалет на меня. Вернее, попытался, но я была быстрее. Атаковала ещё раз – рука его дёрнулась, посылая стрелу куда-то в небо... А я перекинулась в человека, и с нечеловеческой быстротой и силой сжала чужое горло. Не до смерти, сама не знаю, почему. Это точно не те люди, жизнь которым стоит сохранять. Будем считать, что я просто оставила Рравешу шанс допросить этого наёмника... Не потому ведь я оставила ему жизнь, что паладин запретил убивать?

Подобрав арбалет и вытащив у своей бесчувственной жертвы стрелы, стреляю в ногу одному из нападающих на моего спутника. Их, кстати, теперь всего двое, третий уже сидит в стороне, зажимая рану.

Стреляю я в ногу тому, который дальше сейчас от паладина, ибо с меткостью у меня так себе... И, как и следовало ожидать, стрела воткнулась не совсем туда, куда мне хотелось. Даже не совсем в того. С другой стороны, не в паладина и ладно – всего лишь в руку другому нападавшему.

– Мальчики, – сказала я, и все взоры невольно обратились вверх. – Я очень плохо стреляю. Очень! Хочу попасть в ногу, а получается в сердце или между ног. Бросайте оружие.

Мгновение они молча на меня смотрят, затем переглядываются... и бросаются наутёк. Их не столько напугала моя угроза, сколько стало понятно, что покушение не удалось, так чего ради рисковать и подставляться?

Паладин салютует мне кинжалом и направляется к невезучему, кто не смог достаточно далеко уползти. Раненый воем в ответ на пристрастный вопрос, уверяет, что ничего не знает, и заказ брал Стрелок. Хорошее прозвище, говорящее... нетрудно догадаться, что его обладатель сейчас как раз валяется у моих ног. И хорошо, что он предусмотрительно привязал себя к трубе. А то так и упасть недолго, голову разбить...

Где-то неподалёку слышится истошное “Кристиан... Кристиан! Ну скорее же, скорее!”, шум шагов и голосов – вероятно, стража, выждав положенное время, чтобы всё уж точно закончилось, спешит “на подмогу”... Впрочем, всё произошло довольно быстро, так что, возможно, я снова предвзята... Однако сложно не заметить

удивительное совпадение, которое я видела уже не один раз – стража держится от мест преступления как можно дальше. Возможно, у них просто инстинкт. Нет, можно, конечно, поспорить, что это преступники выбирают нужные места, но обычно они лишь следуют за жертвой, а та уж точно не заинтересована в том, чтобы выбирать безлюдные места и

избегать стражу...

Подняться ко мне наверх и принять участие в допросе стрелка паладин не успевает – на него набрасывается с объятиями королева. А рядом топчется Лейрон, не зная, куда себя деть. Стражники забирают раненого и того, кто без сознания, и без особого энтузиазма призывают Рравеша проследовать за ними, чтобы дать показания. Он идёт, скользнув взглядом по крыше – я предусмотрительно затаилась, а моя жертва пока ещё без сознания, и ни слова не говорит страже о стрелке. То ли тоже не очень верит в бескорыстность и следовательские таланты стражи, то ли, что более вероятно, не хочет афишировать, что был не один.

Когда все ушли, и даже причитания королевы и сдержанные фразы Лейрона затихли вдали, я больно пинаю стрелка в бок. Он открывает глаза. И растягивает губы в идиотской улыбке. Ну конечно. Голая женщина, о чём ещё мечтать?

Беру его за горло, и улыбка тускнеет.

– Кто? – тихо спрашиваю я.

Мужчина предпринимает несколько попыток освободиться, но после того как я вырастила на теле острую чешую, и он изрезал все руки, сдаётся:

– Н-не знаю! Заказ Хромой п-п-передал. Он же и цель показал, там на п-п-площади. Темноволосого с косой – убить, как будто ограбление... хотя что с него кроме н-н-неприятностей взять!

– А что про остальных было велено? – тягуче спрашиваю я. Почему всё-таки покушение снова только на паладина?... Или Стрелок просто так формулирует неудачно?

– Остальных... так, припугнуть, чтобы не мешались. Не трогать.

– Не нужно трогать или нельзя трогать? – уточняю я, но стрелок, кажется, не в состоянии понять разницу. Может быть, посредник окажется полезнее?

Стрелка я снова вырубил и оставила там же на крыше. Пусть ещё немного полежит на солнышке, прогреется. Чтобы сам не верил собственным фантазиям про женщину-ворону в чешуе. Забирать его одежду побрезговала, так что перед тем как отправиться в трактир, где можно встретить посредника, я ещё завернула в лавку с готовой одеждой.

И, вероятно, поэтому меня опередили. В названном трактире за одним столом с предполагаемым посредником сидели мужчина и женщина, в которых, несмотря на надвинутые капюшоны, я без труда признала Лейрона и королеву.

Порадовавшись, что выбрала мужское обличье, которое никто из них не видел ранее, усаживаюсь за столик неподалёку, перестраиваю слух, чтобы лучше слышать. Нет, уши отращивать побольше для этого вовсе не обязательно, даже нежелательно.

– ...обознались вы, господа, – говорит посредник. – Я тут просто приятеля жду...

– Сколько вы хотите? – тихо спрашивает Лейрон, кажется, после того как королева стискивает его руку. Что-то мне кажется, что паладин ему как бельмо на глазу...

Посредник – неопределённого возраста мужчина, уже слегка лысеющий, без пары передних зубов, подаётся вперёд:

– Говорю вам, господа хорошие, обознались вы. Мало ли чего вам люди прохожие набрехали... видят же, что нездешние вы... вот и обманули. И нагло улыбается.

Я знаю, что нужно сделать – приставить под столом нож к чему-нибудь для всякого мужчины дорогому, или же взять наглеца за горло... но Лейрон, и уж тем более королева этого не делают. Что ж, сделаю я, когда они уйдут... Вообще-то, шли бы уже, а? Только время отнимают

своими неумелыми попытками расспросить. Так и хочется подсесть к лорду Лейрону, панибратски ткнуть в плечо и глубокомысленно изречь, что да, мол, инквизитор, это тебе не обездвиженную, закованную в магические наручники нечисть допрашивать... Впрочем, не удивлюсь, если Лейрон сразу начал свою карьеру с высокого чина... вот и не умеет общаться с “низами”.

До моего вмешательства, увы, дело не дошло. Хромой вдруг закашлялся, схватился за горло, весь покраснел... и упал без чувств.

Лейрон, надо признать, сориентировался быстро – схватил королеву за руку и, не обращая внимания на её причитания и растерянные вопросы, потащил прочь. Кажется, даже не заплатив за свою выпивку, к которой они, впрочем, и не притронулись.

Я же наоборот бросилась к посреднику, в надежде, что тот ещё жив...

Может быть, движимый мстью, он скажет что-то нужное? Увы. Мужчина не дышал, и дышать не собирался.

– Мёртв, – уверенным басом сообщила я присутствующим. И свою бороду пригладила. – Вот ведь оказия...

В воздухе витает еле заметный горьковатый запах, который различает разве что нос метаморфа или собаки, но собака вряд ли кому-то объяснит, что это за яд... И метаморф тоже объяснять никому не будет, не до того. Еле заметный след и тот оборвался. Можно, конечно, наведаться на кухню, выяснить, кто наливал вино, но вряд ли это хоть

что-то даст, потому что запах не от вина, запах от самого посредника... отравили его не здесь и не сейчас.

Я была уверена, что Лейрон и королева в спешке покинут город, и не подумав позаботиться о паладине, и спасти его придётся снова мне. Чёрным магам не положен ангел-хранитель, а вот ворона-хранитель вполне сгодится... Но тут меня ждал сюрприз: в тюрьме Рравеша не было, и не было в доме местного мага, так что я уже даже начала волноваться. И лишь перекинувшись снова в птицу и сделав большой круг над городом, увидела троицу путешественников стремительно удаляющуюся по дороге в сторону столицы. Нагнала. Покружилась над ними.

Королева что-то сказала, и Рравеш рассмеялся. Даже Лейрон, отстающий на несколько шагов, и тот, кажется, улыбнулся.

Наверное, я никогда ещё не чувствовала себя настолько лишней и чуждой, а поводок на шее, пусть и неосяцаемый, но, конечно же, незабываемый, не был настолько невыносимым. С предыдущими

хозяевами меня всегда грела ненависть и знание – однажды я увижу их смерть, а теперь, стоит представить мёртвым того, кто держит за поводок, так и самой жить уже не хочется... И уж конечно, мне было плевать, кому там улыбались другие чёрные маги. Этот же...

Смотреть на Рравеша с королевой было неприятно. У меня слишком хорошая память и слишком честный жизненный опыт. Я многое видела, и я знаю, что любая ссора затирается, смывается из памяти. Не рушится любовь из-за одной только ссоры, из-за одной не такой уж большой лжи...

“Люблю с момента первой встречи” – сказал он. Сколько это лет? Явно не один год... Может, бывшему первому паладину где-то даже и польстило, что сама королева готова так отчаянно бороться за него... А даже если и нет, женщины на то и женщины, чтобы влюблённые мужчины прощали им маленькие слабости и экспрессивные поступки. Она красива. Она элегантна, почему-то даже в мужской походной одежде всё равно элегантна. И, вероятно, от неё во многом зависит, будет ли помогать верховный маг Империи. Вернёт ли Рравеш свою силу, положение при дворе... всю свою жизнь. А я... я – просто оружие.

Инструмент, который даже и не принято демонстрировать в приличном обществе, вот и лорд Кристиан Рравеш стыдливо меня прячет... Помни об этом, Ирби. Помнить и не раскатывать губу, не строить иллюзии – всё, что мне осталось. Всё, чем я могу себя защитить. Стоит, наверное, выбить у себя на руке “выполняй приказы или умрёшь”, чтобы уж точно помнить.

На привале стало только хуже.

Я караулила Рравеша, чтобы рассказать ему о разговоре его спутников с предполагаемым посредником, и оживилась было, когда он отправился купаться... Не тут-то было, ибо караулила его не я одна. Вслед за паладином отправилась королева. Она долго нерешительно стояла на берегу, то ли всматриваясь в лунную дорожку на озере, то ли высматривая паладина... а затем... затем начала раздеваться. Я, не веря собственным глазам, не желая им верить, хоть ещё одну пару глаз отращивай, следила, как летит на траву белая рубаха, следом штаны, и даже бельё... и обнажённая королева, чьё белое тело чуть ли не светится в темноте, шагает в воду.

Заходит по грудь и стоит там. И ждёт. И, конечно, дожидается.

– Ваше Величество... – с совершенно непонятной мне интонацией говорит паладин. И, вроде, собирается, потупив взор, пройти мимо, но она не даёт. Делает шаг к нему, кладёт пальцы на его губы, шепчет:

– Иррийна. Кристиан, для вас всегда только Иррийна...

Паладин чуть медлит, затем...

– Иррийна, – мягко говорит он. – Вода прохладная. Вам лучше выйти, пока вы не замёрзли.

И пытается тактично отвернуться. Но королева, кажется, уже всё решила:

– С вами, – говорит она и, обвив его шею руками, целует.

– Ваше Величество... Иррийна, – шепчет паладин, когда она отстраняется. – Это будет ошибкой.

– Ошибкой было то, что я так долго не решалась ответить на ваши чувства, – шепчет коронованная ш-ш-шалава, пристраивая свои загребушие ручки паладину на грудь.

И он... он поддаётся.

Я забыла, как двигаться. Как дышать. Я даже зажмуриться и то не смогла... Мне не верилось, что они и в самом деле продолжат, дойдут до самого настоящего прелюбодеяния, иначе их близость и не назовёшь, ведь королева замужем, а Рравеш присягал её мужу... и мне всё кажется, что он вот-вот должен остановиться, образумиться...

Они не останавливаются.

А я зачем-то всё вглядываюсь в Рравеша, хотя каждое его движение делает мне гораздо больнее, чем мог бы сделать поводок, даже перелетаю ближе, вглядываюсь до рези в глазах, зачем-то силясь рассмотреть магический фон паладина... Как будто это что-то мне даст...

– Дура, – в отчаянии ругаю себя. – Ну какая же дура!.. Повелась как простушка... а ещё метаморф!

Перекидываюсь из вороны в орла и изо всех сил, проклиная сильный, порывистый ветер, мчусь обратно в город, который покинули утром.

Потому что оттуда с королевой и Лейроном ушёл не Рравеш.

Метаморф, принявший его облик.

Глава 18

Кристиан Рравеш. Бывший паладин, бывший лорд, бывший маг...

Поначалу всё шло как обычно в таких случаях – его неохотно и лениво опросили, называться настоящим именем он, разумеется, не стал – ещё

в прошлом городе позаботился о нескольких экземплярах качественных фальшивых документов... И вроде никаких вопросов уже не осталось, Рравеш даже поторговался немного для виду насчёт штрафа, который надлежало уплатить в городскую казну за учинённые беспорядки, затем согласился, и повеселевший стражник уже ушёл подписывать бумаги у старшего...

И вдруг буквально за три минуты всё поменялось. В помещение вошло трое. Опасных, не принадлежащих к страже, и ещё до того как захлопнулась сама собой входная дверь, бывший паладин понял, что живым ему отсюда не выйти. Один из вошедших был чёрным магом, пусть и не очень сильным, но сам-то он беспомощен, словно младенец, в магическом смысле, так что с ним бы справился и ученик первого года... Страха не было. Рравеш уже и не помнит, было ли ему страшно, когда первый раз оказался близко к смерти... Наверное, было. Даже наверняка. Это потом страх ушёл, научился прятаться, чтобы не мешать думать, чтобы использовать каждый шанс выжить. Вот и сейчас – Кристиан Рравеш точно знал, что нужно сделать, чтобы хоть немного увеличить свои шансы остаться в живых – нужно напасть на мага, вывести его из строя, ведь помещение тесное и маленькое, до мага рукой подать.

И всё же он не двинулся с места. И мгновение, пока маг задумчиво изучал его лицо, потратил на другое: сбросить, отвязать поводок. Ирби – та ещё зараза, и руки её в крови, причём далеко не всегда по приказу очередного хозяина, но не тянуть же её за собой.

Девчонка заслуживает того, чтобы жить, пусть ей и не повезло родиться метаморфом. Да даже и плевать ему, заслуживает или нет, она должна жить. Просто должна. И жаль, что он не сделал этого раньше... вероятно, боялся. Что уйдёт. Что всё не так, как кажется, и Ирби, которая мягко улыбается, отвечает на поцелуй и трогательно тянется к нему во сне, в мгновение ока превратится в чудовище, вырывающее его сердце голыми руками, стоит только отпустить...

Поводок слабо дёрнулся... и остался на месте.

И вот тут паладину стало страшно. Да ещё как.

Он нырнул под стол, уклоняясь от то ли парализующего, то ли сразу убивающего заклятия, посланного магом – тратить время на разговоры троица не стала. Рванул поводок ещё раз, выдирая пусть бы и с куском себя – всё равно ему терять уже нечего...

Проклятый поводок и в этот раз остался на месте. То ли королевский блок, запечатавший его силу, привязал несчастного метаморфа так, что и при всём желании не отвяжешь, то ли богиня, чтоб ей молитвы спать не давали, чересчур сильно благословила их не совсем добровольный союз...

Плохо. Очень плохо. Потому что шансов у него нет, и ничего он не может сделать, да он даже не может достойно продать свою жизнь...

Тело действовало само по себе. Вдох. На выдохе откинуть стол – ногами, изо всех сил, с удовлетворением отметить, как испуганно шарахается маг, теряя уже почти было выпущенное заклинание, а второго из троицы и вовсе смело... но вот третий... третий с неестественной быстротой и ловкостью оказался возле Рравеша.

Метаморф?..

Человеку не поспорить в скорости реакций с метаморфом, паладин, конечно, попытался, но бой, как и ожидалось, был проигран, едва только начался. Рравеш получил всю гамму ощущений: и от парализующего заклятия, и от хватки метаморфа на своей шее.

Метаморф хмыкнул и повернулся к магу:

– Я могу снять одежду и с трупа. Давай, кончай его, ты же знаешь, я не

люблю пачкаться.

Если бы Рравеш мог шевелиться, он бы закрыл глаза. Не от страха.

Просто тому, кто ни разу Ей не молился, не так просто быть услышанным...

Богиня... имя твоё свобода, суть – правда и любовь... помоги. Дай Ирби свободу. Не наказывай её за мою самоуверенность. За мою гордыню.

Пусть живёт... Пусть она живёт...

– Не узнаёшь? – насмешливо отзывается маг. – Это же Кристиан

Рравеш, ещё недавно первый паладин, сиятельный лорд и очень

могущественный маг... а ныне – беспомощное ничтожество. Которое, впрочем, можно выгодно продать.

– Чё? – встречает третий. И, видимо, решив внести свою лепту в “охоту”, пусть запоздалую и ненужную лепту, бьёт под дых застывшего паладина.

В парализованном состоянии любой удар куда болезненней, чем обычно, и Рравеш даже рад, что заклятие не даёт ни говорить, ни стонать... –

Нам же уже заплатили за его смерть!

– А теперь заплатят ещё и за живого. И в десять раз больше! – довольно усмехается маг. И Рравеш ещё бы послушал, но третий снова его бьёт, и на этот раз чернота перед глазами не уходит, а наоборот разрастается и поглощает. Увы, но поводок так никуда и не делся...

Ирби, прости...

* * *

Город встретил меня темнотой. Пустыми улицами, приглушённым светом в нескольких припозднившихся окнах, редкими взрывами смеха и брани из трактиров...

Куда идти? Где искать?.. Даже странно, насколько восприятие зависит от обстоятельств – уткнись я в ограничение поводка ещё вчера, костерила бы Рравеша на чём свет стоит, а теперь вот наоборот жалею, что он настолько сильно его отпустил. Иначе я бы поняла раньше. А сейчас только и знаю, что паладин ещё жив, потому что я сама жива, и поводок до сих пор на моей шее.

Первым делом я навестила тюрьму. Никого. Вообще никого. Город то ли идеально законопослушный, то ли наоборот, слишком преступный, но мне ни то, ни другое совершенно никак не помогает.

Пробежалась по улицам, присматриваясь к домам с магическим фоном, даже с самым слабым...

Лезть в каждый дом – совершенно не мой

вариант, нет у меня столько времени, а поверхностный осмотр ничего подозрительного не дал... Через час бесполезных метаний я, наконец, признала – мне нужна помощь. Причём, помощь магическая, значительная и практически бесплатная, потому что заплатить мне

нечем. Я могу быстренько ограбить какой-нибудь сейф, но вряд ли добуду разом ту сумму, которая может заинтересовать хорошего чёрного мага. Это уж не говоря о том, что мне вообще приближаться к тёмным магам нежелательно – заранее никак не угадаешь, рассмотрит он в тебе метаморфа или нет. А то вдруг передёрнет поводок, как Рравеш с Айгора?..

Впрочем, кажется, я знаю, кого искать. Вампиры. Мне есть, что им предложить.

Покрутившись возле постоянного двора, рывкнув на собак так, что те забились по тёмным углам и жалобно скулили, я раздобыла себе одежду. В этот раз мне повезло – одежда была небольшого размера, почти новая и на удивление качественная. А то, что она была немного сыровата – право слово, мелочи. Сапогами я разжилась там же – да здравствует прекрасная привычка некоторых господ выставять сапоги в

коридор, чтобы их начистили!

Для полноты картины и поднятия боевого духа, из кладовки умыкнула ещё прекрасный кусок копчёного мяса. Надеюсь, кухаркам не сильно влетит за недостачу, как и горничным... Я бы оставила денег, если бы они у меня были, но у меня не было ни одной монетки, и некстати проснувшаяся совесть почти мгновенно затихла, стоило напомнить ей, что стоит на кону. Приняв облик милой, но невзрачной девушки, я отправилась на поиски вампиров. Это только кажется, да в страшилках говорится, что стоит девице выйти ночью на улицу в одиночестве, так тут же слетятся вампиры, один другого краше и могущественнее, и будут соблазнять её... а в жизни вампиров придётся ещё поискать. Особенно, когда они нужны.

Однако искать мне пришлось совсем недолго: стоило только услышать музыку – скрипка, и я уже знала, что нашла. Позёры, какие всё-таки позёры.

Толкнув высокую, в полтора человеческих роста дверь, на которой расположилось изображение луны, я беспрепятственно шагнула внутрь. Несмотря на то, что снаружи – ночь, а здесь горели светильники, почему-то показалось, что внутри темнее. На сцене – хрупкая девушка со скрипкой, в вызывающе откровенном платье, с разрезом не то что до бедра, а до талии... но вряд ли кто осмелится сделать ей замечание – у этой девушки ослепительно белые и очень выразительные клыки, а если посмотреть на магический контур, то она одна из самых сильных здесь... так что играй она даже из рук вон плохо, все сидели бы и слушали точно так же. Но она играет божественно. На секунду вампира приоткрыла тёмно-вишнёвые глаза, скользнула по мне равнодушным взглядом и снова закрыла. А я оглядываюсь.

Могло бы показаться, что на меня никто не обратил внимания, но это не так. Попробуй я сейчас выйти, и парочка застывших у дверей вампиров преградит мне путь. Я вижу, как раздуваются ноздри вампиров вокруг, даже тех, кто пришёл с девушками – тут есть и человеческие девушки, и остаётся только надеяться, что они пришли сюда добровольно и осознанно, а не под действием гипноза... А главное, что они смогут отсюда уйти.

Мне было неудобно. Мои шансы один на один с вампиром довольно велики, даже если это старый и сильный вампир, но здесь их очень много, и я чувствую себя... нет, не главным блюдом вечера. Скорее, комплементом от шеф-повара, небольшим сюрпризом... далеко не все вампиры здесь сытые, а даже если и сытые, кто же откажется от того, что само идёт в руки? То, что ко мне ещё никто не подошёл, это всего лишь следствие субординации – пока более сильные вампиры не откажутся, младшие не рискнут лезть...

Подходящий мне вампир сидел у дальней стены в окружении двух девиц: одна человек, другая вампир. Я сама точно не могу сказать, почему выбрала его. На вид он был совсем молодым, да и по силе уступал некоторым в этом помещении... а с другой стороны, его магический фон, если приглядеться, казался смазанным, а уж то, что он сидит с вампиршей... женщин у вампиров крайне мало.

Я беспрепятственно прошла к нему. Остановилась напротив, в шаге от края стола. У него оказались удивительно светлые волосы, а глаза – тёмные, с фиолетовым отливом.

– Есть разговор.

Почему-то мне показалось, что начинать разговор с приветствий – непозволительная роскошь. Пока я здороваюсь, он уже прикажет меня прогнать...

Он удивился. Даже искра заинтересованности скользнула в глазах...

впрочем, тут же угасла – обе его спутницы были невероятно красивы, и вампир выразительно переведя взгляд с одной из них на меня, затем осмотрев другую и снова меня, ответил:

– Прости. Ты не в моём вкусе, девушка.

Я шагнула ближе. Вскинулась вампирша, чуть вскрикнула человеческая девушка, взгляд вампира сделался непроницаемым... Я склонилась к нему, кажется, достаточно близко, чтобы он понял, кто я:

– Жаль.

К выходу я шла максимально быстро, меняя на ходу тело, готовясь пробить себе путь на волю. Плохо, если я ошиблась, и вампир не понял, кто я, или не знает, чем метаморф может пригодиться вампиру... тогда

придётся придумывать что-то другое. Вернуться и переиграть с другим вампиром уже не выйдет. Я не собираюсь становиться жертвой коллективной охоты кровососов... и коллективным донором – тоже.

Удивительно, но задерживать меня не стали – кажется, вампиры у дверей просто не поняли, как себя вести с такой наглой человечкой, а может, вампир дал им знак меня выпустить...

Я быстро шла прочь, и с каждым шагом на сердце становилось всё тяжелее. Даже самый тупоголовый вампир уже должен был додуматься. Неужели я ошиблась, и смазанный фон – не результат маскировки силы, а всего лишь врождённая особенность? Дефект? Побочный эффект дебилизма?... Выворачивая из-за угла на набережную, я уже записала вампира в непроходимые тупицы, как и себя, но себя ещё и в неудачники...

– Ам! – сказал стоящий за углом вампир, выразительно блеснув клыками при свете луны.

С одинаковым трудом удержавшись от вскрика и от превентивного удара в глаза, спешно обрастаю прочной чешуёй. Кажется, я этого гада сильно недооценила, ведь ещё секунду назад была готова поклясться, что за углом никого нет.

Вампир неспешно, даже чуть лениво пробует чешую на прочность на моей руке – ковыряет острым когтём, и затем выдаёт:

– Ладно. Говори.

– Мне нужна помощь, – начинаю я. Он перебивает:

– Я догадался, – ухмылка.

Выразительно поднимаю бровь. Ты дашь мне сказать или будешь выпендриваться, вампир?

Ухмылка чуть тускнеет, затем и вовсе пропадает, а бровь поднимается даже выше моей. Я, наконец, продолжаю, чувствуя себя канатоходцем над рвом с голодными крокодилами... впрочем, нет, вместо крокодилов у меня вампиры:

– Нужно найти одного человека и освободить его.

– Челове-е-ека... – противно тянет вампирюга. То ли намекая, что это слишком приземлённо для его ранга, то ли подчёркивая свои гастрономические пристрастия. Сказал и таращится на меня, словно ждёт, что я буду оправдываться или объяснять. Я не буду. Сначала договор.

– И чем ты собираешься расплачиваться за помощь, метаморф? Собой?

У вампира любая фраза получается на удивление оскорбительной.

Теперь я понимаю, что “ты не в моём вкусе” – это верх вежливости для данного кровососа. Но оценить всё равно не могу.

– Три глотка добровольно отданной крови. Моей, – сухо отзываюсь я, отворачиваясь. Так и хочется отрастить себе на затылке пару глаз. Я, наверное, могла бы... но это значит показать слабость и трусость, и проиграть вампиру в негласном поединке.

– Метаморф... – шепчет туман, кажется, отовсюду. – Что мне три глотка, когда я могу получить всю твою кровь, ничего в ответ не делая?.. Жалкое предложение, метаморф. Жал-ко-е... Время, которое я уже на тебя потратил, стоит куда больше, чем три глотка... Я почти уверена, что вампир блефует, и важна именно добрая воля. Метаморф ведь может стать и ядовитым... Но всё равно мне сильно не по себе. Впрочем, показывать это я не собираюсь.

– Не жадничай, – коротко бросаю, усаживаясь на скамейку на набережной.

– Сто, – совершенно обыденным тоном, словно и не шептал туманом, отзывается кровосос, усаживаясь рядом.

– Два, – говорю я.

– Сто двадцать, – ничуть не уступает вампир. И некоторое время мы сидим молча. Я чувствую, как время утекает, но в торге вообще никогда нельзя спешить, проиграешь слишком многое, а уж в торге с вампиром – тем более.

– Что за человек-то? – наконец, спрашивает он.

– Тот, кто держит меня на поводке, – помедлив, всё же раскрываю карты.

– Ладно... – говорит вампирюга. – Три глотка до, три – после, и три – ещё один раз по моему требованию в любой момент. Лучшего предложения уже не будет, метаморф.

– По рукам, – отзываюсь я, старательно выдержав паузу. – Только пить будешь из кружки!

Вообще, подобная уступка со стороны вампира – всего девять глотков, кажется невероятной, зная бы ещё, в чём подвох... Вот прошлый вампир, который хотел моей крови, требовал в придачу к ней ещё и любовь... а этот что же?.. Хорошо, если просто не рассчитывает на это, а если что-то задумал?.. Что вообще происходит с метаморфом, когда вампир пьёт его кровь?..

Впрочем, отступать уже поздно, да и некуда. Да, я не знаю, что происходит с метаморфом, чью кровь пьёт вампир, но зато я очень хорошо знаю, что происходит, когда чёрный маг, удерживающий метаморфа на поводке смерти, гибнет...

Договор мы скрепили магической клятвой, я чувствовала при этом себя так странно, что не удивилась бы, достань вампир из-за пазухи мерный стаканчик с отметками “один глоток”, “два глотка”... но он просто разбил витрину магазина с фарфоровой, безумно дорогой посудой, и протянул мне белоснежную чашечку с прозрачными стенками...

Я смотрела, как он пьёт – мне казалось, что сама чашка стала красноватой от содержимого, и ждала, что он вот-вот скажет, что не сработало. Что я – неправильный метаморф, или “добровольно” у меня неправильное, или без немедленного акта любви эти три глотка – кажется, я слишком расщедрилась и нацедила почти четыре! – никак не приживутся... Но нет. Вампир блаженно жмурился, а с его магическом фоном происходило нечто невероятное – полыхнул, как костёр, раздутый порывом ветра, да так и остался ярким и огромным.

Я засмотрелась и прозевала момент – кажется, вампира всё же обуяла жажда любви, иначе как объяснить, что он шагнул ко мне, подхватил, прижимая к себе, и впился в губы... Не то поцелуй, не то укус. Первой реакцией было отрастить на губах острые шипы. Потому что кусать – противно, а из железной хватки вампира так просто не вырвешься...

Остановилась в последний момент. Мелькнуло в памяти что-то такое, касательно крови вампиров... Нельзя, мне точно нельзя пить его кровь.

И не этого ли он добивается?..

Так что я ограничилась безотказным ударом ниже пояса. Кровососа, кажется, не проняло, но, по крайней мере, меня он отпустил. И даже

вспомнил о деле:

– Рассказывай, кого ищем. Метаморф...

Наконец-то! Всю правду я, разумеется, вампиру говорить не стала.

Рассказала лишь, что мы пришли вчетвером в город, затем нападение, а затем на месте моего хозяина оказался другой метаморф.

Тут вампир хмыкнул, но комментировать не стал. Вперил в меня

фиолетово-чёрный взгляд, поинтересовался:

– Как тебя зовут, метаморф?

– Фил, – отозвалась я, не теряя надежды закосить под мальчика – пусть теперь локти кусает, что целовал! Впрочем, не думаю, что что-то получится – говорят, по крови вампиры могут узнать о человеке очень многое, и уж пол-то – вообще легко.

– Что ж, Фил. Проверим силу твоей крови, – усмехается вампирюга. – Подожди меня тут.

Зачем-то я спрашиваю:

– А тебя как зовут, вампир?

– Меня?.. Филипп, – обнажает клыки в подобии улыбки и называет – я больше чем уверена – такое же ненастоящее имя, как и у меня. Даже не потрудился придумать что-то другое, а может, специально отзеркалил моё.

Вампир распадается туманом, и я завистливо вздыхаю. Впрочем, у инквизиторов и на случай тумана что-то припасено, наверняка. Но смотрится-то как эффектно! А главное – одежда вампира тоже куда-то делась. Вот и гадай – то ли одежда была иллюзией, то ли она полностью сотворена с помощью магии и завязана на своего хозяина, что позволяет ему путешествовать вместе с ней...

Вампир мне категорически не нравился. Не нравилось, как он смотрел, ещё больше не нравилась самоуверенная усмешка, которая после моей крови стала ещё больше выражена, не нравилось даже само то, что я связалась с кровососом... а уж то, что мне приходится пассивно ждать – и вовсе сводило с ума. Могу ли я верить, что вампир добросовестно выполняет договор? Мало ли, какие есть подводные камни в магическом договоре с вампиром? Вдруг я что-то упустила, и он пошёл развлекаться, решив довольствоваться малым, и не претендуя на оставшиеся шесть глотков?.. А вдруг пока я тут нервно стискиваю руки и наматываю круги по набережной, Правеш умирает?.. И я вместе с ним... Может быть, это мой последний... предпоследний шаг? И его последний вздох...

Вампира не было, если объективно, не так уж и долго, хоть мне и показалось, что прошла почти вечность, ну или, как минимум, полночи. И веяло от него, когда вернулся, кровью. Не моей. Человека. Может, даже нескольких человек. Я поморщилась. Действительно ли для победы – в моём случае выживания – все средства хороши?..

Так называемый Филипп вызывающе вздёрнул бровь, но высказался исключительно по делу:

– Надо лететь. Быстро.

Без единого слова я тут же перекинулась в орла, а сердце, которое и так было уже давно не на месте, кажется, подпрыгнуло куда-то ещё выше, чуть ли не в самое горло.

Вампир оплёлся вокруг туманом, и я даже

толком не успела взмахнуть крыльями – понёс куда-то в сторону тёмных туч, через которые изредка выглядывала луна.

Перед глазами маячил всё тот же туман, инстинкты требовали махать крыльями, но они безнадежно увязли, а в мыслях билось одно, самое сокровенное: “только бы не опоздать!”... Наверное, было бы легче, если бы я сейчас выбивалась из сил, преодолевая ветер, но меня нёс туман, и не было никакого шанса отвлечься от ставшего вдруг совершенно ясным и невыносимым понимания: не успеваем.

Наконец, туман и я вместе с ним резко спикировали вниз, и марево перестало маячить перед глазами. Вот только...

– Опоздали, – сказал вампир, кажется, ещё до того, как вернул себе человекоподобный облик. – Тебе же нужен тот, который на алтаре, да?..

С первого взгляда место, куда он меня принёс, было похоже на заваленную камнями обычную лесную поляну, какой алтарь, о чём он? Просто место в лесу... с бездной вместо земли. Нет, чуть приглядевшись, я поняла, что это не бездна, а чёрные камни, настолько чёрные, что поглощают любой свет... и ровно по центру этой дурацкой поляны лежит Рравеш, а вокруг... о, вокруг ходит Айгор.

Я рванулась вперёд, как была – орлом, затем, когда ничего не получилось – туман сменился на цепкие руки вампира, сжимающие мои крылья ещё крепче – перекинулась в человека, в очень сильного человека, но вырваться всё равно не смогла.

– Ритуал уже начался, – задумчиво и совершенно спокойно пояснил вампир мне на ухо. – Чёрный разбужен. Он сожрёт и тебя, если ты туда войдёшь.

У меня не было ни сил, ни желания объяснять, что мне и так не жить – почему-то это даже казалось неважным, лишь бы добраться до Айгора до того, как он всадит ритуальный клинок паладину в сердце... но вампир продолжил, словно бы я ему возразила:

– Этот бледный заберёт силу у ещё живой жертвы, сначала сила, потом жизнь, так что твой поводок, скорее всего, спадёт сам собой, метаморф Фил. Ты будешь жить, и будешь жить свободной... Разве это плохо?

Слова вампира звучали бессмысленным, раздражающим шумом. Я видела, как камни и в самом деле наполняются ещё большей чернотой, жадной, липкой, противоестественной...

– Отпусти! – взмолилась я, но вампир словно и не услышал.

– Рравеш... – тем временем заговорил Айгор. Если паладин и слышал его, то никак не отреагировал, со стороны казалось, что он без сознания. Но моего бывшего хозяина это ничуть не смущало. – Ты слишком много раз переходил мне дорогу. Из-за тебя меня не приняли в паладины... – Пинок. – Ты сорвал мне выгодную женитьбу! – Ещё пинок. – Да ты даже метаморфа у меня отобрал! Но теперь справедливость восторжествует, Рравеш. Ты за всё мне ответишь! Знаешь, я даже был рад, что ты смог удрать из Инквизиции. Потому что ты должен вернуть мне моё, и ещё ты должен мне компенсацию...

Я меняла облик за обликом, полуосознанно, в попытке найти хоть один, который сможет вырваться из цепких рук вампира. Напрасно...

Усиленный моей же кровью, кровосос был поистине непобедим, не помогали ни смена размера, ни шипы, ни скользкая чешуя...

А ритуал тем временем продолжался и перешёл в активную стадию – выплеснув все свои обиды, Айгор начал нараспев читать какое-то заклинание и чертить ножом руну на груди паладина, прямо через одежду...

Я сделала ещё один отчаянный рывок, но надежды уже не осталось – Айгор, коротко замахнувшись, всадил клинок в грудь паладина.

Время для меня застыло. Я видела, как оживилась чернота, как победно оскалился мой бывший хозяин, видела кровь из раны... И мне было почему-то совершенно всё равно, что будет дальше: я упаду через несколько секунд бездыханной, или же через пару минут меня швырнёт на землю очередной приступ боли, которыми так любил развлекаться Айгор... как бы там ни было, я, кажется, проиграла. Упустила шанс на нормальную жизнь. На дружбу, пусть и немного странную... а может, и на любовь?

И тут всё изменилось.

Рравеш открыл глаза, и, несмотря на яркий свет луны, они показались полностью затянутыми чернотой:

– Ий ро, – выдохнул он.

Ий ро? Я... я принимаю?

Вырваться я забыла. И дышать тоже. А вампир грязно выругался, помянув отчего-то некромантов: по всему телу Рравеша зазмеились чёрные руны, а Айгор, ещё недавно радостно скалившийся, постарался отпустить ритуальный клинок и сделать шаг назад, или хотя бы вытащить оружие из груди паладина – очевидно, что он такой поворот в ритуале не планировал. Но сделать ничего не успел – взметнулось откуда ни возьмись чёрное пламя, и Айгор высохшей куклой упал рядом с Рравешем.

Чернота в камнях довольно облизнулась и отступила – ритуал завершён.

Глава 19

Кристиан Рравеш. Некромант.

Никогда, никогда он не видел себя некромантом. Даже в кошмарах и то – нет. И когда печать Киррона лишила его силы, а Ирби спасла, и неясно было, что делать дальше – тоже нет. Ни-когда.

Он очень хорошо знал, что это такое. Постоянная, выжигающая, изматывающая жажда. Чёрный никогда не бывает сыт, ему всегда мало, ему с каждым разом надо больше, и его постоянный голод ощущает и

некромант. И поддается, трансформируется, сам того не замечая, приносит в жертву не только людей и животных, но и самого себя, всё, что было дорого, всех, кто был дорог... Жалкое, зависимое

существование. Мерзкое.

Рравеш повидал достаточно некромантов. Не такая уж это редкость – любитель дармовой, как кажется поначалу, силы, не отягощённый моральными принципами... Кто-то встаёт на этот путь из любопытства, кто-то из жадности, кто-то от отчаяния... И никто потом не может

соскочить. Видел он и тех, кто растерял всё человеческое, и даже выглядеть стал, несмотря на бьющееся сердце, как умертвие, и тех, кто ещё сопротивлялся, отчаянно цепляясь за остатки бывших чувств и привычек, не понимая, насколько уже далеко от всего человеческого...

Взять хотя бы того некроманта, которого они с Ирби синхронно закололи... Рравеш успел с ним переговорить, если можно так назвать магический допрос, так что прекрасно знал, что у того творилось в голове и на душе, если предположить, что этот жалкий комок из жажды, одиночества, тоски и злобы можно назвать душой... Для себя тот

некромант называл то, что творил с маркизой, дружбой. Почти отношениями. Она ему нравилась, очень нравилась, вот только не умел он уже вызывать никаких других эмоций кроме ужаса, и воспринять никаких других не смог бы...

Каждый раз, сталкиваясь с некромантами, Рравеш испытывал смешанные чувства – пожалуй, ему чуть ли не единственному из инквизиторов и паладинов было жаль. Жаль, что очередной мальчишка загубил свою жизнь, поверив в фальшивые сказки о том, что что-то можно отобрать у других просто так... и ещё начинали ныть невидимые, неактивированные руны, реагируя на близость Чёрного. А ночью после всегда снился тот самый прерванный, незавершённый ритуал.

Рравешу было тринадцать, и сила ещё не проснулась, и никто даже и не знал, что проснётся, а его лучшему другу – Рольду – четырнадцать.

Черeda нелепых случайностей, подслушанный разговор и глупая, самоубийственная идея – внедриться в школу некромантов и заделаться

героями, сдав всех инквизиторам и паладинам с поличным... Рольд

попался на приманку бесплатной силы сразу, кажется, уже на следующий день он и думать забыл, каков был первоначальный план, словно загипнотизировали его. Рравеш про план помнил, вот только он казался теперь совсем плохим. И надо было уходить, а уйти без друга он не мог... Друг уходить предсказуемо не соглашался.

Во снах Рравеш видел всё, как было – магический круг, себя на алтаре и бледного как смерть Рольда, сжимающего холодными пальцами ритуальный кинжал. Рольд не знал, что из них двоих приговорён именно он, а у Рравеша по всему телу невидимые пока руны, заботливо наносимые учителем всю прошлую ночь. Что некромант получает доступ к силе лишь пройдя совсем рядом со смертью, и тот, кто держит в руках клинок – даже не жертва, просто пища, а вовсе не главное действующее лицо ритуала... И тогда в реальности, и всегда в снах Рравеш знал, что ни за что не скажет заветные слова, завершающие ритуал. Ни за что не примет, не откроет себя для этой противной и жадной твари... Умереть – правильнее и честнее. Глядишь, и Рольд останется жив...

Тогда ритуал не сложился – Рольд струсил... отшвырнув клинок, разрыдался как девчонка, а через несколько минут появились уже и

паладины с инквизиторами, и казалось бы всё хорошо... Но чернота где-то за гранью недовольно ворочалась и облизывалась, и ждала.

И – Рравеш сам себе был противен – дождалась.

Он пришёл в себя уже в круге, и, честно говоря, в первый момент даже не понял, что это не очередной привет из прошлого, а самая настоящая реальность. И вместо Рольда – мутный бледный тип, с лихорадочно блестящими глазами, и ему самому давно не тринадцать... и умирать он не имеет права. Айгор – сложно было не узнать его по описанию Ирби, и ещё сложнее, после того, как он предъявил претензию о том, что у него де отобрали метаморфа – он, разумеется, не собирался становиться некромантом. Просто хотел поживиться простаивающей без хозяина силой, вернуть себе метаморфа, а заодно и свести старые счёты, которые обнаружились у него к Рравешу. Поднапрягшись, паладин даже вспомнил его. Беда с этими недоучками – нахватаются разной гадости, не понимая контекста, и ввязываются потом в сомнительные ритуалы...

Рравеш знал, как он обязан поступить. Промолчать. Дать Айгору забрать силу, отчего мага, скорее всего, просто разорвало бы, а самому благородно и достойно сдохнуть... Честь по чести. Вот только жизнь Ирби почему-то стала важнее всего, заслонила всё остальное.

И поэтому, когда клинок глупого и жадного до чужой силы врага коснулся его груди, а чернота оживлённо всколыхнулась, он заставил себя разлепить губы и вытолкнуть ненавистное: “Ий ро!”.

* * *

Вампир снова стал туманом и исчез, оставив в воздухе только короткое “беги, метаморф!”. Я осталась. Какой смысл бежать, если поводок всё так же в руках у Рравеша, кем бы он ни стал...

Сделала осторожный шаг вперёд. Еле удержалась от вскрика – казалось бы мёртвый Айгор зашевелился. Впрочем, нет, он и был мёртвым, но, тем не менее, поднимался. Несмотря на то, что смерть настигла его буквально только что, движения давались ему сложно и получались неуклюжими, да и выглядел он... мягко говоря, неважно выглядел. Мне стало ещё более жутко. Шаг назад не сделала, хоть и хотелось, но тело изменила, чтобы при необходимости запрыгнуть на ближайшее высокое дерево.

Зомби тем временем встал на ноги и сделал шаг ко мне. Медленно.

Пошатываясь. Но сделал. И ещё один. Рравеш отчего-то не шевелился, и сердце снова затопило паникой, в сравнении с которой страх перед зомби казался смешным и ничтожным.

Третий шаг, и Айгор-зомби, ещё более бледный, чем при жизни, с застывшим в одной точке взглядом, опускается на колено. Мне мерещится хруст в его непослушных ногах, но это, оказывается, были ещё мелочи – зомби теперь рвёт свою собственную грудную клетку... и достаёт сердце. Протягивает мне.

– Прости, – говорит Рравеш, и я вскидываю голову. Он криво усмехается: – Не хотел красть твою мечту.

Я вглядываюсь в него. Он стоит в центре круга, с ритуальным ножом в груди и, кажется, не испытывает никаких неудобств. Мне же не по себе от этого зрелища куда больше, чем от зомби с его собственным сердцем в руках. Проследив направление моего взгляда, новоявленный некромант – теперь в этом нет и не может быть никаких сомнений, увы, опускает полностью затянутые черничной тьмой глаза. Извлекает клинок, и тот рассыпается пылью. Руны на теле бывшего паладина вспыхивают чёрным, но я не успеваю ни прочесть, ни даже сосчитать, сколько их – пропадают.

– Берёшь? – спрашивает Кристиан Рравеш, а зомби кладёт сердце к моим ногам.

Я качаю головой. Увы, смерть Айгора не примирила меня с тем злом, что он причинил мне при жизни, но сейчас это всё кажется таким неважным... Я делаю шаг к паладину, ещё один, мимо застывшего зомби, перешагнув через его совершенно уже не нужное мне сердце. На языке крутится “ты как?”, но я почему-то не решаюсь его произнести, наверное, потому что это слишком обыденный вопрос для того, что произошло.

– Не подходи, Ирби, не надо, – говорит Рравеш, но я всё равно иду, не воспринимая его слова всерьёз, потому что глаза его, как мне кажется, да и интонация говорят совсем другое. Я отчаянно хочу прикоснуться, мне это нужно, чтобы убедиться, что он живой, и мне почему-то мерещится, что он хочет этого не меньше...

И вдруг – уже почти забытое, но такое знакомое и ненавидимое – рывок за ошейник. Поводок не подпускает меня к бывшему паладину ближе, чем на пять шагов.

– Держись от меня подальше, – говорит новоявленный некромант. То ли выплёвывает, то ли выдавливает из себя: – Метаморф...

Мне неожиданно не хватает воздуха, но я заставляю себя сделать глубокий вдох, и ответить так, как будто бы мне всё равно:

– Как только снимешь поводок. Паладин.

Рравеш медлит, а затем молча делает какой-то жест в воздухе, и Айгор рассыпается в пыль. Туда ему и дорога. Жаль только, допросить так и не вышло.

– Ты связалась с вампиром, Ирби? Ради... меня?

– Ради себя, – огрызаюсь, и очень хочу перевести тему, потому что хватит с меня этих полутонов и скрытых интонаций, из-за которых мне мерещится чёрт знает что, а потом снова реальность и поводок... Но на что переводить? Объявить Рравешу, что он теперь королевский фаворит, если метаморф в его облике не оплошал?

– Расскажи, – просит паладин. Действительно просит. Но я не хочу с ним говорить, сейчас точно не хочу, так что перекидываюсь в ворону и тут же улетаю, со злым предвкушением ожидая, что паладин вот-вот дёрнет меня обратно. Но он не трогает поводок.

Следующая попытка разговора тоже не очень удалась. Честно признаться, к разговору я была не готова, даже и к вечеру следующего дня, но откладывать дальше было некуда. Помощь моя новоявленному

некроманту была не нужна, кроме силы и жизненной энергии Айгора ему досталась ещё его лошадь с повозкой, возможно, там были деньги, а может, паладин теперь не брезговал кражами, как какой-нибудь метаморф... Так или иначе, когда я спустилась, Рравеш сидел у только что разведённого костра и ел невероятно вкусно пахнущий пирог с мясом.

Я покосилась на заботливо выложенную по другую сторону костра чистую и, кажется, даже новую одежду и кусок пирога. Ждал? Меня? Вроде, больше некого. Но если так... почему за поводок-то не дёрнул? Снова играем в псевдо-уважение и дружбу? Я больше не хочу в такое играть.

– Доброго вечера, Ирби, – как ни в чём не бывало сказал паладин, разглядывая меня непроницаемыми тёмными глазами. Сейчас, когда магия спит, и не скажешь, что что-то в нём поменялось. Но оно поменялось, увы, и безвозвратно. Чего ждать от некроманта? Ничего хорошего точно. Достаточно вспомнить, как быстро ретировался вампир, и его бесполезную рекомендацию бежать...

– Доброго и вам, господин некромант, – благожелательно отозвалась я, облачаясь в одежду... и догадываясь, что такой ответ его ранит, и ещё как. С другой стороны... мне больно, больно из-за него, и я не вижу ни одной причины, чтобы щадить того, кто до сих пор держит меня на поводке. Рравеш, надо отдать ему должное, не вздрогнул, но вот глаза на пару секунд прикрыл.

– Лейрон и Иррийна в порядке? – ровно спросил он.

От того, что он волнуется за неё, я стала почему-то сразу несчастной и от этого ещё более злой. Хотел паладин уколоть меня в ответ или нет, ему это удалось превосходно. У королевы и бывшего инквизитора всё было неплохо, если не считать того, что метаморф в облике Рравеша так и шёл с ними... И да, я и не подумала дать им об этом знать. Вернее, подумала на какую-то секунду, но тут же отмела эту мысль: как знать, не замешан ли кто-то из них? И даже если не замешан, хватит ли им актёрского мастерства и выдержки, чтобы не выдать себя? К тому же, вряд ли им что угрожает – если бы метаморф хотел их убить, они бы и на сто шагов от города не ушли...

– Целы и невредимы, – спокойно подтвердила Рравешу. – Уже через пару дней будут в столице, скорее всего.

– С ними... метаморф в моём облике? – спросил не в меру догадливый паладин, и я чуть не клацнула зубами от разочарования. Такой сюрприз испортил... Впрочем, кое-что у меня ещё осталось:

– Да, – подтвердила я. – И позвольте вас поздравить с официальным статусом фаворита. Или с фактическим?.. В общем, поздравляю!

Паладин скрипнул зубами, но почему-то вместо ожидаемого злорадства, я ощутила лишь очередной укол боли.

– Всё было добровольно, – зачем-то добавила, отводя взгляд. Словно от этого ему станет легче.

– Смотрела? – поднял бровь уже совладавший с эмоциями господин некромант. – Понравилось?

– Не понравилось. Скучное зрелище, – отозвалась я, не сумев убрать из голоса вызов. Не говорить же, что скучным оно стало, когда я поняла, что это не Рравеш, а до этого было ужасным, невыносимым, болезненным... Каким угодно, только не скучным.

Рравеш чуть улыбнулся, но комментировать не стал, молча подбросил дрова в огонь. Я же, решив, что выдержала достаточную паузу, вгрызлась в кусок пирога. Есть хотелось сильно.

– Что ты задолжала вампиру, Ирби?

Я вскинула глаза. Смешной вопрос. Всем известно, что интересуется

вампиров.

– Кровь. – Поймав неодобрение в тёмных глазах, уточнила: – Свою. Неодобрение только увеличилось. Какой-то демон толкал меня в бок и тянул за язык:

– Тебе тоже охота, некромант?

Тёмные глаза паладина стали вдруг темнее, с некромантским черничным оттенком. Всего на секунду, но мне стало страшно. Я очень хорошо представила, как он дёргает за поводок, и я иду к нему, вот прямо через костёр иду, если захочет, и он одним прикосновением забирает мою силу и жизнь... А впрочем, ему же даже прикосновение не нужно – хватит поводка. И тогда всё то, что творил Айгор, покажется мне лёгкой разминкой...

– Тебе это кажется смешным, Ирби? – чуть склоняет набок голову Рравеш.

– Мне кажется, тебе стоит убрать поводок, – я с досадой закусываю губу, осознав, что докатилась до просьбы. И что самое неприятное – до

просьбы, которую он и не подумает выполнить. И точно – Рравеш лишь чуть качает головой и отчего-то на мгновение отводит глаза.

– Что, – говорю я, – будешь держать как паёк на чёрный день? Вот теперь паладин вздрогнул.

– На чёрный? – переспросил он. Поднялся и направился вокруг костра ко мне. – У некроманта все дни чёрные, Ирби. Один чернее другого. Я смотрю на тебя и схожу с ума от желания... вот только сам не знаю, чего мне хочется больше – целовать тебя или пить, взять твоё тело или забрать всю твою жизнь...

– Значит, – я поднимаюсь навстречу застывшему в шаге от меня Рравешу, заглядываю в глаза, – в один из дней ты меня погубишь? Это лишь вопрос времени?

– Не погублю, – говорит паладин немного хрипло, и я почти уверена, что в данный момент целовать меня ему хочется куда больше, чем “пить”. Потому что в глазах его настоящий, живой огонь, а не черничная жадная пустота. Он ничего не делает, и больше ничего не говорит, но под таким взглядом отчего-то и мне начинает очень сильно хотеться, чтобы целовал, и даже дурацкая фраза “взять твоё тело” наполняется красками и предвкушением, а уж непрошенные воспоминания, нахлынувшие внезапной волной...

– Тебе пора, Ирби, – говорит Рравеш, отворачиваясь.

И я... я ухожу. Спорить с некромантом страшно.

– Через три дня, Ирби. Таверна у западных ворот столицы. Раньше не приходи, – несётся мне вслед.

Не очень-то и хотелось, гадкий, гадский, мерзкий некромант!

Пользуясь паузой и, наверное, под впечатлением от того, что всё может закончиться в любой момент, я, набравшись смелости, лечу к родным местам. Мне хочется просто увидеть маму, от одной этой мысли сердце заходится то от восторга, то от страха. Может быть, я лечу зря? Может, её убедили, что метаморф – не дочь, подменыш, укравший душу и воспоминания настоящей Верберы... А если и не убедили, получала ли она от меня весточки? Редкие, осторожные... Поняла ли, что это от меня? Может, она уже смирилась с потерей одной из дочерей, и живёт вполне счастливо, стоит ли беречь?.. Тем более, что теперь моя жизнь висит на волоске ещё больше, чем когда-либо.

Я говорю себе, что только посмотрю. Не будет ведь вреда, если я чёрной кошкой пробежусь по въевшимся в память местам? Казалось, что уже и позабыла, а нет, тело само помнит каждую выбоинку на ступеньках, каждый поворот в коридорах дома... Дом наполнен умиротворением и

ленивой тишиной, и на секунду мне хочется остаться здесь любым способом, пусть бы и просто кошкой, я бы даже мышей ловила, лишь бы иметь возможность положить вечером голову маме на колени хотя бы на несколько минут, слышать голоса сестричек и братьев, не просто знать через десятые руки, что у них всё хорошо, а видеть своими глазами... Ноги сами принесли в комнату, где я раньше жила. Всё осталось, как было. В шкафу – мои платья, теперь уже безнадежно вышедшие из моды, впрочем, возможно, у них ещё есть шанс стать модными лет через пять-семь. На кровати небесно-синее покрывало, точно такое же, как было, вот только я вижу, что более новое. А на подоконнике – свежий букет из полевых цветов. Какой ещё нужен тебе знак, недоверчивый метаморф, что тебя не забыли, не вычеркнули и ждут?

Мне казалось, что кошки не умеют плакать. Мне казалось, что я сама разучилась лет семь назад... Всего лишь казалось.

К счастью, мамы не было дома, как и всех остальных. Иначе, боюсь, я бы не удержалась. А так я походила ещё по всем комнатам, наведальась на конюшню с частично пустующими стойлами, и, подслушав разговоры кухарки и конюха – оба мне незнакомы, поняла, что вернутся хозяева дома не раньше, чем через неделю.

Ушла, еле удержавшись, чтобы не выцарапать своё имя на мраморном столике в маминой комнате. Ни к чему травить ей душу. Смогу освободиться – тогда и навещу.

Оставшиеся два дня я провела в родном городе, весело и беспутно: обыграла начальника стражи в карты подчистую, бесстыдно пользуясь

способностями метаморфа, часть денег даже вернула, поучаствовала в трёх драках и почти соблазнила девицу, с которой мы когда-то враждовали. Почти – потому что не стала доводить до конца. А так я уверена – она бы отдалась, невзирая на наличие мужа.

Вечером третьего дня явилась в названный паладином трактир, прямо в окно его комнаты, улучив момент, когда сам Рравеш отправился вниз.

Взяла с кровати одежду, рассудив, что это приготовлено для меня, как и небольшие ботинки возле входа, и только начала одеваться – успела лишь накинуть рубашку, как услышала приближающиеся шаги, принадлежавшие отнюдь не паладину. Шаги прекратились возле двери.

Я неслышно отступила в угол и там замерла, настороженно прислушиваясь, хотя, судя по шагам, это женщина, и не особо-то она крадётся...

Дверь отворилась, и в комнату и в самом деле вошла девушка. То ли горничная, то ли подавальщица, а может, и то и другое... И ещё третье: пройдя к постели, девушка стала раздеваться. Скинула передник, тунику, стала расстёгивать блузку, взялась за пояс на длинной тяжёлой юбке...

И тут дверь снова отворилась. Застегнув рубашку, я с интересом наблюдала явление второй девицы. Первая была стройная, даже худенькая, вторая – с более пышными формами. Девицы неприязненно уставились друг на друга.

– Ты что тут делаешь? – нарушила затянувшееся молчание первая. – Он меня выбрал!

– Сдурела? Зачем ему твои кости? – отозвалась вторая. – Он точно смотрел на меня!

Я бы лишь посмеялась и забыла, выгнав глупых девиц, но тут дверь отворилась в третий раз... и вошёл молодой парень. И, я готова поклясться, он тоже пришёл с вполне определёнными целями. Скандал между желающими близости с паладином начал набирать обороты, переходя на повышенные тона. Причём, каждый был уверен, что Рравеш позвал именно его. Я доделала и выскользнула в коридор. Чудно это всё. И явно не к добру.

Паладин-некромант нашёлся на улице. Мерил шагами пустующий в такое время задний двор.

– Ждешь, пока ещё кто-нибудь подтянется, и выбор станет ещё больше? – вместо приветствия любопытствовала я.

Рравеш дёрнул уголком рта – то ли скрытая улыбка, то ли подавленное раздражение:

– Чёрному надоело ждать следующую жертву, – слишком ровно и спокойно отозвался паладин. – Теперь он зовёт их сам, таким вот образом...

– И что делать?

В ответ Рравеш достаёт из-за пазухи и протягивает мне... анти-магические браслеты. В панике я делаю шаг назад. Метаморф в таких браслетах обречён, это лишь вопрос времени... За что? Зачем?!

– Это для меня, Ирби. Не для тебя. Надень их на меня, – говорит паладин, не трогаясь с места.

Магу в браслетах, прямо скажем, тоже не очень. Их вон даже в Инквизиции не надевают... впрочем, там их не надевают по причине дороговизны и уверенности в охраняющих и защитных заклинаниях... И вообще, теперь, после побега паладина и некроманта, устроенного мной, может, и надевают... Маг в таких браслетах, конечно, не умрёт сразу, но нарушается энергетический обмен, и это больно. Очень больно. А ещё браслеты – вещь именная, привязанная к тому, кто их надел. Рравеш сошёл с ума и не понимает, какую власть даёт мне в руки? Я, конечно, заинтересована в его долгой и несчастливой, очень несчастливой жизни, но пока он в браслетах, он не сможет дёргать за поводок, а если я погибну, то снять браслеты будет почти нереально...

– Ты хочешь, чтобы их на тебя надела я? – ещё раз на всякий случай уточнила.

– Окажи мне честь, Ирби, – невесело усмехается Рравеш. – И постарайся сделать это, не коснувшись меня.

Бормоча про себя, что ни разу не мечтала примерить роль инквизитора, защёлкиваю на запястьях паладина браслеты. И не то чтобы специально медленно, просто задерживаюсь на мгновение-другое, подняв взгляд и растерявшись от того, сколько всего плещется в тёмных глазах Кристиана. И, кажется, ещё больше спрятано, но и от того, что на виду, мне уже становится жарко...

Рравеш притягивает меня к себе и целует. Слишком страстно и горячо. Слишком нежно и в то же время жадно. Всё слишком, чтобы я могла остаться равнодушной. И я бы, наверное, не устояла, но тут во двор выбегают обожатели некроманта, и, увидев, как этот сердцеед целуется с ещё какой-то, не участвовавшей в разборках девицей, преисполняются праведного гнева.

Мы спасаемся бегством, и я не могу перестать хохотать, что, впрочем, не мешает мне бежать быстрее паладина. Несмотря на черноту каждого дня некроманта, о которой говорил Рравеш, мне как никогда верится, что всё в конечном итоге будет хорошо.

Глава 20

– Ирби...

Я отвела взгляд от звёздного неба – что ещё делать ночью на крыше, как не вглядываться в него? – и посмотрела на паладина. Сердце тут же сделало скачок. И чего я тут лежу? Ещё и в человеческом обличье... Нет ни одной причины для этого, кроме самой глупой и опасной: мне хочется.

– Кристиан? – изогнула бровь. И голос, что приятно, не дрогнул.

– Что ты всё-таки сделала тогда на балу? Какой-то особый приворот?

Привязка? Что?

Я внимательно изучила рубашку паладина, его подбородок, губы... И решила всё-таки ответить, хотя и не очень поняла, к чему это он. Возможно, пытается сам себе доказать, что тяга ко мне – это напускное? А я ведь вижу, что его тянет. Другое дело, что мужчин вообще тянет к женщинам, и не всегда по причине большой и чистой...

– Благословение богини. – Не увидев понимания в его глазах, со вздохом пояснила: – Я думала, ты приклеишься к королеве, и король из-за этого разозлится. Ну, или к рыжей этой, или ещё к кому, чтобы королева заревновала и разозлилась... Совсем не ожидала, что ко мне рванёшь. Рравеш хмыкнул. То ли не веря, то ли просто вспомнив события.

– Почему же меня потянуло к тебе?

– Извращенец? – не удержавшись, предположила я. Вот не убеждать же мне его, что он просто на меня запал больше, чем на свою разлюбезную королеву. – Полное отсутствие вкуса и совести?

– Это... благословение... можно отозвать? – спросил паладин, переводя взгляд в небо.

– Нет, – мстительно ответила я. Но затем всё же добавила: – Оно само проходит через пару часов. Ты разве не почувствовал?

Рравеш неопределённо пожал плечами. Нет, я вовсе не собираюсь это рассматривать, как признание. Это точно не оно. Иначе бы он давно меня отпустил.

Я собираюсь перекинуться в кошку и уйти, но паладин каким-то непостижимым образом успевает попросить:

– Останься.

И я остаюсь. И спрашиваю, как он стал некромантом, и где перешёл дорогу Айгору, и что собирается делать дальше, и верит ли он королеве и Лейрону, и ещё много чего... И мы даже беседуем о детстве, и эта тёплая ночь, наполненная разговорами, кажется удивительно важной и чуточку волшебной.

Утром, едва рассвело, мы отправились на приём к верховному магу. С одной стороны, нам крупно повезло, что верховный маг империи не брезгует общением со страждущими, а с другой... я как-то не ожидала, что страждущих окажется настолько много. Они толпились перед входом, и кого я там только ни углядела. И вампира, закутанного в два плотных плаща, прячущегося в тень от восходящего солнца, и оборотня-полукровку, и – сердце предательски стукнуло – метаморфа. Хотя большую часть составляли всё-таки обычные люди, без магического дара, причём, люди были самого разного возраста и разных сословий. Я приготовилась к длительному ожиданию... однако нас позвали довольно быстро – прямо к нам подошёл молодой парнишка в серых ученических одеждах и пригласил пройти. И вряд ли это было к добру. Но не отказываться же?

Маг сидел за огромным столом, и лицо его закрывала тень. И можно было даже не присматриваться, чтобы понять, что тень магическая – она казалась еле-заметной, но не давала рассмотреть лицо. Впрочем, я почему-то и так чувствовала, что он на меня смотрит. Пристально. На мгновение кольнул страх – сейчас как передёрнет поводок на себя... Рравеш ведь так не хотел меня брать с собой, что я уже почти что подумала, что отпустит, но нет. Увы. Теперь же, под пристальным взглядом верховного мага, я начала думать, что не так уж паладин был неправ. С другой стороны... у начинающего некроманта почти в прямом смысле связаны руки, он беззащитен, и вместе с ним я, так что, как ни парадоксально это звучит, отправившись сюда с ним, я рискую меньше, чем оставив его одного. – Кристиан, – голос верховного мага империи не выражает никаких эмоций. Возможно, на нём тоже какая-нибудь тень? – Я так и знал, что

весть о твоей казни слишком хороша, чтобы быть правдой...

Я покосилась на хозяина кабинета. Беда с этой маскировкой – не разобрать, шутит или как. Лучше бы, конечно, шутил.

– Порадую тебя чуть позже, – огрызнулся паладин. Впрочем, беззлобно. Что для некроманта уже достижение.

– Кто твоя... спутница?

Я рассматриваю инкрустацию на столе и думаю всякие глупости: почему маг замаялся перед тем, как назвать меня спутницей? Заменяю слово “питомец”? “Метаморф”? “Пленница”?

– Мой друг, – коротко отзывается Рравеш. Я вздёргиваю бровь, а верховный маг озвучивает мои мысли:

– С каких пор ты сажаешь друзей на поводок?

– Не думаю, что это тебя касается, Беран, – холодно отзывается мой новообретённый, вернее, свеженаречённый друг. – Мне нужно встретиться с Кирреей.

– С Её Императорским Величеством Кирреей... – задумчиво тянет маг. –

При всём моём прошлом к тебе расположении, Кристиан, я вижу два препятствия. И любого из них достаточно, чтобы ты не вышел отсюда живым, не то что отправился на встречу с Императрицей...

– Что же это, Беран? – спокойно интересуется паладин, выдержав паузу.

Первой причиной маг не удивляет:

– Ты – некромант, – говорит он.

Рравеш молча демонстрирует браслеты. Добавляет:

– Я не сам их надел, сам не сниму. Её Величеству ничего не угрожает.

– Допустим, – кивает маг. Встаёт из-за стола, и подходит к Рравешу.

Правда, смотрит при этом снова на меня. И от этого всё тревожнее и тревожнее.

– Вторая? – спрашивает паладин, чуть сжимая мою руку – я вот совершенно не помню, как она у него оказалась. Маг молчит ещё пару секунд, кажется, разглядывая как раз наши руки, а потом говорит тоном, которым выносят смертный приговор:

– У тебя на поводке моя дочь, Кристиан Рравеш.

Я инстинктивно замотала головой. Нет, ну нет же! Маг что-то напутал, хоть и странно думать такое про верховного мага Империи. Я же

прекрасно знаю своего отца, пусть мы с ним и не особо близки, и я на него не очень-то похожа... но так бывает, часто бывает, а вот с верховным магом я ни разу не встречалась, не видела его даже никогда и...

Маг снял с себя тень, и я застыла, как и мои мысли. Видела. Не то чтобы часто, но раз-другой в год он приезжал. Отец его не любил, и почти всегда уезжал на это время... и я была уверена, что это дальний мамин родственник, кажется, он сам когда-то сказал, что у нас есть какие-то родственные связи... я и подумать не могла...

– Дочь?! – повторила я, и оказалось, что с паладином в унисон.

Не знаю, куда смотрел при этом Рравеш, кажется, на меня, я же тарасилась на светлые, практически белые волосы мага. Точь-в-точь как мои. И я никогда не видела в этом ничего такого, родственники же... демон его раздери!

Если бы я знала, если бы знала... Впрочем... не знаю, что бы я в этом случае делала. Возможно, выболтала бы Ивьеру Ригану и это? И как знать, быть может, он бы меня тогда не тронул? Или... понимаю я, что у меня есть такой влиятельный и могущественный родственник, да ещё и знающий про мой проклятый дар, я бы нашла способ дать ему знать, где я, и этих семи лет неволи и испытаний могло бы и не быть...

– Дочь, – невозмутимо подтвердил маг, и в его кабинете стало очень

много магии. Я оказалась в дальнем углу, спелёная потоками силы, они не делали больно, но и особо пошевелиться не давали, Рравеш же...

Его распяло на стене.

Я тщетно рвалась к нему, еле сдерживая глупый, бессмысленный крик, что это нечестно.

Нечестно! Бывший паладин мало того, что лишён силы из-за навета, так он ещё и по собственной воле нацепил анти-магические браслеты, и понятно, что ему не тягаться с самым сильным и искусным магом Империи, а тот замыслил что-то явно недоброе...

Как знать, может быть, верховный маг Беран отнюдь не принял, не смирился, что его ребёнок – метаморф, и сейчас просто уничтожит и Рравеша, и меня, избавляясь от нежелательных свидетелей и свидетельств?..

– Отпускай поводок! – говорит тем временем верховный маг, но мне что-то от этого ни капельки не легче и не спокойнее – не знаю, что он делает, какие заклинания применяет, но из носа Кристиана начинает течь кровь, и это жутко. – Отпускай! – повторяет маг зло.

– Пошёл ты... – выплёвывает паладин, еле разлепив упрямо стиснутые, окровавленные губы.

– Глупо, – с еле заметным сожалением цедит верховный маг, и я понимаю, что сейчас он меня освободит. Ценой жизни Рравеша. А так – вот она, возжеленная свобода, Ирби. Совсем близко. Совсем рядом. То, к чему шла целых семь лет, сбывается прямо сейчас, и даже сбывается почти как когда-то мечтала – хозяин умирает в муках, пусть и не от моей руки...

Совершенно некстати вспомнилось сердце Айгора-зомби, которое Рравеш мне преподнёс. И как я расчёсывала паладину волосы, и его тёмный взгляд, который будил во мне самое лучшее и самое худшее одновременно, и то, как он умеет улыбаться – дух захватывает... И то, как я сама застегнула на нём анти-магические браслеты... по его просьбе.

– Не надо! Дядя Бер, пожалуйста, не надо! – слова вырвались сами, и, кажется, это были самые правильные, самые искренние слова за всю мою жизнь. – Не так, не такой ценой! Пожалуйста, не так!

– Ирби. – Со мной маг разговаривает мягко, как с ребёнком. И, кажется, даже в его взгляде мелькает что-то если не нежное, то, по крайней мере, человеческое. – Смерть Кристиана – вопрос в лучшем случае нескольких недель. Что бы вас ни связывало, я не хочу, чтобы он забрал тебя с собой.

– Пожалуйста, – повторяю я.

Наверное, надо объяснить магу, что к моему исчезновению семь лет назад Рравеш не имеет никакого отношения, что наша встреча, да и вся наша история – череда каких-то нелепых случайностей, совпадений и чужих интриг... Но я не могу подобрать никаких других слов, кроме очередного:

– Пожалуйста.

Маг сверлит меня задумчивым взглядом, а затем перестаёт удерживать, и я бросаюсь к каким-то чудом ещё держащемуся на ногах паладину, впрочем, не решаясь дотронуться. Рравеш бледен, но стоит прямо – впрочем, может быть, это заслуга стены – и дерзит, глядя прямо в глаза магу:

– Не всё можно получить силой, Беран.

– Что ты хочешь? – неприязненно щурится верховный, и я понимаю, что остановился он вовсе не от того, что я попросила, нет, я для него как была, так и осталась неразумной девчонкой, что, может, и недалеко от истины, но всё же обидно... У верховного мага просто не получилось отнять поводок. Вот это да!

– Встретиться с Кирреей, – отзывается паладин, вытирая кровь с губ. – Я

вроде бы уже сказал.

– Клятву.

– Обойдётся, – огрызается вконец потерявший всякий страх Кристиан.

– Нет клятвы – нет встречи, – кажется, верховный уже не на шутку зол.

Как я вообще посмела назвать его пришедшим из детства “дядя Бер”?

Этот мужчина – Его Могущество, верховный маг Беран, и никак иначе.

– Значит, – Рравеш слизывает остатки крови с верхней губы и протягивает мне руку, – найду другой способ. Неприятно было поговорить, Беран. Пока.

Ладонь я даю паладину беспрекословно, хотя внутри такой уверенности, как демонстрирую, не испытываю даже близко. Теперь я из обычного

туза превратилась в козырного? Я всё ещё просто оружие для тебя, Кристиан Рравеш? Почему не отпускаешь, почему?.. Ведь я бы всё

равно не ушла... если бы только отпустил. Парадокс...

– И всё? – скептически поднимает брови верховный маг. – Не будешь

ей, – кивок на меня, – угрожать?..

– Я её не обижу, – сквозь зубы цедит бывший паладин. И мне мерещится совсем тихое: – Больше нет.

– Занятно, – говорит Беран. – Весьма занятно. Тим отвезёт вас в мой дом. До вечера, Ирби. Кристиан...

Ни я, ни Рравеш отказываться не стали. Впрочем, не уверена, что отказаться получилось бы при всём желании.

Я дала ему почти целый час, а затем заявила в выделенные Кристиану покои. Паладин принимал ванну, но я и так, кажется, слишком долго ждала.

– Когда ты снимешь поводок?

Нет, я не с порога. Почти минуту стояла молча и, чего уж греха таить, рассматривала лежащего с закрытыми глазами мужчину. У Рравеша и в самом деле очень красивое тело, вот только мне, против обыкновения, хочется не скопировать его при случае, а дотронуться, и прямо сейчас.

Если что, скажу, что утопить пыталась...

Услышав вопрос, паладин открыл глаза. Никакого смущения от моего присутствия и собственной наготы он не выказал, хотя что это я, когда Рравеш вообще выказывал хоть что-то похожее на смущение?

– “Когда”? – чуть приподнимая левую бровь переспрашивает он. – Ты уже не сомневаешься, что отпущу, и вопрос только – когда?

– У меня теперь есть весьма весомый аргумент, – я улыбаюсь. Холодно.

Предостерегающе.

– Папочка? – усмехается паладин. – Беран убьёт меня, как только исчезнет поводок, так что это скорее аргумент против, Ирби.

Честно говоря, “папочку” я как аргумент не рассматриваю – не понимаю, чего от него ждать, как и о чём с ним говорить, к тому же я достаточно

общалась с магами, чтобы понимать, что у верховного мага Империи точно есть свои интересы, которыми он и не подумает поступиться ради незаконнорожденной дочери, пусть он её и навещал изредка. А если даже и решит что-то сделать – кто сказал, что его представление о моих интересах совпадёт с моим? Нет уж. Спокойнее было без него.

Новоявленный отец – лишняя переменная, при этом имеющая возможность очень сильно на всё повлиять.

Выдерживаю взгляд паладина с лёгкой полуулыбкой:

– Браслеты. Я сниму их не раньше, чем ты поклянёшься снять поводок.

В глазах Рравеша мелькает что-то, что я не могу идентифицировать.

Разочарование? Упрёк? Вина? Но в тоне ничего этого нет и в помине.

Один сплошной вкрадчивый вызов:

– А если я не собираюсь их снимать?

– Тогда... Тогда Беран был прав: твоя смерть – вопрос нескольких

недель, и тебе тем более стоит меня отпустить.

Быть до конца циничной не получилось – голос дрогнул, да и взгляд я отвела. Может быть, паладин спишет на то, что я за свою жизнь боюсь, а не за него?

– Ирби...

Негласный обмен вызовами закончился. Рравеш умудряется так произнести моё имя, что дыхание перехватывает, а взгляд невольно снова возвращается к нему. Мерещится мне и нежность, и горечь, и ещё столько всего...

– То, что я попал к Айгору – случайность, жадность одного нечистоплотного мага... – говорит паладин. – Меня должны были убить сразу. И... Я пытался убрать поводок, Ирби. Уже много раз пытался. Не выходит.

– Почему не выходит? – тихо спрашиваю я. По спине ползёт неприятный холодок. Где-то в глубине души я никак не могла поверить, что Рравеш потянет меня за собой в могилу, и то, что он не торопится отпускать, казалось свидетельством того, что всё не так уж и плохо, есть надежда...

Теперь же я знаю, что не ошиблась в паладине, вот только всё, оказывается, куда как безнадежней...

– Возможно, королевский блок. Может быть, благословение богини. Не знаю, Ирби. Но я разберусь.

– Если это королевский блок, то Киррея поможет? – мне до безумного хочется и в самом деле притопить паладина. То ли за то, что всё так повернулось, то ли за то, что молчал. Хотя чем бы мне помогла информация, я точно сказать не могу. Впрочем... должна была и сама догадаться. То, что никто из магов так и не смог отнять поводок, говорит само за себя.

– Если будет на то воля Её Величества, – ровно отзывается Рравеш.

Садится в ванной, всколыхнув воду: – Присоединишься или пришла просто посмотреть?

Не нужно особой проницательности, чтобы понять, что паладин меня так выгоняет, ибо тема разговора ему совсем не нравится.

– Посмотреть, – с вызовом отзываюсь я, не двинувшись с места. Чисто из вредности.

В бывшем паладине и новоявленном некроманте вредности ничуть не меньше, а ещё, кажется, есть доля эксгибиционизма – он поднимается во весь рост, и, глядя прямо на меня, начинает неспешно и с удовольствием мыться.

Увы, данный раунд остался за паладином – почти сразу я ушла, буркнув “Передумала. Было бы на что смотреть!”.

Глава 21

– Вербера.

Вздрогнув, я подняла взгляд от книги, отчего-то чувствуя себя застигнутой на месте преступления. Хотя ни верховный маг империи, ни тот, кому он поручил нас сопровождать до своего дома, ничего о запрете посещения библиотеки не говорили. Я вот вообще могла перемещаться по всему дому, в то время как Рравешу не удалось покинуть свои покои. Сама я его попытки не видела, но представляла, как бывший паладин бесится. С одной стороны, Берана можно понять – кому нужен в своём доме беспрепятственно разгуливающий некромант, с другой... С другой стороны, так не обращаются с тем, с кем планируют поладить.

Я же без труда заходила в любые двери, была даже шальная мысль попробовать зайти в покои самого хозяина дома и пошарить в кабинете, но я понимала, что маг об этом узнает, и совершенно не хотела портить

отношения до разговора и давать магу повод меня упрекнуть. Однако и сидеть без дела в своих покоях не смогла... Компромиссным вариантом стала библиотека. Надежды обнаружить что-то интересное про метаморфов или некромантов не оправдались, не держал маг такие книги в открытом доступе, так что я взялась за летописи, выбрав с третьей попытки ту, от стиля изложения в которой меня не сильно воротило.

Маг же пришёл домой куда раньше, чем обещал – обеденное время "вечером" даже с натяжкой не назовёшь.

Как обращаться к нему, я не знала, поэтому просто молча встала, закрывая книгу. Странно, как меняется восприятие человека, в

зависимости от того, что ты о нём знаешь. Или тут дело ещё в том, что я теперь куда больше знаю о себе? А может, верховный маг отличный актёр и умудрялся оставлять вот эту властную осанку и шлейф могущества где-то за рамками посещений нашего дома? Впрочем, вероятно, мне просто никогда не было до него дела. Как и ему до меня...

Ко мне ли он приезжал? Или просто хотел увидеть маму?..

Мы стояли молча, разглядывая друг друга не менее десяти вдохов, а затем маг сказал:

– Я чувствую в тебе свою кровь, как бы ты ни выглядела, Ирби. Но буду очень признателен, если примешь истинный облик.

Я приняла. И мы ещё постояли молча, разглядывая друг друга.

– Поговорим? – предложил маг, словно я и в самом деле могла бы отказаться. – Присаживайся.

Я вернулась в кресло, а Беран занял второе.

– Рравеш назвал тебя своим другом, Ирби. И ты за него отчаянно просила, в то время как на тебе его поводок. Так кто он тебе всё-таки: хозяин или друг? Ты же не собачка, Ирби, чтобы совмещать.

Тон у мага достаточно мягкий, а вот взгляд – острый и холодный. Под этим взглядом у меня даже мелькнула не самая смелая мысль – ответить "не знаю", но я всё-таки сказала правду. То, как чувствовала:

– Друг.

Маг помрачнел.

– Ты считаешь, что друзей держат на поводке, Ирби?

– Он меня отпустит. – Увы, звучит неубедительно даже для меня самой.

Вот и маг в кресле напротив качает головой:

– Тот Рравеш, которого я когда-то знал, может, и отпустил бы. Но тот Рравеш, – Беран мастерски подчёркивает интонацией слово "тот", – скорее бы умер, чем стал некромантом.

– Он не хотел, – говорю я. – Так сложились обстоятельства.

– Какая разница, Ирби? Не хотел, но стал. Скажи ещё, что он хочет тебя отпустить, но не может, – усмехается мне в лицо верховный маг Империи. – Людей судят за дела, а не за намерения.

Я молчу. Жду. И после паузы снова говорит маг:

– У нас с тобой, дочь, – я вздрагиваю от такого обращения, но Беран делает вид, что не заметил, – всего два варианта. Первый – я прямо сейчас забираю Рравеша в подвал, к утру он будет мёртв, а ты свободна. Минус этого варианта – тебе будет очень, очень больно, так же как ему.

– А второй? – увы, с тем, чтобы скрыть страх от первого варианта, я не очень-то справилась. А всё истинный облик – в нём куда сложнее управлять своим телом и лицом.

– Вот, – маг достаёт из кармана небольшой флакон с мутно-серой жидкостью. – Сегодня на ужине он получит пять капель, завтра ты дашь ему шесть, послезавтра семь... и так до двадцати.

– Что это? – я кусаю губы, с подозрением разглядывая жидкость. Какая-то она... мутная. Во всех смыслах.

– Это средство дают оборотням, которые не могут справиться со второй ипостасью, чтобы они... оставались людьми.

Звучит почти безобидно, ведь паладин и так человек, вот только...

– Что оно сделает с Рравешем?

– Разрушит ту часть мозга, которая позволяет обращаться с магией. Так что фактически он даже перестанет быть некромантом, – усмехается Беран, только что-то невесело. – Поводок отпадёт сам собой. И если чёрная сила его ещё не слишком изменила, он даже останется жив. Может быть, даже в своём уме.

Если... может быть... Увы. Даже я понимаю – Кристиан Рравеш был очень, очень сильным магом. Так что повреждения мозга будут слишком велики.

– Третий вариант, пожалуйста, – тихо говорю я, возвращая флакон магу.

– А третьего не будет, Ирби, – жёстко говорит Беран, и, кажется, впервые его тон совпадает со взглядом, вот только от этого ничуть не легче. – Некромант обречён. Ради тебя я готов дать ему лишнюю пару недель и надежду на хоть какую-то жизнь. Это всё.

– Когда надо ответить? – я пытаюсь встать с кресла, и с нарастающим ужасом понимаю, что ничего не выходит. Мягко, но настойчиво на меня давит невидимая сила. Видимо, сила родительской любви, – мрачно и исключительно про себя кривлюсь.

– Сейчас, Ирби. Либо ты клянёшься, что будешь его поить вот этим, и ни словом, ни жестом, ни взглядом, ни действием, ни бездействием не дашь ему об этом знать, либо я сейчас же приступаю к первому варианту. Он своей определённой нравиться мне куда больше.

– Вот она какая, отцовская забота, – всё-таки не удержавшись, язвлю я. Но Берана не прониимает, он абсолютно убеждён в своей правоте.

– Да, Ирби. Действовать в интересах детей – это не значит потакать их слабостям и глупостям.

– Мне не пять лет, и речь не о конфетах, – огрызаюсь я.

– Большие детки – большие бедки, – в тон отзывается маг. – Итак?

Я меняю облик на кошку, потом на птичку, на змею, на самого Берана, – маг грустно усмехается, узрев себя в обрывках женского платья, но всё бесполезно. Я всё так же не могу встать с кресла. Если бы я умела, как вампир Филипп, становиться туманом... но я не умею, да и с верховным магом в его доме мне точно не совладать... И отсроченные неприятности куда лучше немедленной смерти.

– Ладно, обречённо выдыхаю я, не выдержав зрелища идущего к двери мага. – Но ты устроишь ему встречу с Кирреей завтра же.

Спорить и торговаться с верховным магом, который ещё и в разы старше и опытнее, и на чьей стороне огромная магическая сила, и ещё куча других преимуществ – совершенно безнадежное дело. И умом я это понимаю, но... послушно принесённая клятва жжёт хуже калёного железа, мешает спокойно дышать и ощущается чуть ли не металлическим ошейником, теснее, острее, сильнее магического поводка.

Это стыд за своё бессилие, за свою слабость, за подлость, которую я собираюсь совершить. В тёмных глазах мага мерещится сочувствие, но его так мало по сравнению с непреклонностью и уверенностью в своей правоте...

– До сегодняшнего дня у меня был куда лучший отец, – цежу сквозь зубы. Это от слабости, от злобы – гадости, как известно, говорят несчастные люди, счастливым и спокойным это ни к чему.

Если мой выпад и задел мага, он никак этого не показал. И нанёс ответный удар:

– Я собираюсь встретиться с твоей мамой. Взять тебя с собой?

Шах и мат. Разумеется, отказаться я не смогла. Да мне даже такая мысль и в голову не пришла.

Мама... Мы отправились в парк. Я настолько далека стала от прежней жизни, что не сразу сообразила: сейчас – самый разгар сезона балов, а между балами потенциальные парочки гуляют в парках в сопровождении родителей или дуэний. Вероятно, мама в столице как раз потому, что вывела в свет младшую – Аликку. Тут я осознала, что не знаю, что происходило в жизни моей семьи – кто замужем, кто женился, появились ли у меня племянники... Я так боялась навести на них кого-то из своих хозяев, или инквизицию, или паладинов, так боялась привлечь лишнее внимание, выдать, кто я, что не могла ни у кого спросить. И слетать посмотреть, понятно, тоже не могла – все мои хозяева держали меня на коротком поводке. Так, как Рравеш, никто не отпускал...

Побродив минуты три по дорожкам, мы "случайно" наткнулись на маму, Аликку и какого-то молодого человека, который сразу мне не понравился.

У него была слишком холеная внешность, слишком надменный взгляд, и ещё что-то неуловимо-порочное то ли в лице, то ли в движениях. А уж то, как он скользнул по мне взглядом...

Алинка же смотрит на него широко распахнутыми, влюблёнными глазами. Много ли надо провинциальной девчонке, чтобы потерять голову? Я и сама, наверное, так смотрела на Ивьера...

– Лорд Иррье, – дружно приседают в реверансах мама и сестра, кланяется хлыщ, отпустив Аликину руку. Я ищу в маминых глазах какое-то свидетельство того, что у них с Бераном что-то было, мне кажется, женщина смотрит на своего возлюбленного, пусть и бывшего, совсем не так, как на едва знакомого лорда... И не нахожу. Она смотрит холодно и равнодушно.

Беран раскланивается, представляя меня как свою дочь – взгляд хлыща тут же становится слащавым, приторным и жадным, как и улыбка, которая ему самому, вероятно, кажется очаровательной. Как же, дочь верховного мага – куда более заманчивая партия, чем дочь провинциального мелкого дворянина. Стоит ли говорить, что он не понравился мне ещё больше? А вот зачем Беран так подставляется, непонятно. Я, разумеется, не в истинном облике, и появляться рядом с новоявленным отцом не планирую от слова совсем, как будет потом объяснять? С другой стороны – а кто решится потребовать у него ответа?

Впрочем, кажется, маг просто хотел задеть маму – она едва заметно вздрогнула, и в глазах мелькнуло что-то, что я не смогла опознать.

– Алинка, показать вам, откуда лучше всего наблюдать за лебедями? – обращается маг к моей сестре, и та в восторге кивает, а я гадаю – она тоже его дочь? Внешне – нет, но как знать...

Впрочем, у меня сейчас будет шанс спросить. И не только это. Мама провожает взглядом Аликку и хлыща, причём хлыщ, кажется, порывался остаться, но Беран это ловко пресёк, и дарит мне вроде бы радужную, но на самом деле формальную и ничего не значащую улыбку:

– Как вас зовут?

Беран и в самом деле пренебрёг этикетом, и не стал меня представлять по имени. Не рискнул называть настоящее? Или оставил возможность придумать самой? Мгновение я сомневаюсь – может быть, разумнее назваться какой-нибудь Лизой... но не могу. Не могу сейчас ей соврать, не хочу терпеть равнодушный взгляд, не могу даже представить, что уйду, не обняв, ведь, как знать, может быть, больше шанса не будет...

– Вербера, – отвечаю я, на пару мгновений принимая истинный облик. И совсем уже шёпотом: – Мама...

Надеюсь, Беран заведёт Аликку и её ухажёра в дальний конец парка, да

ещё и будет поддерживать там с ними увлекательную беседу, потому что мама рыдает и стискивает меня в объятиях, и я тоже не могу пока ни слова сказать, и это совсем не то, чему нужны зрители. Мы идём по парку под руку, и теперь я безбожно вру. Всё хорошо, мама. Нет, меня не обижали, хорошо кормили и не домогались, всего лишь иногда заставляли что-то украсть. Нет, не опасно, ну прошлась кошкой пару раз по карнизам, вот и всё. Больше ничего. Инквизиция? Паладины? Ну что ты, мам, нормально всё, мы почти отлично ладим. Вот сейчас я на поводке у паладина, но он мой друг, и вообще, скоро меня отпустит. Да, обещал. Конечно, можно верить! Нет-нет, я сама виновата, проболталась Ивьеру. Да, ему. Это он меня продал. Приходил потом ещё почти месяц и горе изображал?.. Вот ведь... Нет-нет, ничего, это я кашлянула... Нет, не простыла. Мама! Метаморфы не болеют! А вот про моего неожиданно обрётённого отца хотелось бы поподробнее... Не знаю, насколько искренней была со мной мама, надеюсь, что куда искреннее, чем я с ней, ведь моя ложь была продиктована исключительно любовью – как болит за детей родительское сердце можно понять, только когда появятся свои дети, но моего теперешнего понимания уже хватает, чтобы не волновать маму лишний раз. Своего мужа, того, кого я столько лет считала отцом, мама не любила, вышла замуж по воле родителей, и честно собиралась быть примерной женой. Родила одного сына, другого, влилась в жизнь поместья, и всё было спокойно и мирно, но вдруг судьба случайно столкнула с Бераном. Кто он, она не знала, и, конечно же, ничего такого не планировала, но потеряла голову совершенно... так и появилась я. Мужу рассказала. Он воспринял болезненно, но простил, и никогда даже речь не заводил о том, что я – не родная. В какой-то момент маг появился вновь, вынырнув, видимо, из пелены государственных дел... но мама ему отказала, ибо уже образумилась, и почти влюбилась в мужа – так красиво он себя повёл. Я – единственная от Берана, и мама не собиралась ему рассказывать. Но оказалось, что маг чувствует свою кровь. Мне рассказывать мама тоже не собиралась, тем более, что до пятнадцати лет у меня не было никакого магического дара, так что и разговаривать было не о чем...

Братья ещё не женились, Шийла уже четыре года как замужем, Мара ерепенится, всем отказывает и утверждает, что замуж вообще не пойдёт, а вот Алинка наоборот изо всех сил туда рвётся...

В дом верховного мага мы вернулись уже поздно вечером, и у меня уже не получалось так безоглядно и чисто его ненавидеть, как утром. Казалось бы, я давно уже поняла, что мир не делится на чёрное и белое, а если и делится, то сама я на чёрной стороне, ибо на моей совести не одна жизнь, но всё равно от того, что маг может быть таким человеческим и бесчеловечным одновременно, меня коробит.

День был длинным и крайне насыщенным, а предыдущая ночь без сна, но я, вместо того чтобы лечь спать, крадусь к покоям Рравеша. Не знаю, зачем. Убедиться, что всё в порядке? Успокоить свою нехоти проснувшуюся и на редкость зубастую совесть? Рассказать про маму? Или просто побыть рядом, потому что это с каких-то пор стало приносить мне немалое удовольствие?

У двери замираю, ибо из комнаты слышатся голоса.

– Так? – мурлыкает женский голос.

– Да, так хорошо, – отзывается Рравеш. Затем тишина. И снова он: – Нет.

– Из-за неё? – снова женский голос. И я даже могу вспомнить, чей именно – горничная с белёсыми кудряшками и слишком наглыми глазами. – Кто она? Неужели невеста?..

– Никто, – после паузы отзывается паладин. – Просто девушка.
– Просто девушка, вокруг которой наш хозяин скачет зайчиком, – хмыкает девица. – Она ушла с ним на весь день и до сих пор не вернулась... А так?
Я иду вниз за плащом Берана, ибо в тонкой белой сорочке и широких мягких штанах образ мага будет не очень-то достоверным, а затем без стука открываю дверь в покои Рравеша. Мне даже не надо стараться, чтобы изобразить недовольство, оно само, из глубины души.
Полуголый паладин – в одних штанах – лежит на животе, а на нём сидит та самая белобрысая горничная... и якобы делает ему массаж. Якобы – потому что я уверена, что она его просто лапает. Почему уверена? А вот взгляд у неё такой – шальной.
– Вон, – коротко говорю я, и девица, взвизгнув и спотыкаясь, покидает покои.
– Ирби, – тягуче улыбается ничуть не смущённый паладин. Я поднимаю бровь – в анти-магических браслетах он не должен меня чувствовать, так откуда он знает, что это не хозяин дома? – Ты босиком, – словно прочитав мои мысли, говорит Рравеш.
Хорошо, что горничная не настолько наблюдательна.
Скинув плащ, я запираю дверь, чужая личина слетает ненужной шелухой вместе с плащом. Поднимаю вторую бровь:
– Я помешала?
– Это был просто массаж, – отзывается Рравеш.
– Масса-а-аж, – тяну я. Подхожу к так и лежащему паладину... и сажусь сверху. Вот только в отличие от горничной не глажу, а довольно сильно нажимаю на мышцы. – Вот это массаж. А не то, что вы тут делали...
– Больше похоже на пытки, чем на массаж. Это ревность? – сдавленно выдыхает паладин. Возможно, я слегка перестаралась... но так ему и надо.
– Ревность? Не лсти себе, ты же просто паладин... Никто. – Должна признаться, я эту белобрысую прекрасно понимаю: трогать Рравеша – такое удовольствие... – И я – никто. Просто девушка. Просто.
Рравеш переворачивается, и теперь нашу позу даже двусмысленной никак не назовёшь, она очень даже однозначная, особенно с учётом того, что я ощущаю желание паладина в полной мере. И от одного этого у меня уже кружится голова. А он ещё и добавляет:
– Просто девушка, которая сводит меня с ума, – выдыхает, а под его взглядом я забываю, как дышать.
– Ей ты не так сказал, – кажется, теперь и я скатилась уже от массажа непонятно к чему – мои руки самостоятельно скользят по груди Рравеша и совершенно бесстыже по животу, к ремню...
– Считаешь, нужно раскрывать душу перед каждым встречным, выдавая все свои слабости?
Горячие ладони паладина скользят наоборот вверх, но тоже к краю штанов. Моих.
– Я – слабость? – переспрашиваю. Хотя слова, кажется, уже не очень-то и нужны. Глаза, руки, всё тело говорят намного больше. Да, я его слабость. И, надеюсь, всё же не его погибель.
– Слабость, – покладисто говорит паладин. И я вздрагиваю, когда его пальцы касаются кожи под рубашкой.
– Влюбился? – насмешливо изгибаю бровь. Не может он согласиться, даже если и в самом деле...
– Влюбился, – вопреки моим прогнозам соглашается Рравеш, ещё более покладисто и серьёзно. – Плохо, что у тебя не хватает ума держаться от некроманта как можно дальше, Ирби.
– Подальше... – повторяю я. – Это на всю длину поводка, который

некромант может в любой момент дёрнуть?

– Хотя бы так.

Я делаю попытку встать, но он удерживает. А потом рывком переворачивается, подминая меня под себя. Кажется, рубашка трещит, и белобрысая горничная скребётся под дверь, но это всё неважно в сравнении с его губами и руками, и этим вот серьёзным и пронзительным "влюбился", от которого моё глупое сердце плачет и поёт.

– Ирби.

Рравеш зовёт меня, когда я уже на грани сна.

– Ммм? – говорить не хочется, да почти и невозможно. Довольное, усталое тело хочет только спать. И спать именно так, уткнувшись в его плечо, а о всех проблемах можно подумать завтра, ведь утро вечера мудренее... как говорят.

– Обещай мне.

– Что? – я всё-таки делаю над собой усилие и произношу внятное слово.

– Не делать глупостей. Если Беран нашёл способ избавить тебя от поводка, ты им воспользуешься. Обещай.

Я хочу притвориться спящей, но Рравеш отчего-то непреклонен, тербит, ждёт ответа.

– Да, – говорю я, чтобы не спорить. Да и что значит простое согласие в сравнении с уже данной магической клятвой...

Глава 22

Утром комнату паладина-некроманта почтил своим визитом настоящий Беран. Да не один!

Я открыла глаза, как только отворилась собственноручно мною запертая вчера изнутри дверь, это я помнила даже во сне, и настороженно замерла. Вслед за хозяином дома, отчётливо скривившимся при виде меня в одной постели с некромантом, вошла высокая, стройная женщина. Я зацепилась взглядом сначала за иссиня-чёрные, вьющиеся волосы, а затем за очень светлые, практически бесцветные глаза. Её Императорское Величество Киррея. Возможно, надо было как-то поприветствовать венценосную особу, но я растерялась – высказывать голышом из-под одеяла как-то неловко, а лёжа реверанс не изобразишь...

– Рравеш, – мелодично тем временем то ли позвала, то ли просто констатировала факт гостя. Усмехнулась: – Кажется, я пропустила какой-то модный тренд – теперь у каждой девушки должен быть свой Рравеш?

Каюсь, сначала я подумала, что императрица того. Спятила. А может, всегда была такой, недаром шептались люди про её потусторонний

взгляд... потом неожиданно поняла – она уже встречалась с королевой Иррийной и её “Рравешем”. Интересно, что они ей рассказали?

– Ваше Величество, – настоящий – мой? – Рравеш сел в постели, и умудрился-таки изобразить поклон сидя.

Киррея молча отвернулась, Беран, помедлив, последовал её примеру, и мы с паладином спешно оделись. И хотя я ни капельки не жалела, что пришла к Кристиану, и готова была, если надо, на главной площади об этом кричать, всё равно чувствовала неловкость. В истинном облике тело слушалось куда хуже, и щёки, несмотря на весь мой внутренний протест, пылали очень сильно. А сменить облик я не решилась, вдруг это оскорбление императорской особы?

Паладин справился с одеждой быстрее, и даже успел помочь мне застегнуть пару пуговиц на рубашке, и нежно провести рукой по щеке, ещё больше смущая.

– Смею надеяться, что это не тренд, а досадное недоразумение, которое скоро разрешится, – сказал он, когда, наконец, с одеванием было

покончено, и вот никаких сомнений не могло возникнуть – разрешится недоразумение смертью того метаморфа.

Императрица повернулась, скользнула внимательным взглядом по паладину – мне померещилось, что глаза её стали серебряными с синими и золотистыми искрами, и выдала:

– Тот был тухлый и тёмный. А ты горишь, Кристиан. Очень красиво горишь. И очень страшно. И ты, – внимательный взгляд на меня, и теперь я уже точно вижу, что глаза стали серебристо-синими, с золотыми искрами внутри, – ты тоже горишь. Но он сильнее.

Она замолкает, пытливо меня разглядывая, я почти физически чувствую взгляд – кажется “видеть насквозь” в случае с императрицей отнюдь не метафора.

– Это Вербера, моя дочь, – сухо поясняет Беран. Я недовольно хмурюсь, ибо не хочу быть кому-либо представлена как его дочь, уж в истинном облике так и подавно, но уже, кажется, ничего не исправишь. – Она – метаморф, – зачем-то добавляет маг. Впрочем, вряд ли ему позволено утаивать хоть что-то от императора и императрицы, да и мне, если уж на то пошло, тоже.

– Некромант и метаморф, – чуть улыбается Киррея, а глаза её снова становятся бесцветными. – Опасное сочетание, как показала история... Ты хотел встретиться со мной, Кристиан Рравеш. Я рада, что ты жив, и я тебя слушаю.

Быстрый взгляд императрицы на Берана, и тот протягивает мне руку:

– Ирби, идём.

Похоже, Киррея и Рравеш собираются секретничать, и мне должно быть всё равно, но неожиданно очень обидно. И до последнего – до самой двери – я жду, что паладин что-нибудь скажет, из серии “Ирби может остаться”, но нет. Тишина. Разве что ощущается недовольство мага, руку которого я проигнорировала.

И ему, оказывается, было что сказать:

– Он позвал тебя поводком? – спросил Беран, как только закрыл дверь, и, кажется, скрипнул зубами.

Правда была настолько далека от этого предположения, что я даже не сразу поняла, на что намекает и к чему клонит мой, как оказалось, отец.

Ответила с вызовом:

– Нет. Я сама пришла к нему. Я хотела быть с ним.

– Зачем, Ирби? – тихо спрашивает маг.

Хочется съязвить, спросить, а зачем он двадцать четыре года назад с моей матерью грешил, но... мысленно набравшись у Рравеша смелости, повторяю ночной ответ паладина:

– Влюбилась.

Определённо, у верховного мага что-то скрипит. То ли блестящие кожаные сапоги, то ли зубы. Может, конечно, широкие деревянные перила отполированы горничными не только до блеска, но и до скрипа...

– Некромант – это совсем не тот человек, что был до обряда, – снова принимается за своё маг. Странное у него понятие об отцовских обязанностях. Тот, кого я много лет считала отцом, читал мне куда меньше нотаций на единицу времени. Впрочем, возможно, ему было просто всё равно, что со мной произойдёт? – Можно сказать, что некромант уже и не человек вовсе. Нечисть!

Какой смешной аргумент, право слово.

– Некромант – нечисть, метаморф – нечисть... Что не так? – легкомысленно отзывается я.

Вот интересно, как маг семь лет назад воспринял новость, что дочь его – метаморф? Поверил? Или только вчера утром, почувствовав во мне

свою кровь, признал нечисть своей дочерью? Впрочем, если вспомнить, что говорил Ирмил о трепетном отношении верховного мага к метаморфам, получается, что верховный маг принял мысль о подобном родстве довольно давно. А Ирмил-то, оказывается, мой двоюродный брат...

– Тебе будет больно, Ирби, – Беран останавливается у двери в столовую, пропуская меня вперёд. Там уже стоит служанка с обувью – я как пришла к Рравешу босиком, так и ушла от него, а также накрыт стол. Я молча забираю обувь – мягкие домашние туфли, надеваю, и прежде чем отправиться умываться и мыть руки, не удерживаюсь:

– Мне уже больно, господин маг. Я даже не уверена, что может быть больнее!

В умывальне я взглянула в зеркало и только тогда поняла, что как была в истинном облике, так и спустилась с Бераном вниз, а он почему-то ничего и не сказал. Интересно, как будет объяснять прислуге большое количество разных девиц, шастающих по его дому? "Это ещё одна моя дочь"? Или "Это всё одна моя дочь, она иногда примеряет других людей"?

У двери топталась служанка с полотенцем в руках, ей казалось, наверное, что я не замечаю жадные, любопытные взгляды. Особенно её интересовали мои волосы. Ну конечно... достаточно редкий цвет и один в один с Бераном. Пожалуй, и говорить нет нужды...

Кажется, в детстве мне говорили, что подслушивать нехорошо, но жизненный опыт показал – очень даже хорошо, а иногда и жизненно важно. Главное – делать это с умом и просто не попадаться. Так что я нарочито неловко плеснула на себя водой, окатывая не столько лицо, сколько рубашку, и даже на штаны попало.

– Ой, – расстроено сказала я. И доверительно сообщила служанке: – Сбегаю наверх переодеться. Я быстро!

Взлетев по лестнице – ни одна ступенька не скрипнула, я воровато оглянулась и застыла у двери. Ну?..

– ...не справится, – сказал Рравеш.

– Отчего же? Она выглядит умной, – отзывается Киррея.

– Впечатление обманчиво, – говорит паладин. – С метаморфами нельзя верить своим глазам, Ваше Величество.

Я отлепляю мокрую рубашку от тела, пытаюсь закатать, чтобы не холодила, сделать это и остаться в рамках хоть каких-то приличий не получается. Но уйти, когда они говорят обо мне? Немыслимо.

– Значит, глупая? – задумчиво тянет императрица.

– Увы.

Какая умеренная скорбь и благородная печаль в его голосе... знать бы ещё, в честь чего такие рекомендации.

– Ну, зато смелая и честная, – предполагает Её Величество. Если и есть где-то в её тоне насмешка, она очень хорошо спрятана.

– Ирби?.. – с непередаваемой интонацией переспрашивает некромант. – Ну... как вам сказать, Ваше Величество... Взбалмошная, капризная... нервная. Поверьте, это худшая кандидатура для любого более или менее ответственного задания. Я знаю другого метаморфа, который справится куда лучше.

– Кристиан... – чарующе говорит Киррея, и я представляю, как её глаза снова наливаются синим серебром и вспыхивают искрами. – Ты хорошо лжёшь. Почти идеально. Но я видела её душу, и вижу твою.

– Я найду другого метаморфа, – с нажимом предлагает паладин.

– Неужели ты хочешь оставить девочку здесь?

О, я уверена, что о чём бы ни шла речь, Киррея Рравеша уговорит, и довольно быстро – той, что видит душу, легко подбирать слова, чтобы в

эту самую душу залезть. Странно ещё, что она уговаривает – я ведь жительница империи, и должна выполнять приказы императрицы... – Беран заботится о ней, – отзывается паладин. И добавляет с убийственным спокойствием: – И сможет заботиться куда дольше и лучше, чем я.

О, знал бы Рравеш, как именно Беран обо мне заботится, и что прочит самому начинающему некроманту... Впрочем, может, и знает?

– Насчёт этого можешь не переживать, Кристиан. Девочку будут охранять как императрицу. Разве что самого Берана не будет рядом. Так... А вот это уже интересно. Не знаю, что хочет Её Величество Киррея от глупого, взбалмошного и капризного метаморфа, но “Берана не будет рядом” – сильный довод в пользу моего согласия. Не то чтобы я его ненавидела, но что-то около того. Клятва жгла, и я начинала ненавидеть и саму себя за то, что не могу ничего придумать. Впрочем, одна идея у меня появилась, но пока я рядом с верховным магом, её точно никак не осуществить.

– Я не буду её заставлять. И просить тоже не буду, – мрачно говорит Рравеш, и у меня в груди щемит от какой-то горькой, потаённой нежности. С одной стороны, мне отчаянно жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах, с другой... не будь подобных обстоятельств, мы бы не встретились вовсе.

– Я сама с ней договорюсь, – вот теперь в интонациях императрицы отчётливо сквозит довольная улыбка.

Не дожидаясь, пока меня обнаружат, я бегу в свою комнату, там уже неспешно переодеваюсь, сменив заодно домашние туфли на уличные, и спускаюсь вниз, где ужелюдно.

– Как вы знаете, я только-только обрёл дочь, и не хотел бы снова её потерять, – говорит верховный маг, и тон его до крайности похож на прямой отказ императрице, если не на угрозу. Кажется, вторым человеком в империи Беран считает вовсе не Её Величество, а самого себя, и я не берусь утверждать, что это безосновательно...

– Вы считаете, что моё общество представляет угрозу для вашей дочери, верховный маг? – ледяным тоном спрашивает Киррея. – Или как понимать ваш намёк?

– Намёк? Я прямо говорю, что даже в моём доме она под угрозой, потому что на поводке у некроманта! И вы можете его забрать, Ваше Величество, разумеется, можете, но только после того, как он снимет с неё поводок.

Пока верховный маг и императрица меряются взглядами и выясняют, кто же главнее, я смотрю на паладина, а он на меня. Просто смотрит, но как же от этого ноет сердце...

– Вы же сняли блок, Ваше Величество, – говорит Беран. – Вижу, что сняли. Так что теперь он может её отпустить.

Я неожиданно начинаю надеяться – сейчас Рравеш меня отпустит, и мне не нужно будет его травить, ведь цель клятвы – остаться без поводка, Беран же не настолько мелочен, чтобы настаивать на смерти паладина просто так, даже и с учётом того, что тот – некромант...

Под пристальными взглядами я иду к вытянувшему руки Кристиану и дотрагиваюсь до анти-магических браслетов, разрешая им упасть. Мне чудится, что и сам паладин, и верховный маг волнуется не меньше меня... Неужели всё? Ещё несколько мгновений, и я буду свободна...

Рравеш протягивает мне руку теперь уже ладонью вверх, и я вкладываю свою, зачарованно наблюдая, как взгляд паладина-некроманта наполняется силой.

А потом он вдруг резко дёргает меня на себя, а сзади раздаётся странный звук – то ли почти задушенный в самом начале крик, то ли

резкий выдох – как будто весь воздух выбили из лёгких...

Я оборачиваюсь – Беран распят на стене собственного дома потоками силы, и, кажется, эта же сила не даёт ему ничего сказать.

– С ним всё нормально, Ирби. – Оказывается, я до крови вцепилась в ладонь вероломного паладина. Когда я успела начать переживать за верховного мага? – Он не дал бы нам уйти.

– Поводок?.. – тихо спрашиваю я, и так зная неприятный, нежеланный ответ.

– Увы, – тихо отзывается паладин.

Чувствуя себя двойной предательницей и совершенно падшим метаморфом, я послушно иду с Рравешем за руку к выходу. Кажется, застыл весь дом – по крайней мере, по пути попалась служанка, а в холле дворецких – совершенно неподвижные, но – я точно откуда-то знала – живые и невредимые...

Мне совершенно точно не по рангу и не по статусу задавать вопросы, вообще нужно помалкивать в присутствии Её Величества, а уж обращаться к кому-то, как будто императрицы здесь нет... Тем не менее, как только мы садимся в экипаж, я спрашиваю, и спрашиваю у Рравеша:

– Что происходит?

Я вижу, что в его глазах теперь пляшет сила, та самая тьма, которая жила там при нашей первой встрече, вот только теперь вплетается ещё черничный оттенок – Чёрный своё не отпустит так просто, увы... Как паладин будет управляться с некромантской жаждой при таких огромных возможностях, я не знаю, но уже жалею, что не прихватила на всякий случай анти-магические браслеты – они так и остались лежать на полу.

– Ирби, мне нужна твоя помощь, – под бесцветным взглядом Киррея я теряюсь. Хоть и поняла, что когда императрица призывает магию, её глаза наоборот становятся цветными, всё равно – на уровне инстинктов от кажущихся пустыми глаз неприятно. А может, всё дело в том, что я знаю – она собирается меня как-то использовать...

– Ваше Величество? – несмотря на длительное нахождение в другой стране и неразрываемую связь с Рравешем, я – подданная Империи, а значит, отказать императрице вряд ли могу. Впрочем, уверять, что сделаю всё, что угодно, как полагалось бы, я тоже не спешу.

– Я хочу, чтобы ты притворилась мной.

Хорошо, что я сижу. И плохо, что мне не послышалось. Двойники нужны правителям, как правило, когда их хотят убить... И нет, польщённой я себя совершенно не чувствую. По крайней мере пока, а потом... неизвестно будет ли потом при таком раскладе.

– Ваше Величество? – снова повторяю я, совершенно неоригинально и глупо, но ничего другого в голову не идёт. До объяснений Киррея не снисходит – кивает Рравешу и отворачивается к окну. А он вместо неё поясняет.

Королева Иррийна и лже-Рравеш явились во дворец ещё вчера. Её Величество Киррея видит душу, а не магическую суть, так что метаморфа не опознала, а если бы и опознала, вряд ли бы это что-то изменило...

Иррийна, непрестанно всхлипывая и заламывая руки, однако не забывая кидать кокетливые взгляды на своего сопровождающего и принимать выгодные ракурсы, рассказала о беде с Кирроном. Правда вот, в рассказе самой королевы акцент, как и прежде, был на то, насколько она несчастна и как нуждается в помощи, Киррея же отлично поняла, что в помощи нуждается как раз её брат, и медлить нельзя, вот только как уехать незаметно?.. Иррийна и её спутник настаивали на том, чтобы сопровождать. Киррея же хотела поехать без них – то ли интуиция, то ли просто нелюбовь к невестке, которую получалось скрыть, но не

искоренить... И вот теперь у императрицы появилось решение: полуофициальный кортеж повезёт меня и Иррийну, а она отправится, как и собиралась, одна. Может, в сопровождении какого-нибудь мага, которого никто не заподозрит в том, что ему могла выпасть такая честь и ответственность.

– Не будь вы связаны поводком, я бы просила Кристиана, – вклинивается Киррея. – Но раз поводок снять не получилось, он пойдёт с тобой. Ирби... я не могу тебе приказать, – я удивлённо вскидываю на неё глаза, – но я тебя прошу. И если есть что-то, что я могу сделать для тебя в ответ, только скажи.

Вопреки здравому смыслу я открываю рот, чтобы попросить избавить от клятвы, которую опрометчиво – чем дальше, тем больше я уверена, что и в самом деле опрометчиво – дала верховному магу. Ведь может же императрица ему приказать? Или упросить императора... И я не напрямую, я сейчас какими-нибудь намёками...

Я пытаюсь начать... И не могу. Просто не могу выдать из себя ни одного звука. Если у первого паладина получилось, застав Берана врасплох, обездвигить его, это не значит, что молодой, зелёный и не самый умный метаморф сможет вот так вот обойти клятву верховному магу. Намерения ведь от самой себя не скрыть.

Я закрыла рот и беспомощно пожала плечами. Ничего другого в голову не шло.

– Ты можешь назвать плату в любой момент, если это будет в моих силах, сделаю, – мягко улыбается мне Киррея. – Тебя будут охранять, как меня, Ирби, не волнуйся. И у тебя большое преимущество передо мной – ты в любой момент можешь стать птичкой и улететь.

– Другой метаморф поймёт... – говорю я, мысленно уже на всё согласившись – возможно, я найду-таки способ объясниться, возможно, она сможет мне помочь... – Метаморф может увидеть, что я...

– Не будет другого метаморфа, – тихо цедит паладин, и вот теперь в его глазах лишь черничная жажда. Возможно, мне надо пожалеть своего собрата или попробовать за него вступиться – как знать, не был ли он на поводке, как и я, когда вторглась в жизнь паладина... но вместо этого я эгоистично недовольна тем, что пока я изображаю Её императорское Величество Киррею, у Её королевского Величества Иррийны будет самый настоящий Рравеш.

Глава 23

Я чувствовала себя куклой. Просто куклой. Марионеткой в руках императрицы, и ощущение отсутствия права на собственную волю отчего-то было куда сильнее, чем когда-либо до этого, даже при до предела натянутом коротком поводке, за который так любят дёргать чёрные маги. Возможно, потому что их, моих хозяев, я могла ненавидеть и презирать, пусть и выполняя – и то не всегда – что они требовали, мыслями я была свободна. Киррея же... лезла прямо в душу. Не знаю, намеренно или нет, магией или просто странным, но, как оказалось, убийным обаянием, но императрица и пугала, и восхищала, и я только теперь осознала, на что именно согласилась – не какой-нибудь один бал, на котором никто ни с кем и не общается толком, а длинная дорога в сопровождении двух магов – чёрного и светлого, неоднократно прежде с императрицей путешествовавших и общавшихся. Теперь я, пожалуй, была полностью согласна с Рравешем – не справлюсь, точно не справлюсь. И никакие перстни и амулеты, которые Киррея азартно на меня перевесила, все до одного, не помогут. И то обилие имён, ролей и назиданий, которые она на меня выплеснула, словно полжизни готовилась к тому, что её будет изображать метаморф – тоже.

– Если тебя будет доставать мой муж, – закончила императрица инструктаж, – если совсем будет доставать, вот прямо за горло возьмёт, скажешь ему правду. И ещё скажешь "айш аймар аре шелло". Не тронет.

Не думаю, что вы пересечётесь, но... вдруг тебе придётся играть меня достаточно долго, чтобы это произошло. Его ты не обманешь. Хотя... можешь постараться.

– Запомнила, – мрачно отзываюсь, рассматривая массивное обручальное кольцо на своём пальце. Император у нас вспыльчивый, это всем известно. И то, что он не в курсе затеи императрицы, не может не настораживать. Но разве мне есть куда отступить? Интересно, скажи я теперь, что передумала, как быстро Рравеш дёрнет за поводок? Она ведь вернула ему силу. И хочет спасти Киррона, которому паладин присягал, а с ним, возможно, и всю Кирремию, неспроста же с королём странные вещи творятся... Но я лишь спрашиваю: – Могу я узнать, что это значит? Айш аймар аре шелло...

Звучит почти как песня.

– Женись на мне или умрёшь, – улыбается Киррея, не ведая смущения, она теперь облачена в наряд горничной и вертит в руках парик. – Мы так познакомились, Ирби. Я приставила нож к его горлу и потребовала. Теперь это своеобразный пароль.

– Позвольте я помогу, – не то чтобы мне не было любопытно, но лезть в государственные тайны больше, чем это необходимо, совсем не хотелось. Стоять и смотреть как косо императрица натягивает парик – тоже. Он ей совершенно не шёл. Как и новое, добротное платье, потому что это платье прислуги, а привычка повелевать и нести ответственность накладывает отпечаток, который так просто и не скроешь...

Я позволяю себе вольность – беру императрицу за плечи, чуть направляю их вперёд, не сильно, совсем чуть-чуть. Поправляю парик. Заставляю держать голову чуть ниже. Поколебавшись, всё же даю непрошенный совет:

– Не забывайте прятать взгляд, Ваше Величество. Смотреть в глаза – это вызов от человека низкого сословия.

Киррея кивает. И неожиданно возвращается к истории знакомства с мужем.

– Он должен был жениться на Иррийне, – говорит она.

– Я помню, Ваше Величество. Но встретил вас и мгновенно влюбился, – я копирую голос императрицы, и ей от этого, кажется, смешно. Или же от того, что я повторяю почти официальную версию.

– Он встретил меня... и возненавидел. Мгновенно. Почти так же страстно, как я его.

С молчаливого согласия Её Величества я беру со стола кисточку и начинаю наносить пудру, меняя акценты и делая черты императрицы трудноузнаваемыми. Закапываю раствор, меняющий цвет глаз. И всё-таки спрашиваю:

– Вы так хотели за него замуж, Ваше Величество?

– Больше жизни. Ты ведь видела карту, Ирби. С одной стороны громадная империя, с другой почти такое же огромное царство, как думаешь, долго продержалась бы Кирремия, заключи эти гиганты брачный союз, как собирались? Да они бы поделили мою страну уже во время свадьбы, если не на помолвке... А я... я плохая императрица, Ирби, потому что сердце моё болит за Кирремию и лишь за неё, я была бы, наверное, совершенно счастлива, отрекись Киррон от престола и отправься в царство своей жены. Но он такой же безумец как и я... был, по крайней мере. Пора, Ирби.

Я царственно киваю... и Киррея покидает свои покои через потайной ход.

Мне же предстоит навестить королеву Иррийну и Рравеша – то ли ещё

фальшивого, и тогда его надо куда-то отослать, чтобы настоящий мог занять его место, то ли уже настоящего... и тогда надо как-то сдержаться и не выпарапать королеве глаза. Впрочем, то, что я в образе Кирреи, которая увела у Иррийны крайне завидного жениха, пусть и экстремальными методами, меня слегка веселит и успокаивает. Мы, метаморфы, такие. Мелочные до ужаса.

К будущим спутниками я отправилась не сразу. Простояла ещё какое-то время у зеркала, изучая свой новый образ, поэкспериментировала с добавлением золота и синевы в глаза. Вот чувствует моё сердце – пригодится. Хотя бы ту же Иррийну пугать, уж она-то наверняка в курсе возможностей императрицы, да и вообще “я вижу твою душу” весомо звучит.

Идти не хотелось. Но я добавила надменности в выражение лица, ведь Киррея – железная, стальная, какая угодно, но только не милая леди, и пошла. Можно было бы вызвать гостей к себе, но тогда эффект неожиданности очевидно пропадёт, а мне почему-то очень надо увидеть первую, настоящую реакцию. Увидеть, как они ведут себя друг с другом...

Есть, конечно, риск встретить по дороге кого-то, о ком Киррея не успела мне рассказать, но как императрица я могу просто пройти мимо, и пусть проигнорированный только попробует что-то предъявить. Его Императорское Величество в отъезде, Беран, надеюсь, тоже пока занят, а на всех остальных спокойно можно наплевать.

Остановив жестом собиравшегося доложить о моём приходе стражника, я шагнула в покои, отведённые Иррийне. У Рравеша, лже-Рравеша, разумеется, были свои, чуть менее роскошные, этажом ниже, но я ни капли не сомневалась, что найду их обоих здесь. И точно: они стояли у окна. Паладин спиной ко входу, и королева... слишком близко. И слишком поздно сняла руку с его плеча.

– Сестра! – наигранная радость резанула фальшью. Нервозность. Страх. Обида.

Неужто паладин успел испортить доставшуюся от метаморфа идиллию? Или она пошатнулась раньше?

– Ваше Величество! – на контрасте с фальшью Иррийны Рравеш звучит неотразимо. Настоящий Рравеш, вернувший себе силу, неужели королева могла хоть с кем-то его спутать?.. Я смотрю в тёмные глаза чуть дольше, чем допускает этикет, гадая, мне ли адресован этот горячий взгляд. С одной стороны, паладин держит поводок, так что должен чувствовать меня, с другой... Киррея утверждала, что маги, которые будут нас сопровождать, привыкли ориентироваться на фон амулетов, а снять их можно только по доброй воле, так что ничего не заподозрят, может, и Рравеш видит в первую очередь их?

– Есть новости? – королева взяла немного себя в руки и теперь изображает волнение за мужа. Как же. Я уверена, она мечтает стать вдовой.

– Отправляемся через час, – коротко сообщаю я. И – не могу удержаться, вот не могу и всё тут! – добавляю немного томных ноток: – Кристиан, вы не могли бы меня проводить?.. Мне нужно кое-что с вами обсудить.

Иррийна бледнеет, но мне её ничуть не жаль. Да, я давно знаю, что даже у самых прожжённых негодяев, циников и убийц есть чувства – они чего-то хотят, чего-то боятся, и расстраиваются, не получая, что хотят. Это не мешает, наоборот – лишь помогает мстить.

– Мне показалось, что моя... сестра непозволительно вам симпатизирует, лорд! – я уверена, что сама Киррея не сказала бы более холодно. – Вы же понимаете, что это неприемлемо?

Рравеш вздыхает:

– Ваше Величество, уверяю вас, Её Величество Иррийна видит во мне лишь рыцаря и защитника.

– Будет здорово, лорд, если вы убедите в этом в первую очередь её! – отзываюсь я. Неужели паладин и в самом деле не понял, с кем говорит? – Могу я надеяться на ваше благоразумие?

Рравеш молчит несколько шагов, оставшихся до покоев императрицы, и только внутри отзывается:

– Нет, Ваше Величество.

Нагло так отзывается, и стоит слишком близко... Определённо, вернувшаяся сила затуманила кому-то разум.

– Что? – высокомерно и угрожающе вздёргиваю бровь.

– Ты не можешь рассчитывать на моё благоразумие, Ирби! – паладин оказывается ещё ближе, обжигает дыханием мои губы.

– Объяснитесь! – цежу я, пытаюсь врезать паладину коленом, но пышные платья со множеством юбок, они такие неудобные, приходится выпустить когти и стиснуть горло подлого паладина... Вернее, я попыталась стиснуть, но когти увязли в силовом щите, пришлось втянуть.

– Ты можешь рассчитывать на мою верность, Ирби, – улыбается Рравеш. Так улыбается, что я забываю, отчего злилась. – На всю мою силу, и даже на мою жизнь, но, согласись, целовать императрицу не благоразумно. А именно это я и собираюсь сделать!

– Что стало с метаморфом? – из чистого упрямства я отворачиваюсь и задаю вопрос. Паладин молчит, и мне приходится повернуть голову обратно и посмотреть на него. И... я не знаю, как ему можно отказать. Если он на королеву Иррийну смотрел так же, она святая, что держалась столько времени, я бы точно не смогла...

И хорошо, что паладин лишь целует меня и не спрашивает в ответ, может ли он рассчитывать на мою верность. Не может. Ведь я поклялась

его отравить, и невыполненная клятва уже начинает на меня давить.

Дальше – больше, пока я не сойду с ума и не выполню условия...

– Метаморфа я посадил на поводок, допросил, отпустил с поводка и снова посадил, – отчитался Рравеш.

– Посадил, отпустил, посадил... – повторяю я, задумчиво водя пальцем по вышивке на камзоле паладина. – Господин маг сомневался?

– Пытался разобраться, почему тебя отпустить не выходит, – отзывается тот. – Пока не разобрался.

– Что он рассказал?

– Увы, практически ничего. Кто наниматель – он не знает, задача была сделать так, чтобы Иррийна доехала до Кирреи и рассказала свою историю. На обратном пути он должен был изобразить несчастный случай самому себе и исчезнуть.

Я молчу, обдумывая то, что паладин, скорее всего, уже давно со всех сторон рассмотрел.

Получается, кому-то было очень нужно, чтобы беглая королева добралась до Кирреи и позвала ту на помощь. А значит, мы участвуем в том, чтобы заманить императрицу в ловушку?... С другой стороны, Киррея отнюдь не выглядит наивной, да она и в юности была на

редкость расчётлива – подобраться к императору и приставить ему нож к горлу, это надо суметь! Кроме того, у нас есть козырь в виде живого Рравеша, ещё и с вернувшейся силой... впрочем, это вот как раз ненадолго – шепнула мерзкая клятва. И сила, и сам Рравеш... Ничего, – я стискиваю зубы. Кажется, я уже знаю, как тебя обмануть.

– И где он теперь?

Нет, я вовсе не тревожусь за своего собрата, просто я прекрасно знаю, как метаморф на поводке умеет извернуться и нагадить хозяину и

окружающим.

– На поводке. У Киррей, – улыбается паладин. И я невольно улыбаюсь в ответ – императрицу обмануть трудно, почти невозможно, а метаморф может быть и весьма полезен. Как транспорт и как телохранитель.

– А где Лейрон?

Рравеш мрачнеет:

– Уже в столице было нападение. Лейрон ранен, довольно сильно.

Я прислушиваюсь к себе. И мне всё равно. Ни злорадства – инквизитор не сделал мне ничего плохого, ни сочувствия – хорошего тоже не припоминаю... А вот паладин, похоже, расстроился.

– Хочешь навестить?

Кристиан качает головой:

– Хочу, но не буду. Мало ли...

Паладин моего мнения не спрашивает, но я согласна – никому нельзя верить. Даже мне.

До остановки на ночлег я была образцовой императрицей. Не кинула ни одного лишнего взгляда на Рравеша, пару раз холодно и высокомерно улыбнулась Иррийне – они с Кирреей друг друга недолюбливали, что не удивительно, ни разу не перепутала имя чёрного мага и лошади... Мага звали Арил, а лошадь Айри, и я очень старалась. Я даже не дрогнула, когда чёрный маг, приветствуя меня во дворце, протянул свёрток от верховного мага Берана, а в свёртке обнаружился злополучный флакон...

Но вот дальше... Заночевали в лесу, и я не могла упустить такой шанс, ведь следующая ночь должна пройти в гостинице, а у меня так мало времени, так катастрофически мало...

Я выскользнула из своего шатра маленькой птичкой, светлый маг, которому выпало в этот час дежурить, бездумно таращился в огонь, периодически от скуки закручивая пламя красивыми спиральками. В мою

сторону даже не посмотрел. Рравеш – я кинула взгляд издалека – спал у входа в шатёр Иррийны. Нравится мне или нет, но она – его королева, которой он присягал.

Принять это отчего-то крайне сложно... казалось

бы, я уже не маленькая наивная дурочка, а всё равно кажется странным и нечестным, что благородные люди присягают подлецам и трусам...

Я отлетела подальше. Затем, подумав, ещё подальше. Приняла истинный облик – как ни странно, кровь метаморфа всего сильнее именно в истинном облике... Ну, так говорят. И позвала:

– Филипп!

Это, конечно, глупость – на таком расстоянии звать вампира ненастоящим именем. Всё, на что я надеялась – это на свою кровь. Он её пил. А значит, мы связаны.

Где-то закричала птица, прошелестел ветер по траве... и больше ничего.

Ни тумана, ни летучих мышей...

Я закрыла глаза, вспомнила, как вампир пил мою кровь, и позвала снова.

На этот раз про себя, зато, кажется, всей своей кровью. Давай же, вампир, ты мне нужен. И ты мне должен. Или я тебе должна, не так уж

теперь важно, потому что если поможешь, буду должна ещё больше.

– Краси-и-ивая, – пропел туман, оборачиваясь вокруг меня. Очень бесстыжий туман, казалось он разом гладит всё моё тело.

– У меня мало времени, – тихо сказала я.

– Ты позвала меня, чтобы расплатиться, метаморф? – клыкасто улыбается Филипп. Взгляд у него жадный и... мужской. Явственно показывающий, что в данный момент вампир если и голоден, то совсем не в плане крови. Хорошо хоть он не обнажён, мне хватает и взгляда, видеть другие признаки я совершенно не хочу.

– Да, – охотно соглашаюсь я. – Чтобы ты со мной расплатился. Ты пил

мою кровь, а моего человека не спас.

– Не спас, – соглашается Филипп. Я не хочу краснеть под его взглядом, поэтому меняю ипостась и покрываюсь бронированными чешуйками. –

Однако он сам себя неплохо спас. И я не пришёл за добавкой, метаморф. Цени! Хотя мне хотелось. Ты даже не представляешь, как мне хотелось ещё твоей сладкой пьянящей крови, всю тебя...

Я отшатываюсь от вампира, хотя он, кажется, просто играет. Зуб даю (вампирский), в глазах его нынче вовсе не тот голод. И вот беда – броня ни капельки не помогает.

– Поцелуй меня, м-метаморф, – вампир ловит меня за талию, наклоняется ко мне, я же отклоняюсь назад. Я гибкая. Могу и ещё дальше. – Ты сама меня позвала. Без поцелуя я не уйду!

– Может, вернёмся к глоткам крови? – обречённо предлагаю я, отворачиваясь.

– Может, – вдруг совершенно спокойно говорит вампир и отпускает меня.

Я не падаю, но приходится сделать кувырок назад через мостик, чтобы встать. – Что тебе понадобилось, Вербера, дочь верховного мага Берана, от простого вампира?

Я вздрагиваю. Вампир знает моё имя. И моё происхождение! С другой стороны... Кажется, мы с Рравешем порядочно наследили, так что узнать не так уж и сложно... А то, что я дочь верховного мага – наверное, плюс?

– Мне нужно противоядие к одному веществу, – осторожно выдыхаю я, стараясь не думать о ненужном. Противоядие мне действительно нужно.

Для себя, разумеется, для себя. Чтобы не чокнуться от клятвы. В конце концов, я поклялась давать проклятое зелье, но я не клялась не давать противоядие. Не уверена, что оно есть в природе, но я знаю, что у вампиров, и у этого в частности, очень обширные возможности, каким бы простым он себя ни называл...

– К какому?

Фиолетовые глаза вампира блестят насмешливым любопытством и только, и я начинаю надеяться, что с поцелуями это он просто припугнуть меня решил, чтобы за кровь не торговалась. Меня это вполне устраивает.

– Отбирающему магию.

– Его действие необратимо.

– Мне надо, чтобы оно вообще не подействовало. Нейтрализатор нужен. Вампир некоторое время молчит.

– И мне надо очень срочно, – вздыхаю я, прекрасно осознавая, что теперь вампир может и в самом деле вить из меня верёвки.

– Образец есть?

– В шатре, – я киваю в сторону стоянки. – Я оставлю несколько капель на земле.

– Чем будешь платить?

– Кровью?

– Знаешь, Ирби, – усмехается вампир, а его глаза снова вспыхивают желанием. – Я был глуп, и ты мне это показала, очень ясно и очень... беспощадно. Теперь только обмен – ты пьёшь мою кровь, а я – твою.

Я... поступила, наверное, бесчестно, но мне было всё равно. Да и вампиру не следовало намекать на свою слабость. Я снова обратилась к своей крови. Закрыв глаза, попросила. Помогите мне, вампир. Ты хочешь мне помочь, ты очень-очень хочешь мне помочь...

Вампир выругался, и я открыла глаза – от пожара в фиолетовом взгляде стало страшно.

– Уговорила, – зло шепчет Филипп. – Возьму натурой. И аванс – прямо сейчас.

Я не торгуюсь и не сопротивляюсь – в конце концов, поцелуй это ерунда, да даже и пресловутая “натура” – создать нечувствительное тело и

потерпеть, гораздо важнее, что у меня теперь есть выход, вампир согласился помочь...

Вдруг сжимавший меня в объятиях вампирияга обратился в туман и сгинул, а вокруг стало очень, очень тихо. И чем-то нехорошим повеяло, опасным, кровавым. Я обернулась уже зная.

Рравеш. Некромантские узоры на теле чернеют так, что притягивают взгляд. Я и смотрю на них, потому что в глаза смотреть страшно, кажется, что он выпьет меня так, на расстоянии, без всяких ритуалов... и я сама сняла с него магические браслеты, поверив, видимо, что теперь, когда у него есть своя сила, он справится с голодом, справится с яростью, справится...

Несколько вдохов мы стоим молча, а потом паладин поворачивается и уходит. И я понимаю, что он ждал оправданий. Объяснений. Хотя чего-то.

А я даже если бы и сообразила, не смогла бы и рта раскрыть – всё упирается в проклятую клятву.

Попросить что ли Филиппа, чтобы Берана покусал?

Глава 24

В Империю мы попали через горы, теперь же маршрут эти горы огибал. Путь получался долгий, а главное, предсказуемый до нельзя. Я посмотрела на карту, подавила вздох и снова ничего не сказала. Если идти через горы, то без ночёвки в Храме богини не обойтись, а там чужая личина моментально с меня спадёт... и неизвестно что ещё с Рравешем будет – некроманта храм может и не пустить.

Смотреть на Кристиана мне было почти физически больно: и чувство вины, и невозможность объяснить – не с руки императрице бегать за паладином чужой страны и ловить каждый его взгляд, а сам Рравеш вступать в диалог явно не желал... И снова чувство вины вместе с разъедающей сознание клятвой.

Я ждала вампира с противоядием, очень ждала, но он всё не появлялся, а мне уже ночи напролёт стало сниться одно и то же – я даю паладину

зелье. То в питье, то в еде, то вот прямо так, как лекарство, с ложечки...

Маги, вопреки моим опасениям, держались на расстоянии, Рравеш ненавязчиво, но очень искусно меня избегал, так что основным моим собеседником была Иррийна. Я очень быстро узнала, кажется, всю её размеренную и мелкую, другого слова подобрать не могу, хоть речь и о королеве, жизнь – кто из фрейлин насколько люто завидует, кто из поклонников самый пылкий, сколько дуэлей почти случилось из-за неё, и прочее, прочее, прочее... а потом... Потом она попросила меня заглянуть в душу Рравеша. Нет-нет, она в его преданности не сомневается, просто он переменялся с тех пор, как сила к нему вернулась, словно гложет его что... и – это даётся королеве с особым трудом – стал с ней холоднее и строже.

Вытерпев с десяток "милая сестра", я кивнула. Обрадованная королева тут же обещала прислать его ко мне под каким-то благовидным предлогом и – о чудо! – молчала вплоть до привала.

– Ваше Величество?

Я вскидываю глаза, проклиная своё неуёмное, слишком отзывчивое к паладину сердце. Добавляю синий и золотой в глаза, не для него, для королевы, что впиалась в нас глазами, почище чем клещ впивается... куда-нибудь.

– Знаете, Кристиан, иногда события – не то, чем они кажутся, – зачем-то говорю я. Впрочем, я знаю зачем. Мне чертовски важно перед ним оправдаться. Хотя немного. Хотя как. Чтобы он оставил мне шанс.

– Боюсь, Ваше Величество, я недостаточно мудр, чтобы это осознать, – губы паладина кривятся в горькой усмешке. Упрямый и слишком гордый тип. – Чем могу быть вам полезен?

– Моя дорогая сестра за вас волнуется, Кристиан.

– Я в порядке, Ваше Величество.

Это пока. Пока я не сошла с ума и не начала тебя травить.

– Ей кажется, что вы переменились, Кристиан. Остыли.

– Её Величество знает причину. Как и вы, Ваше Величество.

Кажется, Рравешу доставляет какое-то извращённое удовольствие повторять "Величество". Или это намёк, что он разговаривает со мной только потому, что я в роли императрицы?

– Могу я сказать ей, что ваше сердце всё так же бьётся ради неё, Кристиан? Она хочет слышать именно это.

– Скажите то, что вы видите, Ваше Величество, – усмехается паладин. Знает же гад, что ничего я не вижу! Ну погоди ж ты!

– Полагаете, – я прикрываю рот веером, потому что собираюсь произнести совершеннейшую крамолу и ересь, – нужно сказать, что к ней вы давно остыли и теперь ревнуете меня?

О, как точно я попала в цель! Кажется, даже поводок чуть дрогнул, но к чести паладина должна сказать, что дёргать за него тот не стал. Разве что обжёг меня взглядом. И ответ прозвучал совершенно ровно:

– Разумеется, если вы видите именно это, Ваше Величество. Я могу идти?

– Идите, – не сдержав грустного вздоха, разрешаю я. – Идите, Кристиан. Чтоб тебя!

– Я могу его убить, этого вампира, – вдруг выдаёт Рравеш, предусмотрительно отвернувшись от зрителей. – Да?

– Нет, – наверное, я слишком поспешна и слишком напугана – глаза Рравеша снова затягивает холодное презрение. Но вампир должен принести нейтрализатор, и до этого момента он должен дожить. Это куда важнее, чем горечь, царапающая сердце.

Иррийну я заверила, что ей не о чем беспокоиться, Кристиан Рравеш верен присяге, которую давал королю Киррону, а значит, верен Кирремии и ей, королеве. Разумеется, её такой ответ не устроил.

– Понимаете, дорогая сестра... мне иногда кажется, что Кристиан испытывает ко мне чувства не как к королеве, а как... как к женщине. Если это так, я хотела бы знать, чтобы, может, как-то скорректировать своё поведение, стать холоднее, не давать повод... Я ведь очень ценю Кристиана, и мне бы не хотелось...

Невольно я посмотрела на него. Паладин ехал впереди и что-то оживлённо обсуждал со светлым магом. Интересно, маги не чувствуют, что он некромант? По поведению кажется, что нет. Он свою связь с Чёрным как-то перекрывает вернувшейся силой? Или что?

– Не волнуйтесь, Иррийна, – сладко улыбаюсь я королеве. Нет, это не месть, ещё нет, слишком мелко для мести. Я ведь не забыла все её пакости, я всё ещё жду удобного момента, чтобы и в самом деле взять за горло и оставить пару незаживающих царапин. В конце концов, мы в лесу. А в лесу должны, просто обязаны водиться дикие звери, от которых всего можно ожидать... – Кристиан действительно влюблён, но не в вас!

– Не в меня?! А в кого?! – выпалила королева с таким искренним возмущением, что я невольно улыбнулась.

– Не знаю. А это разве имеет какое-то значение?

– Нет... нет, конечно, не имеет, – опомнилась невестка императрицы. Но полностью разочарование и недоверие скрыть из голоса не смогла: – Спасибо, милая сестра. Вы меня очень успокоили. Я сверкнула золотистыми искрами в глазах.

– Возьмите себя в руки, Иррийна. Вашу влюблённость я тоже вижу, как и то, что она отнюдь не к моему брату!

Королева посерела и так сильно дёрнула лошадь за повод, что чуть не выпала из седла – лошадь резко остановилась и попыталась встать на дыбы. Я спокойно проехала дальше, в глубине души отчаянно сожалея, что Иррийна не упала. Около границы с закрытой зоной навстречу нам попался патруль – десять солдат и парочка магов. К счастью, не тот отряд, где служил Ирмил. Наш светлый маг, Эйрон, предъявил документы, разумеется, на вымышленные имена, а я накинула капюшон – совершенно ни к чему каждому встречному-поперечному знать, где ездит императрица, даже если она и не настоящая.

– Лучше бы вам держаться от границы подальше, – сообщил один из патрульных, возвращая документы. – Участились прорывы, да ещё и беглый некромант...

– Некро... некромант? – воскликнула Иррийна, после чего удостоилась внимательного взгляда патрульных, и возмущённо вспыхнула – разумеется, знай они, что перед ними королева, не смотрели бы так оценивающе.

Что сказала бы сама королева, знай она, что её обожаемый первый паладин теперь тоже некромант – отдельный любопытный вопрос.

– Некромантка, – неохотно уточняет светлый маг из патруля. – Извела полдеревни тут неподалёку. Видели кого-нибудь?

Мы не видели и дружно мотаем головами.

– Будьте осторожны. Она хитрая очень. Выглядит безобидно...

Очаровывает.

Маги скептически усмехнулись, явно оценивая свои силы выше, чем у неопытной некромантки, я же вспомнила Рравеша и его внезапную популярность на постоялом дворе, и внутренне поёжилась. Пожалуй, лучше всего, если мы эту некромантку просто не встретим. Впрочем, предчувствие говорило, что, как обычно, “лучше всего” не получится.

А следующим утром Кристиан Рравеш, бывший паладин, а ныне некромант с силой тёмного мага и сомнительными жизненными перспективами, привёл в наш едва проснувшийся лагерь девицу.

* * *

Кристиан Рравеш, некромант.

Попался!

Рравеш, кивнув томившемуся и скучающему в роли часового тёмному магу и сообщив "не спится, прогуляюсь", нырнул в темноту леса.

Вампир был осторожен. Ближе к лагерю не подходил, даже до конца форму не принял, но направленной на него ловушки не избежал. В конце концов, к Рравешу вернулась его сила, а чин первого паладина он получил вовсе не за любовные заслуги, на что бы там Ирби в начале их знакомства ни намекала.

Несколько десятков шагов, и он выходит на небольшую поляну, где между деревьями застыл пойманный в сети вампир. Светлые, практически белые волосы, фиолетовые глаза, клыки... Что Ирби в нём нашла? Глупый вопрос. Вампиры умеют нравиться.

– Вампир, – вкрадчиво говорит Рравеш, – зачем пожаловал?

– Некромант, – презрительно кривится его пленник. – У меня дело к метаморфу, не к тебе.

– Это мой метаморф, – холодно улыбается паладин, а на его теле постепенно вспыхивают чёрным некромантские руны.

– Хочешь расплатиться вместо неё? Не выйдет. Ты меня не возбужда...

Вампир был силён. Очень. И искусно свою силу прятал, впрочем, как и

сам Рравеш. Они оба недооценили противника, но паладин всё же сильнее, на его стороне редкая, почти невозможная комбинация силы некроманта и тёмной магии. И он продавливает, проламывает сопротивление вампира, разрушая ярус за ярусом защиту, не обращая внимания на ставший острым воздух, который, кажется, так и норовит разрезать лёгкие изнутри...

– Итак? – снова спрашивает Рравеш. Но теперь вампир выглядит уже не так гламурно, и смотрит пусть и с большей ненавистью, но далеко не так дерзко.

– Вот, – в руки паладину летит небольшой флакон. – Нейтрализатор к зелью, отнимающему магию. Она просила.

Рравеш крутит флакон в руках. Кажется, что-то начинает сходить. А он-то удивлялся, как Беран отпустил, почему не прикончил, снимая с дочери поводок... а он, видимо, договорился с Ирби. И тогда, в доме Берана, она сама пришла к нему... Неужели из чувства вины и чтобы попрощаться?... Догадка неприятно кололась. Вот только зачем ей нейтрализатор? Чтобы не бояться отравиться самой?

– А где само зелье? – спросил Рравеш.

– У неё.

Зелье у неё. Как будто оно могло быть у кого-то ещё... Прислушиваясь к себе, паладин почти уверен, что зелье он ещё не принимал, но...

Говорят, его никто и не замечает.

– Принеси.

Вампир зло щурится. Но некромант непреклонен. Этот вампир может очень, очень многое. И точно – небольшой кусочек тумана обращается в летучую мышь и скрывается за деревьями...

Они ждут молча. Рравеш отстранённо размышляет о том, что если вампира не засекут, то в следующий раз, наплевав на конспирацию и всё остальное, защиту вокруг шатра лже-императрицы он будет ставить сам. Если сила у него ещё останется.

Вскоре в руки ему летит второй флакон. Рравеш, отвернув колпачок, наливает туда поровну зелья и нейтрализатора... и протягивает вампиру:

– Пей.

Тот сверкает фиолетовыми глазищами, однако пьёт. Видимо, нейтрализатор и правда настоящий. Выждав некоторое время – вампир существо магическое, так что разрушительный эффект должен проявиться сразу, паладин-некромант признаёт нейтрализатор качественным.

– Она тебе ничего не должна, – говорит Рравеш.

Вампир молчит. Паладин сжимает руку в кулак, стягивая потоки тёмной силы, и вампир грязно ругается от боли. Наконец, сдаётся:

– Вербера, дочь Берана, ничего... мне... не должна, чтоб тебя, некромант, вся инквизиция поимела!

Рравешу хочется ещё добавить "и ты к ней больше никогда не подойдёшь", но отчего-то он молчит. Наверное, потому что знает – избавиться от соперников, запугав их, совершенно не означает получить любовь.

Заставив вампира отнести оба флакона туда, где взял убивающее магию зелье, Рравеш его отпускает. И уже собирается пойти обратно, но тут раскинутые сети задевает кто-то ещё. И он идёт посмотреть.

На том месте, где была задета сигнальная сеть, никого нет, но теперь уже некромант ищет целенаправленно. И находит.

Девчонке лет двадцать. Она тоже почувствовала его, и уже не прячется, наоборот, ждёт и даже тянет понемножку к себе. Не будь сам он некромантом, возможно, и не понял бы, что кроется за этим

ненавязчивым вроде бы желанием свернуть в определённую сторону.

– Замри, – говорит Рравеш.

Девушка оборачивается, испуганно прижимая к себе рубаху, которую зачем-то сняла. Для большего очарования? Или и в самом деле собиралась ополоснуться в небольшом ручейке, что журчит у её ног?

Посреди ночи, убегая от погони... Самое время купаться.

– Помоги мне! – шепчет девушка, и тяга становится сильнее. – Я заблудилась. Замёрзла. Проголодалась...

В “проголодалась” Рравеш верит, у него самого внутри вечный голод, который пока как-то удаётся сдерживать, изолировать, укутывая вернувшейся силой, но с каждым обращением к некромантским способностям, голод становится сильнее. Надо придумать что-то ещё.

– Это ты перебила полдеревни? – интересуется паладин-некромант, затягивая вокруг девицы сеть. Женщины редко бывают некромантами, очень редко. У них больше здравомыслия, меньше необоснованных амбиций и почти отсутствует тяга к разрушению.

– Нет, – говорит некромантка и перестаёт таиться – тянет во всю мощь. В ответ Рравеш разворачивает кокон, выпуская свою силу и свой голод, который куда больше...

Глаза девушки распахиваются ещё шире, и она, бросив рубашку, делает шаг к нему.

– Не полдеревни? – спрашивает Рравеш и затягивает сеть, останавливая её.

Знать бы, что с этой девицей делать. Голод шепчет “Выпей. Выпей! Она преступница! Она убийца! Её ждёт казнь, мучительная! Сделай доброе дело, выпей!”...

– Десятерых, – отзывается девица без капли раскаяния. – Они были плохими людьми, поверь. Очень плохими! Они заслужили.

Оправдания её до отвращения похожи на его собственные. Так что теперь Рравеш уверен – выпивать он её точно не станет. В крайнем случае просто убьёт, а лучше бы сдать патрулю...

– Они надругались надо мной, – говорит девица, и паладин понимает, что крыть ему нечем.

Кажется, и патрулю он её не отдаст... – Я не тронула их жён, не тронула детей, хотя от детей больше всего силы, я лишь отомстила за то, что они сотворили со мной!

Рравеш просеивает её слова, и не находит в них неправды.

– Ты собиралась убить меня, – говорит он.

Девушка задумывается, и только тут, проанализировав, видимо, своё состояние, понимает:

– Ты... ты – некромант!

Рравеш улыбается одним уголком рта, а девица стонет то ли от разочарования, то ли наоборот – от желания и восхищения. Паладину всё равно.

– У тебя недостаточно сил, чтобы добраться до Кирремии через земли нежити. Тебя прикончит второй, если не первый зомби. На что ты рассчитывала?

– Меня ждёт на границе жених... должен ждать, – опускает голову девушка. – Я... он так часто говорил, что готов умереть за меня... я и подумала, что смогу взять у него немного сил, если потребуется. Не убивая. Конечно же, не убивая, я ведь его люблю...

Слух резануло сомнение – кажется, девушка саму себя спрашивает или пытается убедить. Не любит она того несчастного глупца, что ждёт её где-то там на границе...

– Жениха надолго не хватит, – цинично усмехается Рравеш. – Или кирремийцев в отличие от имперцев не жалко?

Девушка посылает ему полный ненависти и оскорблённого достоинства взгляд, впрочем, получается у неё не очень убедительно. Паладин-некромант чуть давит, и она признаётся:

– Я не собираюсь в Кирремию. Мне нужно лишь завершить ритуал, чтобы не было этой жажды.

– Как его завершить? – спрашивает некромант, чуть ли не задерживая дыхание от внезапно всколыхнувшейся надежды. Неужели... неужели от этого можно избавиться?

– Не знаю! – огрызается девчонка, и паладин разочарованно вздыхает. Верить в сказку, оказывается, хочется в любом возрасте... Девчонка упрямо продолжает: – Но точно можно. У нас был старик в деревне, и все считали его знахарем, но он был некромантом, я видела, как во время прорыва он приказал нежити уйти, и они повиновались, ушли. И книги его видела, которые он прятал... и я знаю, он часто бывал там, за границей, и он был нормальным человеком, абсолютно нормальным! Нужно просто найти его тайник... Помогите мне! Пойдём вместе? Тебя ведь тоже мучает... жажда?

– И припасы... то есть жениха пополам поделим? – вздёргивает бровь Рравеш.

Рассказ девчонки звучит брезово... но что-то не даёт отмахнуться.

Может быть то, что она сама так истово верит?

– Не... не смей его трогать! – бледнеет некромантка. Любит она жениха или нет, но совесть, кажется, и в самом деле ещё не потеряла.

Паладин-некромант улыбается. Как заправский злодей:

– Разве ты в том положении, чтобы ставить условия?..

* * *

Девушка была молода и, кажется, сильно напугана. Я попыталась примерить на неё роль некромантки, и у меня ничего не вышло. Рыжеватые волосы, веснушки, серо-зелёные глаза. Расцарапанные руки выглядывают из рукавов порядком запачканной рубашки...

– Кристиан, это кто? – полюбопытствовал Арил. – Та самая некромантка, которую разыскивал патруль?

– А ты видишь её связь с Чёрным? – поднимает бровь паладин.

Но я замечаю, как вздрогнула при вопросе девушка, и то, как Рравеш построил ответ... Это определённо именно та некромантка. Интересно, зачем она нам? Или лично ему?

– Вижу слабый потенциал... может, из неё выйдет средняя ведьма.

Некромантии не вижу, – отвечает имперский тёмный маг и улыбается девушке. – Как тебя зовут?

– Янна, – отзывается та и несмело улыбается в ответ. Идиллия, да и только.

– Кристиан, – негромко говорю я, опережая Иррийну, которая, кажется, хотела сделать то же самое. – Можно вас на пару слов?

Рравеш обозначает поклон и, наполнив только что заваренным чаем две кружки, идёт ко мне. К шатру. Ну да, говорить сподручнее всяко внутри, вот только манёвр с чаем я не очень поняла... а вот клятве этот манёвр

как раз очень понравился, я даже невольно поморщилась от вонзившейся в мысли потребности накапать паладину зелья.

Шатёр небольшой, тонкий, но с магически укрепленными стенками, и даже есть пара полочек. На одну из них Рравеш и ставит кружки.

– О, – говорит он, – простите, Ваше Величество. Я вернусь буквально через пару мгновений.

И выходит. А я стою и плююсь на кружки. Это вот что такое? Может быть, Рравеш решил меня отравить? Правой рукой вцепляюсь в левую, которая, предательница, так и тянется к мешочку, в котором хранится

зелье. Нет, нет, нет! Сначала нейтрализатор, ни одной капли до того, как я получу нейтрализатор! А я всё ещё надеюсь его получить, хоть вампир, подлец такой, и запропал куда-то...

Паладин возвращается с завтраком для меня – каша и бутерброд, но при

этом на подходе так топает, что не приходится сомневаться – специально, чтобы я успела подготовиться. Он знает? Не клятва же заставляет его вести себя так по-идиотски? Это ведь моя клятва...

– Какую? – спрашивает Рравеш, взглядом указывая на кружки.

– Любую, – мрачно отзываюсь я. – Хотите, лорд Рравеш, отопью из обеих?

– Не хочу, – говорит паладин. – Я ни при каких обстоятельствах не буду рисковать тобой.

Последняя фраза звучит почти нежно, почти признанием, а уж если ещё польстить себе тем, что “Ваше Величество” он не добавил... впрочем, эта же фраза звучит упрёком. Да ещё каким.

– Что происходит? – тихо спрашиваю я.

Рравеш смотрит мне в глаза и молчит.

– Приходил вампир? – догадываюсь я.

Паладин коротко кивает. Деваться некуда, спрашиваю дальше:

– Что... что-то принёс?

Ещё один кивок. Теперь я выжидательно смотрю на паладина. Что за игры в молчанку, паладин? Ты прибрал к рукам нейтрализатор и поэтому готов пить из любой кружки? Думаешь, я собралась тебя отравить?

– Отдашь?

– У меня нет. У тебя. Там же, где...зелье.

Я тянусь к мешочку, вываливаю два флакона. Два! Зуд в руках становится нестерпимым, не обращая внимания на Рравеша я откручиваю колпачки, капаю по пять капель одного и другого в чай, и залпом выпиваю по крайней мере половину, до того, как паладин выбивает кружку из моих рук.

– Ты что творишь?! – Кристиан держит меня за запястья, и он отчего-то очень зол.

– Проверяю.

– Я уже на вампире проверил... – глаза паладина чуть теплеют. А моё сердце неожиданно сжимается – выжил ли вампир? Выживу ли я?... – С ним всё в порядке. И он просил передать, что ты ничего ему не должна.

– Ты... ты решил, что я собиралась тебя отравить, – мрачно говорю я. Вообще-то, действительно собиралась, но я на всё была готова, чтобы сохранить ему жизнь. Я вообще сделала это только для того, чтобы Беран не убил его сразу, чтобы у него, чтобы у нас был шанс! Да я с вампиром целовалась, да я... Злость поднимается изнутри, захлёстывая, переполняя, лишая здравого смысла.

Чувствуя себя вопреки логике абсолютно правой, изо всех сил даю Рравешу пощёчину. Кажется, его терпению тоже пришёл конец, но паладин всё-таки джентльмен, рыцарь и всё такое, женщин он не бьёт... а целует. Зло и очень страстно. Вжимая в себя и позволяя своим рукам что-то совершенно непозволительное в отношении императрицы.

Впрочем, и императрица не должна обнимать какого-то постороннего паладина-некроманта...

Клятва продолжает ковырять мою голову раскалённой иглой, так что я отталкиваю паладина и капаю теперь ему в чай положенное количество капель из одного и другого флакона.

– Пейте, лорд Рравеш. Если не хотите, чтобы я рехнулась.

Паладин пьёт. И мне становится невыносимо легко и хорошо. А он, кажется, начинает что-то понимать...

– Ирби...

– Что это за девица, лорд Рравеш? – спрашиваю, возвращаясь в роль императрицы. – Решили основать свою школу некромантии?

– Она говорит, что от жажды можно избавиться. Не знаю, правда или нет, но я должен проверить. Она побудет немного с нами, если Ваше

Величество не возражает. Я её сдержу.

Моё величество не возражает. Если паладина можно избавить от некромантии, я готова эту девицу даже в своём шатре поселить. Вот только, боюсь, остальным будет не так просто объяснить появление новой спутницы.

Глава 25

Имперские маги, Эйрон и Арил, косились на Янну с отчётливым подозрением, и объяснение Рравеша, что это дочь его старого товарища, неожиданно-негаданно повстречавшаяся на чужой земле, на границе с землями нежити, совершенно это подозрение не развеивало. Только, кажется, усиливало. Они настаивали на том, чтобы девицу лишить памяти и оставить у ближайшей деревни, а то и вовсе, ради безопасности императрицы, просто убить.

Резон в их словах был. Кажется, это признавал даже Рравеш, но отступать не собирался. Маги тоже.

– Ваше Величество, – обратился светлый маг к Иррийне. – Ваш паладин подвергает всех нас опасности!

Я как раз доела завтрак и вышла из шатра. С любопытством посмотрела на королеву – она впиалась в Янну болезненно-любопытным взглядом. Гадает, не в неё ли влюблён Рравеш? Скорее всего. Тем не менее ей неожиданно хватило мудрости ответить:

– Я полностью доверяю лорду Рравешу. Он верен Кирремии и не сделает ничего, что могло бы нанести ей вред.

– Ваше Величество... – теперь ко мне апеллировал тёмный маг. Я, разумеется, собиралась поддержать Рравеша, но над формулировкой надо было подумать. Однако его перебил светлый, Эйрон:

– Лес горит.

– Что? – кажется, мы с Иррийной переспросили вместе. Остальные быстрее поняли, что это значит. Вон даже Янна скривилась. Понимает.

– На нас идёт стена огня, Ваши Величества. Ветер в нашу сторону...

Надо срочно сворачивать лагерь. Срочно! – в голосе мага прорезались командные нотки, совершенно недопустимые в обращении с коронованными особами, но в походных условиях и в вопросах безопасности этикет и субординация совсем другие, чем во дворце. Удивительно, но даже королева Иррийна это принимает. Впрочем, я, кажется, её недооцениваю, что может плохо для меня закончиться. Она та ещё тварь, но не дура, совсем не дура.

О том, чтобы бросить здесь Янну, к чести мужчин, никто не заикнулся, ей выделили лошадь, которая до этого несла лишь поклажу, а часть вещей забрал к себе Рравеш.

– Погасить не выйдет? – спросил паладин у светлого мага, помогая королеве сесть в седло. В конце концов, огонь хорошо слушается Эйрона, он действительно сильный маг...

– Весь – нет, пожар слишком большой. Я мог бы сделать окно... но там будет раскалённая земля, по которой не пройти и десятка шагов.

– Попробуем успеть к реке, – присоединился к диалогу Арил. И тихо добавил: – Но ветер играет против нас...

Невольно вспомнилось легкомысленное – а впрочем, легкомысленное ли? – от Кирреи: “если что ты всегда можешь превратиться в птичку и улететь”. Я могу. Я даже могу кого-то унести с собой. Может быть, даже и не одного, если паладин даст мне свою силу и я не свихнусь от эйфории – совершенно некстати пришло на память, какая вкусная у него сила... Может быть, стоило попросить, чтобы вместо чая он приносил мне на завтрак кружечку своей силы?..

– Не будем терять времени, – сказал Эйрон.

И мы понеслись.

Только теперь я оценила, насколько хорошие лошади в императорской конюшне. Быстрые, выносливые, с мягким ходом – даже Иррийна вполне хорошо удерживается на галопе, а ведь это не так просто, особенно когда приходится то и дело уклоняться от низких веток и перепрыгивать через поваленные деревья. Может, Рравеш её магией привязал?

Интересно, в чём причина пожара? Я ставлю на то, что причина в Янне.

Нет, это, разумеется, не она подожгла. Но это из-за неё. Жители деревни, не надеясь на то, что патруль поймает, решили отомстить... не задумываясь о том, что сами действуют ничуть не лучше, чем

некромантка – сколько деревьев, зверей и даже людей они погубят?

Даже хорошие лошади не могут скакать галопом постоянно, и через какое-то время мы перешли на рысь, а затем – ненадолго, давая отдохнуть и лошадям и всадникам – и вовсе на шаг.

– Не успеем, – сказал Эйрон. – Уже не успели, огонь нас окружает.

Тихо сказал, только для тёмных магов, но я слышу. И, кстати, уже чувствую запах пожара, долетающий с порывами ветра.

– В землях нежити возле границы есть река. Достаточно широкая, – говорит Рравеш.

– И нежить, достаточно обширная и разнообразная, – добавляет Арил.

Впрочем, кажется, предложение паладина он обдумывает всерьёз.

– Предпочитаешь сгореть?

– Земли нежити – это вариант, – задумчиво говорит Эйрон. – Но всё-таки, Кристиан, что ты планируешь делать с зомби?

– Отгонять, – отзывается паладин.

– Это не так просто... – начинает было Арил. И сам себя обрывает: –

Рравеш-ш-ш! Она всё-таки некромант!

Паладин пожимает плечами:

– Едем? Или есть другие варианты?

Озвучивать решение мужчины не стали, просто сменили немного направление, и очень скоро мы остановились перед барьером. Само магическое ограждение невидимо, никак не ощущается обычным человеком, но даже у Иррийны не возникло сомнений, где мы – на той стороне не было ни деревьев, ни травы. Голая, пересушенная земля. Мёртвая. С нашей стороны – по краю леса засохшие деревья, чьи корни, видимо, переползли за границу... Зрелище пугало. Возле Храма богини, хоть и находящегося там же в землях нежити, не было такого запустения

– то ли благодаря самому Храму, то ли потому что дальше от эпицентра проклятия...

– Как быстро мы сами превратимся в нежить? – негромко поинтересовался Эйрон, но, увы, королева Иррийна его услышала.

Вскрикнула, подъехала ближе, вцепляясь в руку Рравеша:

– Кристиан... как же? Мы что, пойдём туда?

– Да, Ваше Величество, – отозвался тот, ровно и равнодушно. Кажется, мысли его уже не здесь, они либо за барьером, либо кружат возле Янны

– Рравеш оборачивается, бросая на неё оценивающий взгляд.

А имперские маги дружно обернулись ко мне.

– Ваше Величество... – замялись оба, видимо, не зная, как сказать, опасаясь, что императрица заупрямится. Или наоборот – не

заупрямится, и через барьер придётся всё-таки шагнуть. Непонятно, где меньшее зло, а где большее, но выбор из двух зол, несомненно.

– Я так понимаю, другого выхода нет? – спокойно спросила я. Стать птичкой и улететь...

– Увы, Ваше Величество, – облегчённо выдохнул Арил. А я покосилась на некромантку: на барьер она смотрела одновременно со страхом и

надеждой. Готова спорить – она ни разу там не была. Как она себя там поведёт? Как поведём себя там мы все?

– Мы переждём возле границы пожар и сразу же, как будет возможность, вернёмся обратно, – заверил Эйрон. И уже громче, для паладина, сказал: – Сейчас только лорд Рравеш проверит, что перейти барьер безопасно...

Тот возражать не стал. Спрыгнул с лошади, кинув повод Эйрону – странно, но, кажется, со светлым магом Кристиан поладил лучше, чем с тёмным, легко прошёл сквозь барьер. Постоял с той стороны, несколько раз повернулся, помахал Эйрону рукой и направился обратно. Преодоле барьер с небольшой заминкой, словно бы тот распознал в нём что-то родственное нежити – ту же силу, что заставляет мёртвое двигаться, и не хотел выпускать. Впрочем, вряд ли это заметил кто-то кроме меня, да и мне могло показаться...

Очередной порыв ветра принёс тёплый, почти горячий воздух и привкус дыма.

– Огонь не простой, – вдруг обронил Эйрон, задумчиво перебирая пальцами в воздухе – словно расщепляя его. – Разгореться ему помогли магией, так что быстро он не погаснет.

Комментировать никто не стал. Да и что тут сказать? Охота это на некромантку или же покушение на императрицу, в любом случае единственный шанс спастись – перейти на проклятые земли.

Теперь барьер пересёк Арил... и мигом оказался на земле – перепуганная лошадь взвилась на дыбы, и, сбросив седока, метнулась обратно. Эйрон выбросил руку вперёд и что-то шепнул – лошадь остановилась, встряхивая головой и тяжело дыша.

– Ваши Величества, вам лучше спешиться, – учтиво произнёс светлый маг. Я была уверена, что справлюсь с лошадью, удержусь на любом, самом диком животном, даже и без седла... но, пожалуй, не время и не место это демонстрировать.

Янна тоже предпочла слезть, так что мы пересекли барьер пешком, а Эйрон по одной перевёл лошадей. Как только мы шагнули за барьер, я ощутила поводок, но как-то странно – Рравеш его не натягивал, потому что мне совершенно не больно, и ничего не мешает идти дальше... и в то же время как будто натянул. Рядом то ли вскрикнула, то ли захрипела некромантка, и, взглянув на её перекошенное лицо и полные ярости глаза, я поняла, за чей поводок потянул Кристиан.

Иррийна опасливо шарахнулась от некромантки и схватила за руку Арила.

Интересно, с точки зрения международной дипломатии, означает ли это, что я могу взять за руку Рравеша? Или какой должен быть ответный шаг?

За барьером было жарко. Солнце настолько прокалило сухую землю, что казалось, будто снизу припекает сильнее, чем сверху. Словно пожар, от которого мы бежали, прошёл сюда, но под землёй... Появившиеся почти сразу тучи, а также поднявшийся ветер, никак ситуацию не исправили, кажется, стало даже хуже – ветер был горячим.

– Пить, – жалобно простонали Янна и Иррийна хором. Я воздержалась, хотя раскалённый воздух забивался, кажется, везде, моментально высушивая изнутри и снаружи. – Я не вынесу тут и часа... – со слезами в голосе добавила королева.

– От барьера надо убираться, и как можно дальше, – мрачно говорит Эйрон, рассматривая тучи над головой. И, кажется, он совсем не о жаре.

– Что не так? – спрашиваю я, уже догадываясь – слишком активно собирается дождь, чтобы можно было списать на обычную смену погоды... это результат магии, как и огонь, а значит....

– Дождь вызван магией, огонь вызван магией. Когда они встретятся, будет сильный резонанс, – поясняет Арил. – Пожалуй, нам и в самом деле нужно куда-то отъехать... да и от дождя не помешало бы укрыться...

Не сговариваясь, мы все смотрим в сторону полуразрушенного города. Говорят, когда-то Кирремия и Империя были единой страной, и столица была здесь. А потом злобный некромант, не поделивший что-то с королём, всех проклял, превратив живых людей в зомби. В библиотеке у Берана я даже прочитала, что ненависть некроманта была так велика, что где-то там в центре погибшего города до сих пор есть источник противоестественной силы, заставляющий всех, кто погиб на проклятых землях, восставать нежитью...

Магам – это было видно по глазам – в город хотелось, очень хотелось, как мальчишкам отыскать спрятанные много лет назад сокровища. И я, кажется, тоже недалеко ушла от этих мальчишек. Иррийна... ей просто хотелось убраться куда-то от этой жары, а Янну, понятное дело, никто и не спрашивал.

Вблизи город выглядел странно: неоднородно. Дома были либо абсолютно целые, либо полностью разрушенные. Полуразрушенных, ещё стоящих, но уже потрескавшихся не было, хотя таковые как раз можно найти в любом городе. Хотелось было предположить, что уцелели те дома, на которые были наложены качественные чары – ведь на любой более или менее приличный дом накладываются сохраняющие заклинания... но нет. Уцелевшие дома были абсолютно разными по размеру и по достатку их бывших хозяев, также как и разрушенные, насколько можно было судить по обломкам.

Долго выбирать укрытие нам не пришлось – упали первые капли дождя, и маги, не сговариваясь, бросились к ближайшему же сохранившемуся дому. Арил и Эйрон развернули щит, а Рравеш нырнул внутрь дома, прихватив с собой Янну. Не знаю, зачем. Мне не хотелось думать, что бывший паладин будет на ней проверять ловушки, но другого объяснения в голову не шло – как некромант она вряд ли сильнее или умелее Рравеша. Может быть, он просто боится, что она попробует выпить кого-то из нас? В основном в глазах девушки плескался страх, приправленный неприязнью и обидой, но иногда мелькала чернично-чёрная жажда, я её прекрасно узнавала, и справлялась с ней некромантка из рук вон плохо...

– Заходим, – скомандовал вернувшийся Рравеш, и мы поспешили укрыться от жара, от дождя, магического резонанса и всего остального. Людям привычно чувствовать себя защищёнными внутри стен... Лошади нашего энтузиазма не разделяли, но Эйрон снова над ними поколдовал, и как-то упишал в небольшую конюшню – кажется, она была рассчитана всего на две, максимум три лошади, и тоже, что удивительно, не пострадала...

В доме было свежо, прохладно. И вещи все оказались целыми...

– Сколько времени прошло? – поражённо спросила Иррийна. И я рада, что она задала этот вопрос, ведь он крутится и у меня на языке, но императрица Киррея точно не стала бы спрашивать. Она знала.

– Пятьсот пятнадцать, Ваше Величество, – отозвался Арил. –

Поразительно...

– Я проверил все помещения, – сказал Рравеш. – Но на всякий случай ничего не трогайте.

Иррийна тут же отдернула руку, протянутую было к статуэтке на бортике камина. Посмотрела на паладина и открыла рот, чтобы что-то сказать...

– Лорд Рравеш, я бы хотела осмотреть весь дом, – я бесстыже воспользовалась статусом Кирреи и нерешительностью королевы. –

Проводите меня?

Мне досталось два злобных взгляда от девушек: Иррийна, думаю, сожалеет, что не успела или не догадалась, а Янна... она просто зла на

Рравеша и на всех нас. И учитывая, что на её шее поводок, некромантку можно понять. Впрочем, как и Кристиана – в большинстве случаев некроманты те ещё твари. Да, как и метаморфы.

Паладин безучастно поклонился, предлагая мне руку:

– Разумеется, Ваше Величество.

– Как вы думаете, кто здесь жил?

– Я бы предположил, что одинокая девушка или женщина, Ваше Величество. Судя по тому что видел... Аккуратнее на лестнице, пожалуйста, Ваше Величество. Здесь есть её портрет, пойдёмте, покажу.

Я кивнула. Мне и в самом деле было интересно. А вот паладин поступил совершенно вероломно и лицемерно – стоило нам оказаться на втором этаже, он втолкнул меня в первую же дверь, оказавшуюся ничем иным как спальней, и впился поцелуем в мои губы, кажется, даже раньше, чем захлопнулась дверь. А как притворялся безучастным!

– Ты не равнодушен к императрице! – оттолкнув паладина, я отступила на шаг и обвиняюще прищурилась. В самом деле, в моих других обличьях паладин был куда сдержаннее! – Поймай себе другого метаморфа и с ним удовлетвори...

Рравеш, некромант и просто гад, мягко потянул меня в истинный облик. И снова поцеловал. А я же не железная. Взяла и ответила, не могла не ответить.

– Давай я их усыплю хоть ненадолго, – шепчет паладин, его руки сминают ткань моей рубашки, а дыхание обжигает ставшую невероятно чувствительной кожу.

– Нет!

Как будто сильные маги, а Арил и Эйрон действительно сильные маги, не поймут, что на них было воздействие, и чьё оно было...

– Усыплю навсегда? – спрашивает паладин. Без жалости, но и без особой надежды. Примеряет ампулу ортодоксального некроманта, не иначе.

– Ваше Величество? – раздаётся с лестницы, и я поспешно возвращаю себе облик императрицы, даю Рравешу по жадным рукам и поправляю рубашку.

– Вот портрет, – как ни в чём не бывало равнодушно цедит паладин.

Разве что взгляд полыхает слишком ярко, заставляя меня прятать улыбку.

Портрет небольшой, висит на стене возле окна. Изображена молодая девушка, не сказать что красивая. Миловидная. Милая. Тёмные волосы, карие глаза, белая кожа... платье непривычного фасона, с невероятно пышной юбкой и высоким воротником стойкой. Мне кажется, что портрет висит криво, и я заглядываю под него – не один раз меня отправляли хозяева что-то украсть из чужих тайников, так что я отлично знаю самые популярные места. Сказала бы, что у меня нюх на тайники, но на самом деле это у людей слишком мало фантазии, как правило. Вот и здесь – в стене выемка, а в ней небольшая тетрадь, отлично сохранившаяся как и всё в этом доме. Не нужно быть прорицателем, чтобы угадать – дневник. Какие ещё записи прячут молодые девушки?..

У метаморфов нет совести, и моя тоже то ли потерялась, то ли сдохла семь лет назад, так что я пролистываю тетрадку, с любопытством открываю на одной из последних страниц...

“Мою королеву сегодня казнили...” – бросилось в глаза начало записи, и я вздрогнула. Поняла, что не отдам эту тетрадь никому, даже не покажу, даже и Рравешу, пока не прочитаю.

– Возьму, – сказала я паладину, он лишь молча поклонился, так как в дверях маячил Эйрон.

Дальше мы осматривали дом втроём, а когда вернулись вниз, моим ходом беззастенчиво воспользовалась Иррийна:

– Кристиан, я бы тоже хотела осмотреть дом. Это так интересно...

Осматривать действительно было интересно – многие вещи, которые кажутся привычными, были настолько другими пятьсот лет назад...

Ткани – я пощупала одежду безымянной пока для меня девушки – были грубее, а цвета менее яркими. Посуда тоже другая, в омывальню я не заглядывала, но не удивилась бы, обнаружив там лишь тазик и ничего похожего на современную ванну... С другой стороны, не сказать, что за пятьсот лет изменилось уж очень много. Вон даже слова в дневнике я разбираю без труда...

Рравеш поклонился королеве Иррийне ровно так же безучастно как и мне, и так же предложил руку. Я, улучив момент, показала ему кулак. Паладин ответил улыбкой. Мимолётной, но такой, что у меня сердце замерло, а потом сошло с ума и куда-то заторопилось.

Но я всё же сосредоточилась на дневнике. Не знаю, что именно заставило меня искать информацию о давным-давно казнённой королеве: то ли когда-то услышанная и не до конца забытая информация, то ли интуиция, а может, странная фраза Кирреи, когда она пришла к Берану в дом: “некромант и метаморф – опасное сочетание, как показала история”...

Тогда я не придавала значения. Теперь... теперь я погрузилась в чтение и, кажется, даже рявкнула на Эйрона, желавшего тоже в дневник заглянуть.

Из коротких, иногда эмоциональных, иногда чуть отстранённых набросков складывалась следующая история: Жил да был король. Немного гневливый и скорый на расправу, но зато

храбрый, сильный и щедрый. Хоть и не маг. Магов отчего-то жуть как не любил. И женился он на принцессе соседнего государства, у которой не было никаких магических способностей. Ну, официально не было. А по факту королевой стала принцесса-метаморф.

Девушка, чей дневник я читаю, была горничной королевы, и как-то случайно застала ту в облике кошки. Что примечательно и удивительно – в те времена метаморфом быть было почётно, подобный дар считался одним из разновидностей тёмной магии и особым благословением богини. Изменяющаяся и изменяющая, – с трепетом называла свою королеву горничная. А иногда даже “ниспосланный богиней ветер перемен”. Я, кажется, могла проследить по страницам, как росла привязанность девушки к королеве. Возможно, королева-метаморф была совсем не плохим человеком... Дар она скрыла по приказу отца, во имя выгодного политического союза, ведь король, ненавидящий магов, ни за что бы не взял в жёны принцессу с магическими способностями...

Сгубило метаморфа, как кошку, любопытство. От скуки она гуляла где вздумается, ведь магов не было в окружении короля, и обнаружить её никто не мог, и как-то раз увязалась она за мужем, который в ночи отправился куда-то в подземелье...

А там был он. Младший брат короля. Некромант. Распятый, закованный, избитый... тот, кто якобы пропал несколько лет назад. Тот, о ком

запрещено было упоминать под страхом смерти. Он заметил её, точно заметил, но ни слова не сказал. Королева-кошка сначала зареклась туда ходить. Но картинка измученного тела и напротив очень ярко и непримиримо горящего взгляда не желала покидать память, не давала покоя, прогоняла сон и аппетит. И она, улучив момент, когда муж был в отъезде, пошла. Неизвестно, о чём они говорили, но королева стала ходить туда всё чаще. И король, кажется, что-то заподозрил – всю

прислугу сменили, и горничная оказалась хоть и с солидной компенсацией, но не у дел.

А дальше, через пару месяцев, как гром среди ясного неба – на каждом углу глашатаи и кричат то, от чего кровь стынет в жилах: место королевы занял метаморф, он призвал великое зло, и единственный способ защититься – глотнуть крови этого самого метаморфа. Всем приказано явиться на площадь и испить капли крови... своей королевы. Она, горничная, пришла. Стояла и смотрела, молясь, чтобы небеса разверзлись, чтобы закончился этот ужас, но небо, как обычно, не услышало. Солнце равнодушно освещало жуткий ритуал, и ему, кажется, не было никакого дела, кто уходил с площади просто простившись с королевой, а кто – всадив очередную иглу и отведав крови. Зато... расплата пришла потом. Через три дня после казни на пороге её, горничной, дома появился некромант. И был он до безобразия похож на пропавшего несколько лет назад принца. И он спрашивал о ней, о королеве. Девушка давилась слезами, рассказывая, а он слушал молча и как будто бы равнодушно. А в конце сказал лишь одно: – Я верну её. Я знаю, кем заплатить.

Это была последняя запись, и я отложила дневник. Нет, я вовсе не так наивна, чтобы полагать, что некромант не смог бы расплатиться всеми без исключения жителями, но... почему-то хотелось верить, что уцелевшие дома не случайны. Может быть, и люди уцелели? Может быть, просто ушли?

И почему-то отчаянно хочется, чтобы у него получилось её вернуть. Кажется, я деградирую. Снова становлюсь сентиментальной, как в шестнадцать лет...

Глава 26

* * *

Кристиан Рравеш. Некромант.

– Прогуляюсь.

Город манил. Звал выйти на улицу, хотел куда-то отвести, что-то показать. Понятно, что ничего хорошего некроманта в проклятом городе манить не может, но всё равно интересно. Заглянуть бы во дворец... В отличие от проклятых домов дворец не разрушился, но весь затянут черничной пеленой. Рравеш не рекомендовал бы туда заходить никому, кроме некроманта. И вообще никому заходить туда ночью. Впрочем, до заката ещё есть время...

– Я с тобой! – В глазах у Янны слишком много жажды, чтобы её можно было оставить здесь. Кажется, магический фон начисто сносит ей крышу, она не может сопротивляться желанию убивать, хотя, вероятно, даже и не пытается, и только жёсткий поводок удерживает её от попыток наброситься на ту же Иррийну. Кристиан заметил, с каким выражением молодая некромантка поглядывает на тонкую белую шею королевы, безошибочно определив самого слабого в их отряде...

– Идём, – кивает он.

Ирби молчит, уткнувшись в дневник хозяйки дома, лишь насмешливо вздёргивает бровь. Да, он сегодня кавалер на расхват.

– Вернись до темноты, Рравеш, – хлопает его по плечу Эйрон.

Паладин кивает и, проигнорировав взгляд Иррийны, выходит за дверь. Янна идёт следом.

– Мне нужна жертва, – с ненавистью выдыхает она, стоит им оказаться на улице.

– Нет, – ровно отзывается паладин, накидывая ещё два уровня защиты на дом. – Не нужна.

Девчонка забегают вперёд, заставляя его остановиться.

– Пожалуйста! – в глазах начинают дрожать слёзы. Удивительно. Ирби и за себя даже не просила, а эта девица выпрашивает у него разрешение на убийство. Словно проникновенное “пожалуйста” может сделать чёрное белым, а недопустимое допустимым. Детям, конечно, говорят, что это волшебное слово, но в двадцать лет уже надо бы понимать, что не такое уж оно всемогущее.

Рравеш молча обошёл Янну и пошёл дальше.

– Я не могу больше, эта жажда сжирает меня изнутри! – выкрикнула она. – Лучше бы ты меня убил!

И осеклась, когда он обернулся. Поняла, что маг, держащий её на поводке, кажется, и в самом деле готов убить. Впрочем, Кристиан Рравеш решил дать ей ещё один шанс.

– Ты сама держись за жажду, – обронил, отворачиваясь. – Я изолирую её, а ты сама снова лезешь к ней, потому что жадность не даёт тебе отказаться от силы.

– Жадность? Жадность?! Это не жадность, маг, это инстинкт самосохранения. Я не могу позволить себе быть беспомощной. Не могу!

– Тогда терпи, – равнодушно отзывается паладин и – надоело! – чуть сжимает поводок, лишая некромантку возможности говорить.

Жалко ли её? Нет. Не жалко. Все некроманты, которых он видел, а видел он их преимущественно пойманными, уповают на то, что просто не хотели быть беспомощными. Как будто это может оправдать убийства.

Или как будто несправедливость, однажды совершённая по отношению к тебе, оправдывает любой творимый тобой беспредел...

Город привёл его к площади перед дворцом. Чернично-чёрная брусчатка, такой же помост, такая же дыба на помосте. Не имеет значения, из чего сделаны предметы, они все теперь чёрные, и, кажется, все превратились в страшные артефакты разрушения. Взять один такой камешек, подбросить его недругу, и тот сойдёт в могилу за неделю... а потом, может, ещё и вылезет из могилы.

Янна, опустившись на колени, гладит камни, и в глазах её столько черноты, что Рравеш уже почти не верит, что её можно спасти. Но всё-таки тратит свою силу на то, чтобы отсечь от непутёвой девицы черничные щупальца.

У помоста какая-то надпись – чёрное на чёрном, но каким-то чудом заметно, и он идёт к ней.

“Метаморф. Обвиняется в убийстве королевы и в том, что обманом занял её место. Обвиняется в пособничестве некроманту и покушении на короля. Подлежит медленной и мучительной казни через обескровливание. Всем, кто желает защититься от зла, и верен королю, явиться за своей каплей крови”.

Это не первый и далеко не самый страшный приговор, который паладин прочитал в своей жизни, но ему на редкость неуютно и даже немного жутко. Может быть, потому что “метаморф” теперь значит для него нечто особенное?

“Всем явиться за своей каплей крови”... Какая злая ирония – кровь метаморфа и в самом деле способна помочь в защите от колдовства и проклятий, но только отданная добровольно, и только если метаморф жив.

Рравеш чуть дёрнул за поводок, призывая Янну отлипнуть от помоста – кажется, девушка очень хотела с ним слиться в экстазе и остаться рядом навечно, и направился во дворец. В чёрный-чёрный дворец. В чёрную-чёрную библиотеку... Чёрный-чёрный маг-некромант.

Если очищать земли, – вдруг подумалось ему, – надо в первую очередь

избавляться от площади и дворца. А избавиться от них будет непросто. Огонь не возьмёт... А что возьмёт – непонятно. Впрочем... в наличии земель нежити между Кирремией и империей есть даже определённые выгоды – муж прекрасной императрицы Кирреи, император Шайи-Терр обладает отнюдь не мирным характером и с удовольствием бы присоединил страну жены к своей.

Библиотека оказалась бедна. Часть полок пустовала, а часть была завалена свитками с приказами. Сначала Рравеш подумал, что кто-то наведался в библиотеку и вынес оттуда ценные книги, но нет. Никто не нарушал покой этого места уже очень давно. Кажется, с самого момента проклятия, и вряд ли дело в недостатке желающих... Может быть, просто ни один чёрный маг не додумался вляпаться ещё и в некромантию? И чёрных магов дворец просто не пропускал, а некроманты пускали слюни на площади, не в силах оттуда уйти и сами уже никуда не хотели... Так что библиотека была вычищена ещё до. И, надо полагать, по приказу короля. Вроде бы король, во время правления которого было наложено проклятие, магов не особо жаловал. Впрочем, не жаловать и не желать ничего о магах знать – совершенно разные вещи. Даже противоположные, но идиоты встречаются и среди королей...

Паладин наугад вытянул один из крайних свитков. Вот же мерзость – как раз приказ о казни несчастного метаморфа.

– Что это? – тут же заинтересовалась девушка. Встала рядом – слишком близко, ещё и голову на плечо попыталась пристроить. Паладин этим самым плечом раздражённо дёрнул, отошёл подальше, а свиток раздражённо отбросил.

Следующий свиток с приказом – как любопытно... Уничтожить все книги, где порождения чёрного – метаморфы по ошибке причислены к людям с магическим даром, книги с информацией о их магии и путях её развития тоже уничтожить... Вот урод!

Не приходится сомневаться, что некромант обеспечил этому идиоту-королю весёлое посмертие, но вот что-то прямо тянет убедиться!

Выносить что-либо из дворца – очень плохая идея, но Рравеш сунул свиток за пазуху. Этот приказ должен стать известен, и всё тут. Иногда на восстановление исторической справедливости уходит несколько веков, но это не повод откладывать ещё на столько же...

Громко вскрикнула Янна с другой стороны помещения, и паладин, отметив, что стало темнее – солнце близится к закату, подошёл к ней.

Девушка застыла перед портретом, а с портрета... с портрета смотрел смуглый, черноволосый мужчина, чем-то неуловимо, но очень существенно похожий на самого Рравеша.

– Это ты! – воскликнула девушка. Восторженно. Дура. Вероятно, зря он позволил ей снова говорить...

– Нет, – огрызнулся паладин.

Принц Рравир Эш Астен. И, судя по годам жизни, принц закончил свой жизненный путь за несколько лет до проклятия. Кристиан напряг память. Что-то там было про этого принца. Отравили? На дуэли погиб? Пропал?.. Точно. Пропал. Вот гадство!

– Пора убираться, – говорит паладин. И Янна сходит с ума:

– Давай задержимся ещё чуть-чуть... – шепчет девушка и тянет с себя рубашку. И когда только расстегнуть успела? – Ненадолго... Я буду представлять, что ты – принц, и это будет так романтично...

Рравеш понимает, что Янна не в себе. Слишком сильно давит на неё фон проклятых земель, вытаскивая не самое лучшее, что в девушке есть, но всё равно ничего не может поделать с презрительной жалостью. Нельзя девушке предлагать себя равнодушному мужчине, он не оценит и станет относиться куда хуже, чем до этого. Несмотря на это, а может, как

раз из-за неприязни, где-то внутри шевельнулась жажда: возьми её жизнь. Она ведь больше ни на что не годна. Она сошла с ума... Она опасна для королевы и для Ирби. Одну ты должен защищать, другую хочешь защитить... Убей. Выпей. Сил станет ещё немного больше, ведь силы лишними не бывают... Можно даже подарить этой запутавшейся девочке немного страсти и тепла, пусть она умрёт счастливой... Выпей. Так будет для всех лучше...

– Оденешься по дороге, – сухо бросил, подкрепляя приказ чувствительным сжатием поводка. И даже не стал оборачиваться. Солнце неуклонно катилось к горизонту, и где-то по подвалам зашевелилась нежить. Скорее всего, те, кого некромант проклял полтысячи лет назад, уже давно стали прахом, но на этой земле любой убитый становится нежитью. Рравеш чувствовал их. И знал, что может им приказать. Вот так вот просто, даже не вливая никакой дополнительной силы. Как ни неприятно это признавать, но... просто по праву крови. Он и приказал – держаться подальше.

А вот что настораживает... это вампиры. Нечего здесь делать вампирам, ведь они любят комфорт, красоту и тёплую людскую кровь. И, вероятно, легко пролетают над барьерами... И всё же он уверен – где-то рядом вампир. Даже несколько вампиров. Они кружат и что-то... вернее, кого-то высматривают.

Сначала паладин подумал на того беловолосого вампирчика, с которым целовалась Ирби. И то, что она сделала это ради него, только добавляло желания свернуть вампирчику шею. Но нет, это был не он. Более слабые вампиры, но их несколько.

Не чувствуют в нём силу некроманта, ведь она завёрнута в тёмную магию, а здесь такой уровень проклятия, что любой камень фонит как заправский некромант...

– Янна, – позвал Рравеш, больше для вампиров, нежели испытывая желание пообщаться с девицей. – Ты приметы знаешь?

– Какие? – почти испуганно спросила девушка. Удивительно, но, кажется, его грубый отказ во дворце почти вернул ей мозги на место. По крайней мере, теперь девушка не так стремилась к источнику силы внутри себя, и даже начала о чём-то думать кроме жажды.

– Погодные, – усмехнулся паладин, на секунду закрывая глаза. –

Вампиры летают низко, это к чему? К дождю?

– Ва-вампиры? – переспросила Янна. И пока она переспрашивала, Рравеш уже затянул поводки на всех троих. Глупые, глупые вампиры.

Кто же подлетает так близко к некроманту...

Двое мужчин и одна девушка. Все трое шипели, извивались, пытались снять сдавившие шеи и причиняющие ощутимые неудобства арканы.

– Поговорим? – чуть улыбается паладин. Кажется, засветло они уже не успели.

Дом его впустил. Практически сам распахнул приветливо двери, несмотря на щиты Эйрона и Арила. Дом просто сделал в них лазейку, а

Рравеш в эту лазейку просто прошёл, и Янну за собой протянул. Все так и сидели в гостиной, несмотря на поздний час. Ещё бы, ведь ночь – самое опасное время здесь. Рравеш даже решил на Арила за испепеляющее заклятие не злиться – тёмный маг смущённо извинялся после того, как паладин это заклятие развеял.

А потом он встретился взглядом с Ирби, и понял, что на Янну всё-таки следовало посмотреть до того, как они вернулись в дом. Волосы девушки были взлохмачены, губы искусаны и припухли, а рубашка застёгнута криво...

Ирби в облике императрицы смотрела с подчёркнуто холодным любопытством. А у него не было никакой возможности оправдаться, и

даже про вампиров не расскажешь – обычный чёрный маг не может поймать вампиров на некоторое подобие поводка и попытаться допросить. Только некромант. А раскрывать все свои секреты всем он пока не готов, не убивать же магов потом в самом деле...

* * *

Рравеш не вернулся до темноты, и сердце моё запаниковало. Я мысленно костерила рискованного некроманта на все лады – прогуляться ему, видите ли, захотелось, хотя внешне оставалась спокойна, и даже вела почти светскую беседу с Эйроном и королевой Иррийной: светлый маг развлекал и отвлекал нас как только мог.

Лететь за ним, лететь за ним – билось в моей голове, когда ругательства в сторону паладина заканчивались. Но я пока не могла придумать как.

Никто не оставит меня в одиночестве на сколько-нибудь продолжительное время. Но и просто сидеть... невыносимо!

В глазах магов тоже пляшет тревога: и за Рравеша, и за судьбу всего нашего маленького отряда, ведь паладин, чтоб его, сильнейший маг, а ещё и некромантка ушла с ним...

– Мне страшно, – говорит Иррийна.

– Не волнуйтесь, Ваше Величество, – отзывается Арил. – Мы поставили защиту, никто не войдёт без разрешения...

И именно в этот момент, несмотря на всю пресловутую защиту, заходит Рравеш, а за ним – кажется, он даже дёрнул её за руку, или просто держал и отпустил? – Янна. Кристиан выглядит чем-то недовольным, а Янна... ох! Она выглядит как женщина после близости. И да, я понимаю, что это ничего не означает, но всё равно подобный вид некромантки подстёгивает злость на паладина за то, что он так долго где-то шляется. Свободное кресло есть возле Иррийны, но паладин идёт ко мне. Садится на пол, на ковёр возле моего кресла.

– Ваше Величество, вы разрешите мне прочесть дневник?

Я молча отдаю. А маги отмирают и набрасываются на паладина с вопросами.

Он рассказывает про площадь. Про пустую библиотеку во дворце. И про приказ на казнь... Кажется, Янна хочет что-то добавить, но лишь еле слышно хрипит. Мне кажется, никто кроме меня не понимает, но я знаю – так душит и не даёт сказать поводок. Что ты скрываешь, Рравеш? И от кого?

Ночь прошла удивительно спокойно. Не знаю, как остальным, а мне удалось даже поспать, пусть и в кресле. Иррийна, наверное, тоже – судя по отпечатавшемуся рисунку обивки на её щеке. Имперские маги выглядели бодро, и вроде бы довольными, но и слегка разочарованными. Кажется, им хотелось испытать свои силы, да и вообще, виданное ли дело – проклятые земли и ни одного зомби.

– Возможно, земли уже не такие уж проклятые, – задумчиво произнёс Арил.

Янна тихо фыркнула и посмотрела на Рравеша. Это он что-то сделал, что нас не тронули и к дому даже не подошли.

– Угу, – сказал Эйрон. – А деревья просто так мрут, и животных здесь тоже нет просто так... Нам повезло, стоит поблагодарить богов за везение и побыстрее отсюда убраться.

Судя по тоскливому взгляду Арила, ему очень хочется в проклятый дворец. Пока мы завтракаем, маг даже пытается выяснить у Рравеша, как туда попасть. Тот качает головой:

– Даже не пытайся. Для этого тебе нужен некромант, причём тот, который не спит на площади.

Тёмный маг тут же с интересом смотрит на Янну.

– Нет, – говорит паладин, укрепляя всех в мысли, что у них с некроманткой вчера что-то было. И, кажется, только я понимаю, что “нет”

– это значит, что вовсе не Янна его туда провела. Сам Рравеш.

– Если надумаешь сюда потом ещё наведаться, я в доле! – не сдаётся Арил.

– Учу, – сухо отзывается тайный некромант.

– Увы, возвращаться пока ещё нельзя, – сообщил Эйрон, возвращаясь с улицы в дом. – И ещё пару дней, наверное, будет нельзя...

– Нам придётся остаться здесь? – тихо и кротко поинтересовалась Иррийна.

– Увы, оставаться здесь мы тоже не можем. Тут ничего не растёт, нам нечем кормить лошадей. Я подпитал их магией, но больше двух дней так делать нельзя.

Рравеш расстелил карту:

– Тогда сюда?

Путь через горы. На два дня. Ещё одна ночёвка, и пусть довольно далеко от эпицентра, но... без крыши над головой. До храма уже слишком далеко, да и нельзя мне туда...

Некоторое время мы все молча смотрим на карту. Других вариантов, кажется, нет? Тогда едем!

– Три вампира, – говорит паладин, улучив момент.

– Где? – тихо спрашиваю. Если что, я ни при чём, у меня один знакомый вампир, и того Рравеш прогнал.

– Вчера разыскивали Киррею. Остальных им разрешено было выпить.

– Кем?

– Старшим вампиром, – чуть улыбается паладин. А то это и так непонятно... – Помнишь, Иррийна рассказывала о странном поведении Киррона? У него сильная защита от заклятия, несмотря ни на что, так что, скорее всего, дело во влиянии вампира.

Он замолкает, но я дальше могу додумать сама. То, что Киррон, поверив в лояльность инквизиции, дал свою кровь, то, какие эпитеты Рравеш мог бы применить к Главному Инквизитору, да и стоит вспомнить город во власти вампиров... наверняка, он такой не один.

Чуть позже ко мне подкатывает Арил, имперский тёмный маг.

– Ваше Величество, девушка-некромантка – очень ценный... маг, раз она может провести во дворец на проклятой земле. Её надо отнять у Рравеша и...

– Отдать вам? – спрашиваю я.

А чего ходить вокруг да около?

– Да, Ваше Величество.

– А вы удержите её, Арил? – миролюбиво интересуюсь я. – Вы замечали, какой жадой вспыхивают её глаза? Как она смотрит на меня, на Иррийну? Уверены, что вы будете ею вертеть, а не она вами?

– Ваше Величество, – обиженно начал маг, – я уже десять лет служу при дворе, и мне казалось, зарекомендовал себя как достаточно сильный и лояльный...

Вот тут мне пригодились золотисто-синие всполохи в глазах. Сверкнув ими, я пояснила, ибо ссориться со своим же магом – не дело, а обещать ему дикую некромантку и того хуже...

– Я не про количество магии, Арил. Я про другое. Вы слишком сильно хотите вернуться в проклятый город. Она вас обманет и сожрёт. Кажется, маг собирался в лучших традициях обиженного ребёнка спросить "А Рравеш?!", но к счастью, всё-таки удержался.

Очень хотелось пить. Я отдала свою флягу с водой Иррийне, а каждый из магов пытался самоотверженно вручить мне свою... Не стоит. Я потерплю до вечера в надежде на источник в горах. Не знаю, какого там

качества вода, но у нас нет выбора, и вся надежда у меня на паладина, а у остальных на некромантку – может, очистит воду от проклятия... Должна признать, что теперь, когда дорога и в самом деле стала очень трудной, королева держалась не так уж и плохо. А Янна... Ей Рравеш, кажется, вдохнуть лишний раз не давал, и если она и хотела жаловаться, то не могла... Я понимала её, как никто. Жалела. Но освободить и не думала пытаться.

Путь слился в моих воспоминаниях в одно большое пятно из жары и жажды. И несколько волшебных глотков – паладин незаметно вливал в меня силу, и я должна признать, что вкус её поменялся – раньше была сладость и свежесть, теперь немного горчит, словно в апельсиновый сок добавили что-то от грейпфрута... Да, на фоне иссушающей жажды все сравнения, которые приходили в голову – только с напитками... Но всё и всегда заканчивается, всё проходит, закончился и этот переход. И, пожалуй, самым трудным оказалось не броситься к воде, стоило лишь её даже не увидеть, а то ли услышать, на грани, то ли почувствовать каким-то неизвестным чувством путника в пустыне.

Маги долго колдовали над набранной во фляги водой и, наконец, рискнули попробовать. А потом предложили и нам. Вода казалась какой-то не такой, словно не живой, но, по крайней мере, она не была опасна, и я сбилась со счёта, сколько выпила...

Потом мы с Иррийной просто сидели на земле, прислонившись друг другу – воистину, ничто так не сглаживает конфликты, как общие страдания. Они сближают, чёрт возьми, хотя Её Величество королева Иррийна – совсем не та, с кем хотелось бы и стоило бы сближаться... – Удивительно, – сказал Арил, когда стемнело, а к нашему костру так и не попытался прорваться ни один зомби. – Похоже, теперь это не земли нежити, а пустынные земли...

В его голосе только глухой не услышал бы просыпающуюся жадность... – Уверен? – в голосе Янны явственно читается насмешка. Не по статусу ей так разговаривать с магом, но он лишь очаровательно улыбается в ответ – кажется, решил не покорить, так очаровать девушку: – А ты видишь где-то нежить, прекрасная некромантка? Я не вижу. – Посмотри получше, – жёстко усмехается та.

Арил демонстративно оглядывается, и даже подходит к границе круга. Высокомерно и снисходительно улыбаясь, протягивает руку... И в неё тут же вливается пара чьих-то костлявых конечностей. Маг отшатывается, оставляя в руках нежити рукав, зажимает рану, а возле круга, видимо, почуяв запах крови, начинает бесноваться нежить. Они щупают круг, словно это стекло, ходят кругами, пытаясь найти щель, и от звука, с которым двигается мёртвое, волосы дыбом встают на голове. Даже у меня, хотя, казалось бы, я неплохо своим телом управляю... – Они... не прорвутся? – тихо спрашивает Иррийна, вцепившись в руку Рравеша. Я, честно признаться, отлично её понимаю – сама бы вцепилась во вторую, просто чтобы утащить вверх было быстрее, если защитный круг падёт... но несолидно будет.. – Нет, если господин имперский тёмный маг не сочтёт нужным подкормить их ещё своей кровью, – усмехается паладин. Арил молча покачал головой. Кажется, идея заняться покорением проклятых земель мага покинула. И, кажется, Рравеш этого и добивался.

Глава 27

– Дорогая, на пару слов, – раздалось прямо над ухом, и я испуганно открыла глаза.

Голос был мне незнаком, а интонация звучала крайне угрожающе, но зомби вряд ли могут так внятно разговаривать, а кому другому совершенно неоткуда взяться здесь, в проклятых землях...

Янтарные глаза с вертикальным зрачком, равно как и красно-рыжие, огненные волосы я раньше никогда не видела... разве что на картинках.

Волосы. А вот глаза императору всегда рисовали обычные, человеческие.

А он... нет. Не человек. Ни на половину, ни на четверть, ни на единую капельку. И мне страшно произносить даже про себя, кем на самом деле, оказывается, является наш император...

Он подался назад, давая мне место подняться, и я огляделась. От увиденного стало ещё больше не по себе: все мои спутники обездвижены, словно время для них замерло, а сам император в одних лишь штанах и босиком – несмотря на неуместность и несвоевременность не могу не отметить, что проблема поиска одежды после оборота стоит не только перед метаморфами, но и актуальна, так сказать, на самом высочайшем уровне!

Наверное, надо было сразу выпалить заветные “Айш аймар аре шелло” – теперь-то понятно, что это за неведомый язык, и во всём сознаться, но я преступно медлю, отчего-то не желая раскрывать обман при всех, и молчу, ведь как-то не приходит мне ничего другого в голову кроме этих, надеюсь, спасительных слов... Я даже не знаю, как Киррея называет супруга. А ещё... Ещё она сумасшедшая. И отчаянно смелая – Шайи-Терр повергает в ужас и трепет одним своим присутствием, не говоря уже о взгляде...

Мы – император крепко держит меня за руку, кажется, с трудом сдерживаясь, чтобы не сдавить до хруста, и я на всякий случай укрепляю кости и кожу до максимума, борясь с самоубийственным желанием отрастить шип в том месте, где сжимаются венценозные тиски... Мы выходим за охранный круг, но уже светло и нет в поле зрения ни единой нежити. Я бы, сейчас, наверное, обрадовалась даже самому кровожадному зомби – император хоть ненадолго бы отвлёкся, давая мне время собраться с мыслями. Потому что его присутствие давит на все органы чувств, мешая сосредоточиться... Киррея – сумасшедшая, однозначно. – Итак, метаморф, – тиски отпускают мою руку и перемещаются на горло. Я тут же укрепляю шею. – Где моя жена? У тебя одна попытка. – Не знаю, – честно ответила я... и поняла, что попытка была и в самом деле одна, а значит, надо было изо всех сил кричать “айш аймар аре шелло”, желательно абстрагировавшись от смысла этих слов, потому что замуж за него никто в здравом уме не захочет. А уж угрожать смертью... Рука на горле сжалась, и я не знаю, что стало бы с обычным человеческим горлом.

– Может, проверим, хорошо ли тебя натаскали, метаморф? – Щурятся и так узкие, вытянутые глаза. – Рассказали тебе, как сделать мне приятно?..

Я смотрю прямо в янтарь, и не собираюсь отводить взгляд. Выдержать не так уж просто, но зато я вижу: слова – лишь попытка запугать. Не будет он меня трогать. Побрезгует.

– Айш...

Договорить не успеваю – нос и горло забивает тошнотворный запах, а император меня отпускает... И я не знаю, плакать или смеяться – теперь нас окружает медленно сжимающееся плотное кольцо нежити. Среди бела дня! Вот уж в самом деле – осторожнее надо быть с желаниями, осторожнее! Тем более с такими экзотичными...

Зомби, все как один, делают шаг ближе. И ещё. Император отворачивается от меня, наверное, решая, перекидываться ли... и где потом брать новые штаны. Дались они мне! А я понимаю, что мне-то

сейчас как раз самое время стать птичкой и улететь, но не делаю ни одной попытки. Уж точно не потому, что не могу бросить императора в опасности. Просто... зомби не пришли бы ведь сами? А значит...

– Ваше Величество!

В круг выходит Рравеш. Невольно я подношу руку ко рту – преодоление драконьей магии далось ему непросто: кровавые подтёки из глаз, а в самих глазах столько черничной тьмы, что, кажется, она там не помещается, выплёскивается, и почти осязаемо клубится вокруг, кажется, заглушая даже запах тлена.

– Ты мне угрожаешь? Отродье чёрного принца... – кривит рот в неприятной усмешке император.

– Всего лишь хочу забрать своего метаморфа, – отзывается Рравеш. И улыбается. И у него, честное слово, получается куда более жутко, чем у императора.

– Так значит, это ты стоишь за исчезновением моей жены?..

Штаны на императоре начинают тлеть, а сам облик теряет чёткость, начинает расти и плыть.

– Она сама! – поспешно и отчаянно выдыхаю я. – Мы действуем по её приказу! Айш аймар аре шелло! – Рравеш вопросительно изгибает бровь, и я надеюсь, что это всего лишь вопросительно, а то уж очень похоже на иронично, но он ведь не знает, как это переводится, правда? – Айш аймар аре шелло!! Вы же знаете, Ваше Величество, эти амулеты невозможно снять против воли!..

– Силой нельзя, – медленно говорит, кажется, чуть успокоившийся император. – Но можно хитростью.

Паладин совершенно невежливо хмыкает и озвучивает то, что я тоже подумала, но не решилась высказать вслух:

– Обмануть ту, что читает души?

Шайи-Терр бросает на некроманта не предвещающий ничего хорошего взгляд, однако тон его почти примирительный:

– Убери свою падаль, дышать нечем.

Кристиан вроде ничего не делает, но нежить начинает отступать.

И я аккуратно возвращаю чувствительность своему носу. Есть и у метаморфов некоторые преимущества перед драконами...

– Рассказывай... метаморф, – говорит император-дракон. – Где Киррея, и что она удумала?

– Её Величество Киррея, вероятно, в Кирремии, – аккуратно начинаю я.

Но императору не нравится – он раздражённо дёргает плечом и, кажется, даже рычит на каком-то ментальном уровне. Я вздрагиваю.

– И что она там делает?

Он даже голову набок склоняет совершенно нечеловеческим движением.

Вряд ли большинство людей осознают эту странность, но я слишком хорошо знаю возможности человеческого тела – у него там лишние позвонки, абсолютно точно. Дракон, чтоб его.

Её Величество Киррею я сдаю охотно и быстро. Впрочем, кроме того, что она собиралась отыскать своего брата, мне и сказать-то нечего, но я несколько раз подчёркиваю, что затея была полностью её. Шайи-Терр случает молча. И злится, это видно. Вот только теперь не на меня, и от этого тоже становится легче дышать...

– Заставь её вернуться, некромант, – говорит император. – Я уже отправил в Кирремию элитный отряд, но она должна вернуться. Делай, что хочешь. Можешь, хоть связать и силой отправить обратно. Если она вернётся в империю или хотя бы покинет Кирремию в течение недели, целой и невредимой, я забуду твою дерзость. И в награду проси, что пожелаешь.

– Я присягал Кирремии, Ваше Величество, – холодно отзывается этот идиот. Не мог промолчать просто! – И буду действовать в её интересах. Зрачки императора снова становятся вертикальными, он, не проронив

более ни слова, уходит куда-то в сторону нашей стоянки. Вряд ли штаны вернуть, скорее, снять заморозку.

А мы стоим и смотрим друг на друга. И я не могу не думать, что паладин – просто магнит для проблем. Сначала инквизиция приговорила, потом некромантом стал, а теперь вот ещё и, пожалуй, самым могущественным и самым безжалостным врагом в нашем мире обзавёлся... Драконы не прощают.

– Любить так королеву, враждовать так с императором?.. – криво улыбаюсь, стирая кровь с щеки Рравеша. Вот чего ему заколдованным у костра не лежало-не сиделось? И чего я сразу не выкрикнула заветные слова?.. Впрочем, вряд ли бы это помогло.

Паладин вскидывает руку, я даже чувствую поток магии... и огонь Его Величества Шайи-Терра, огненного дракона пролетающего над нами, растворяется в тьме, не причиняя вреда. Вряд ли он и в самом деле

планировал наглого некроманта убить, скорее обозначил перспективы...

– Дурак ты, паладин, – шепчу я, кусая губы и старательно моргая, чтобы загнать обратно наворачивающиеся слёзы. Я же не плачу. Я никогда не плачу... – Зачем было так подставляться?

К вечеру мы вышли за барьер. Наши спутники, кажется, и не заметили прихода императора, разве что Арил, возможно, что-то подозревал. Может, не досчитался одежды? Или Шайи-Терр, ничтоже сумняшеся, всё же вернул прожжённую?

Зомби пропали, как не бывало. Янна сверлила Рравеша влюблённым взглядом, Иррийна наоборот – избегала смотреть. Имперские маги тарасились на меня и иногда – подозрительно – на паладина.

Объяснять, почему мы утром вернулись из леса вместе, никто из нас не стал, а у магов хватило благоразумия не спрашивать.

Барьер охотно выпустил нас всех, и даже Янну, а вот Рравеша... В этот раз я уверена – не показалось, барьер очень хотел задержать паладина-некроманта, он опутал его сетью и изо всех сил не пускал... Но не справился. Лопнул. "Прорыв!" – похолодела я, а Кристиан – он шёл последним, и обернулись на него только я да Янна, подхватил разорванные нити и заново связал.

Переночевали мы в лесу, я с тоской вдыхала свежий запах, до боли хотелось сменить обличье. Хоть на волчье, хоть на воронье, да можно и на русалочье... Но под неусыпным контролем магов – нечего и думать. Император, хоть и разоблачил меня, приказа прекратить маскарад не отдавал... Я томила и маялась, и так ещё пару дней, пока мы не прибыли в небольшой городок, где заночевали, наконец, на постоялом дворе. Удивительно, но за всё время путешествия по Кирремии нам не встретилось ни одного патруля. Где все эти инквизиторы, которые так истово искали сначала паладина, потом королеву, и во все времена портили жизнь метаморфам?.. Я бы не отказалась надменно процедить что-нибудь сквозь зубы, осаживая какого-нибудь излишне бойкого инквизитора или паладина...

Маги осмотрели и просканировали весь постоялый двор, где не было других постояльцев кроме нас, и, кажется, сочли достаточно безопасным, благодаря чему я, наконец, впервые за долгое время осталась одна. В отдельной комнате, наедине с ванной, полной тёплой воды... и скорее от нечего делать, нежели действительно что-то подозревая, играюсь со своими возможностями. Благодаря Рравешу мой магический резерв полон под завязку, и я усиливаю чуткость слуха до предела, пытаюсь угадать по звукам, что происходит. Вот это на кухне – подавальщица и кухарка сплетничают о нас. Трое девиц и трое магов. Кто чей, кто с кем спит, куда мы едем, и к кому из мужчин лучше всего подкатить, кто щедрее и могущественнее... Глаза я прятала, а просто по

внешнему виду мало кто из простых людей способен признать свою бывшую принцессу... да и королеву свою они тоже не признали.

Забавно.

А вот маги – Арил и Эйрон... Арил снова за своё – уговаривает Эйрона подступиться к императрице с просьбой забрать Янну. Он, наверное, прав. По крайней мере, в той ситуации, которая видится ему. А в той ситуации, что видится мне – бесконечно назойлив и по-дурацки упрям. А вот... вот Рравеш. И в комнате у него... кто бы мог подумать! Её Величество настоящая императрица Киррея.

– Я проведу ритуал поиска по крови, – сказала она.

– Тем самым вы вряд ли его найдёте, но обнаружите своё присутствие, Ваше Величество, – учтиво, но неодобрительно отзывается паладин. –

Вас ищут. Вампиры ищут. По крови точно найдут.

– Они придут сюда. К вам. А я буду далеко. Из метаморфа получился чудо какой хороший пегас, – отзывается императрица.

Я готова спорить, что пленённый Рравешем метаморф уже души в своей хозяйке не чаёт. Знание о том, кто на самом деле император, заставило посмотреть на Киррея по-новому. Я недооценила её и недооценила очень серьёзно. Обычный человек не сможет встать рядом с драконом, а уж чтобы дракон ещё и дорожил человеком и волновался... А Шайи-Терр как раз чертовски за неё волновался.

– Тогда вы подставьте Ирби, – сухо говорит Рравеш.

– Ты позволишь её забрать. И магам не дашь помешать, – после небольшой паузы говорит Киррея. – Прости, но так надо.

– Нет, – тут же говорит паладин.

Тишина, и я представляю, как в её глазах роятся золотистые искры. Разумеется, она его убедит. Иначе и быть не может. Киррея не начинает разговоров, из которых не сможет выйти победительницей. Подсмотрит в его душе что-нибудь и найдёт правильные слова... Ну вот. Уже нашла.

– Барьер со стороны Кирремии истончается, Кристиан, – медленно говорит императрица. – Разрушается. И... всё указывает на то, что это Киррон сотворил. Я попыталась остановить, но не смогла. Он – коронованный король, он – старший, его связь с Кирремией, его сила куда больше... Так что если его не найти, очень скоро вся нежить, а ты ведь знаешь... Ты был на этих землях и лучше всех теперь знаешь, сколько там нежити... Всё это выплеснется в нашу страну.

Рравеш не перебивал, но, кажется, скрипнул зубами, и Киррея отвечает на невысказанное возражение:

– Невозможно будет их удержать, Кристиан. Ты просто не соберёшь всех зомби в одном месте, а если и соберёшь... я вижу твою жажду. Она уже почти больше, чем твой огонь. Не совладаешь ни с собой, ни с ними...

Паладин молчит.

– Мне жаль, – тихо говорит Киррея, и я почему-то представляю, что она отводит взгляд. Возможно, действительно отводит – не все умеют равнодушно использовать людей, хоть она и в своём праве... – Но ты приносил клятву, присягал Кирремии, и она не даст тебе со мной спорить. С другой стороны... Кристиан, я зачем-то нужна им живой. Так что Ирби на самом деле ничего не угрожает! Выясним, где они держат Киррона – я уверена, её доставят туда же, и освободим всех до того, как успеют причинить вред... Ты ведь чувствуешь Ирби из-за поводка, несмотря на любую магию... Мы обязательно её освободим.

– Почему вы не попросите о помощи мужа? – вместо ответа спрашивает Рравеш. – Он, кстати, очень просил вас как можно скорее вернуться. Ну или хотя бы покинуть Кирремию.

Она молчит некоторое время. А потом вздыхает, отчего-то почти виновато:

– Он не может ступить на территорию Кирремии. Так уж получилось. Чем он угрожал на этот раз? Опять грозился вторую жену взять, раз первая всё равно долго не проживёт?

– Ничем, Ваше Величество, – отзывается Рравеш. – Он просто за вас волновался.

Я перестала подслушивать и вылезла из ванной. Зла не было, только лишь пустота. Я всё понимаю, я прекрасно помню, что это за ад, когда клятва заставляет поступить не по сердцу и не по уму. Но я совершенно не хочу сдаваться каким-то пришлым вампирам для похищения с невнятными перспективами... и очень хорошо понимаю, что у меня выбора нет. Клятва заставит, и паладин дёрнет за поводок. Возможно, сам себя за это будет ненавидеть, но дёрнет. А если нет... останется у барьера разгребать нежить и окончательно спятит от жажды? Жуткий вариант развития событий... Но я же сама не настолько рехнулась, чтобы даже не попробовать сбежать и спастись?..

Я лежала на кровати, неподвижно, уставившись в потолок, и не находила ответа на этот вопрос. Вернее, находила. Но он был какой-то не такой: всё получалось, что рехнулась, ещё и не настолько...

Появление Рравеша я чуть не пропустила. Вряд ли он договорился с магами, скорее, обошёл их защиту. Силён. И точно так же уязвим как и все остальные для ловушки из собственных клятв и принципов. Увы. А Киррея отлично читает и пишет в чужих душах...

– Ирби, – тихо зовёт паладин.

Напрасно. Я образцово притворяюсь, что сплю. Дыхание, пульс, температура тела... Имей совесть, Рравеш, и проваливай. Что бы там у тебя ни было, подождёт до завтра. Завтра я, наверное, буду невозмутимой и уравновешенной, а сейчас пока не могу. Мне с собой никак не договориться.

– Отлично, – вполголоса усмехается никогда прежде не разговаривавший сам с собой паладин-некромант. – Бесчувственная жертва для некромантского обряда даже удобнее!

И тянет с меня одеяло.

– Ищи себе материал для зомби в другом месте! – огрызаясь, я тяну одеяло на место.

Нет ничего глупее и унижительнее, чем вывалить на паладина мучающие меня сомнения, но я всё равно думаю об этом пару мгновений. Но нет. Бесполезно. И в самом деле уничительно. Я же не Киррея, чтобы словами переписывать душу, а на семейные скандалы я насмотрелась, проникая в чужих обличьях в самые разные дома. Нет ни красоты, ни достоинства в том, чтобы вывалить свою боль и обиду: ты меня не любишь. Одно унижение.

– В другом месте тебя нет, – усмехается в ответ мой ночной гость. –

Ирби, мне нужно совсем немного времени. Я просто дам тебе дополнительную защиту.

Придирчиво и демонстративно осмотрев Рравеша и не обнаружив при нём ритуального кинжала, я смирилась. Позволила колдовать надо мной, хотя никак не могла отделаться от мысли – а не дополнительные ли знаки подчинения он на мне выводит? Какие-то руны, от которых не осталось на моём теле никакого следа...

– Ты ведь не собираешься сделать из меня некроманта? – всё-таки подозрительно спрашиваю. Ибо суть ритуала от меня так и ускользает.

– Нет. Из метаморфа невозможно сделать некроманта. Только зомби, – серьёзно отвечает паладин. И легко уворачивается от пинка. – Вот и всё, Ирби. Хороших снов... Вот так. Он не говорит ничего лишнего. А я не спрашиваю.

А потом так и лежу без сна до самого рассвета, слушаю стук своего сердца... Думаю.

Я могу заставить сердце стать маленьким, или очень большим, я могу менять его как угодно, могу заставить биться быстрее, а могу замедлить так, что меня сочтут мёртвой... Но я ничего, совершенно ничего, чёрт возьми, не могу сделать, чтобы оно не болело.

Может быть, всё-таки самое время уйти? Бросить всё и стать птичкой... Я столько лет была одна против всего мира, разве я что-то ему должна? И будет даже интересно проверить – далеко ли я успею улететь этой самой птичкой, прежде чем Рравеш дёрнет за поводок...

Тук. Тук. Тук.

Беспокойное, глупое.

А если не дёрнет? Долго ли я проживу, ведь его могут убить... Западня.

Ловушка, из которой метаморф так и не нашёл способ выбраться.

И лезет ещё в голову совсем уж нелепое: улететь – предать его первой.

Люди хотят гарантий, всегда хотят гарантий прежде чем доверить другому хоть что-то ценное, а уж если себя! Я... Я, кажется, тоже хочу, хоть и понимаю, что это не только трусливо, но и глупо. “Никогда” –

совершенно неприемлемое слово для того, кто планирует прожить дольше нескольких дней...

Монетка – я опустила до гадания – взлетает один раз, другой, третий...

и ложится всегда одинаково. Уйти. Уйти. Уйти прямо сейчас.

Я заставляю себя уснуть на рассвете. В конце концов, вампиры пришли бы ночью, теперь уже не придут.

На следующее утро на наш постоялый двор ввалился отряд инквизиторов. Ровно двенадцать. Может, конечно, совпадение, чего только не бывает в жизни... но подозрительно. Отвести глаза так, чтобы служители Инквизиции ничего не заподозрили – совсем не просто, но имперские маги хороши, да и Рравеш теперь снова в силе... Так что гости, скорее всего, несолоно хлебавши уйдут... если это и правда всего лишь совпадение.

– Руан!

М-да. Маги хороши, но не настолько чтобы незаметно укрыть от инквизитора, которого называют вот прямо по имени. Иррийна, чтоб её! Тарашится на главного в отряде инквизиторов так, что не приходится сомневаться – один из её поклонников, в чьей преданности она отчего-то уверена. Так же, как и в собственной неотразимости...

– Ваше Величество! – тут же реагирует инквизитор. Опускается на колени, и остальные за ним. – Какое счастье, что мы вас нашли!

Позвольте вас сопровождать!

– Куда? – всё же достаёт ума спросить у королевы, но, кажется, ответ не интересует – она уже тянет к нему руку. И инквизитор её не разочаровывает:

– Куда прикажете, моя королева!

И руку целует. А она окончательно растаяла, кажется, даже мстительный взгляд на Рравеша бросила – дескать, вот ты не оценил, а некоторые ценят... Дура, всё-таки неисправимая дура. Хоть и хитрая, когда не надо. Пока королева любезничает, маги смотрят на меня. Ну конечно.

Предполагается, что я сейчас загляну в души этих мрачных воинов света и скажу, действительно ли они так светлы и неподкупны... Чтобы не разочаровывать зрителей, добавляю искр в глаза и старательно рассматриваю инквизиторов. Вот у этого проблемы с желудком, видно по цвету кожи. Но я совершенно не в курсе, можно ли несварение отнести к свидетельству благонадежности или наоборот неблагонадежности... А вот Руан нынче ночью был с женщиной, запах ещё не выветрился... Женщина обычная. Не удивлюсь, если замужняя... Рравешу, как я помню, тоже ничего не мешало знаться с другими женщинами, обожая королеву. Что, в общем-то, и правильно, наверное. Если дама

взаимностью не отвечает... или вообще пропала, нужно отвлечься и утешиться. А вот этот злоупотребил вчера спиртным, и у него болит голова... этот не уверен в себе – сутулится и хорохорится... Выждав, я кивнула. Ведь скажи я, что они угроза, и маги постараются инквизиторов убить. А я... видимо, слишком долго общалась с Рравешем, и вся та броня, которую я пыталась нарастить, вся та стена между мной и людьми куда-то подевались – отправить на смерть невиновных людей я не могу.

Да и план Кирреи вовсе не в том, чтобы я в целости и сохранности добралась до дворца. Что мне там во дворце делать-то?

После моего кивка маги сняли отвод глаз со всего отряда разом... И поднявшиеся было инквизиторы снова падают на колени. Смешно, но на меня Руан таращится не менее восторженно и преданно, чем на Иррийну. Полезный навык для карьеры при дворе, и Руан, судя по всему, далеко пойдёт... Чуть позже, когда мы тронулись в путь, он подъехал ко мне и очень серьёзно сказал:

– Ваше Величество... Вы должны знать, Рравеш был приговорён за измену, а королева Иррийна подозревается в пособничестве.

– Я читаю в душах, вы забыли? – холодно отзываюсь, презрительно вздёргивая бровь. – Иррийна – просто глупа, а Рравеша искусно подставили.

А что? Я ведь была искусна и изобретательна, разве нет?

Глава 28

Весь день я была в ожидании. Интересно, удался ли Киррее поиск? Связалась ли она с императором, встретила ли с посланными ей на помощь солдатами?

Кто и когда придёт за мной? Кто-то из инквизиторов – предатель? Они все предатели? Или всё-таки ближе к ночи придут вампиры, и на моей совести будут жизни достойных инквизиторов, которые станут меня защищать?

Отчего-то – видимо, от недостатка фантазии – возможного похитителя я выбирала из вампиров и инквизиторов, но реальность оказалась куда как неожиданнее и страшнее.

Мы не собирались заезжать в эту деревню – маленькая, она вся уместилась на не таком уж большом холме, отлично просматриваясь со всех сторон. Солнце ещё не коснулось горизонта, лошади не так уж устали, и можно было бы продолжить путь...

– Демоны, – тихо сказал Рравеш, но я услышала. И маги услышали, и Руан, и ещё ряд инквизиторов.

– Три, нет, пять, нет больше... Много! Слишком много! – это Эйрон.

– В деревню! – единодушно постановили маги и инквизиторы. – Ваши Величества, прошу вас, скорее, скорее!

Мы послушно поторопились и вскоре были уже наверху, под ненадёжной защитой ещё не ветхого, но уже выдавшего виды забора... Сам по себе он особой надежды не внушал, но если его усилить магически... получится как раз защитный контур приемлемых размеров, чтобы поддерживать длительное время. Инквизиторы берут на себя создание первого контура, а наш небольшой отряд торопится в самый центр деревни. Не знаю, по каким признакам, но дом для укрытия маги выбрали единогласно.

Хозяева, кажется, понять ничего не успели – их погрузили в сон. Я растерянно смотрела, как маги – Рравеш и Арил – слаженно накладывают защиту на забор вокруг дома, а немногочисленные жители

испуганно толпятся рядом с забором, схватившись за вилы... кажется, Руан что-то им говорит, и страх становится меньше.

Иррийна и Янна бросились в дом, как только им разрешили, а я всё стою.

И очень хочу выйти за забор. Ожидание вымотало. Я ведь должна попасть к Киррону, так зачем это всё?

– В дом! – приказывает Рравеш. Медлю, встречаясь с ним глазами.

Киррея плохо приказала, паладин? Или в защите брешь? Но ты ведь не станешь рисковать обычными людьми, Кристиан. Точно не станешь, я хорошо тебя изучила, и я не верю, что некромантия смогла это в тебе изменить...

В доме Иррийна. Смотрит на меня огромными испуганными глазами и стонет, будто читая мои мысли, вот только примеряя их на себя:

– Это за мной! Киррея, это за мной!

– Зачем? – удивлённо хмыкаю я.

– Киррон пропал, а я королева! Они погибли за меня... Из-за меня!

В глазах королевы заблестели слёзы. И она слишком манерно приложила руку ко лбу:

– Из-за меня... – ещё раз повторила. – Это так несправедливо!

И я не удержалась:

– Выйди за забор.

– Что?.. Что?!

– За забор. Выйди.

– Я – королева! – слёзы на щеках тут же высохли, а в глазах столько оскорблённого достоинства... Она такая... ненастоящая. Важнее казаться, чем быть... Меня злят её слова, потому что в них сплошная ложь. Ей не жаль тех, кто снаружи. Ни капли. Наоборот – она упивается тем, что кто-то готов за неё умереть. Впрочем, со вчерашнего вечера меня вообще всё злит. И я не вижу повода сдерживаться.

– Плохая из тебя королева. Как и жена.

Прислушиваюсь. Ничего не понять – на улице запредельная тишина. То ли маги нас накрыли пологом тишины, то ли всех заколдовали, а самим не до разговоров... И вдруг – вой. И от количества голосов в этом вое становится жутко. В самом деле много. Очень много.

Больше двадцати, и я боюсь представлять, насколько больше...

– Что ты себе позволяешь! – шипит опомнившаяся Иррийна. – Да как ты...

Я уже думаю о том, чтобы приложить её чем-то по голове и отправиться-таки за забор самой. На Янну внимания можно не обращать – девушка сидит как заколдованная, с отсутствующим взглядом... Впрочем, почему как? Она и есть заколдованная – у Рравеша на поводке. Как я.

Но я не успеваю додумать, а Иррийна не успевает договорить. В очень, очень хорошо защищённом доме появляется демон. Он разительно не похож на тех, что беснуются вокруг деревни. Там – низшие.

Кровожадные, сильные, но глупые. У нас же... высший демон. Выше меня на две головы, хотя Киррея довольно-таки высока, с иссиня-чёрной кожей и звериными глазами – на мой взгляд, глаза и их выражение роднят демона с Его Величеством Шайи-Терром.

Надрывно визжит Иррийна, с неожиданной быстротой вскакивает Янна, но обе замирают без движения. Похоже, что и магия у Шайи-Терра с

демоном общая... Высшему демону мне нечего противопоставить, под его взглядом я не могу и пальцем пошевелить, сейчас он заберёт меня в портал... А Рравеш, занятый как и имперские маги, поддержанием заслона вокруг деревни, даже ничего и не заметит. И уж точно не успеют они за мной...

Чтобы вызвать высшего демона нужна жертва, а ещё смелость и немного безумия. Или много безумия. Все известные мне из истории

случаи вызова высшего демона заканчивались гибелью дерзнувшего, а также значительными катаклизмами. Демонам тяжело в нашем мире, и за каждый миг пребывания в нём они мстят.

Демон делает шаг и оказывается совсем рядом со мной. Поддевает пальцем один из амулетов Кирреи, втягивает воздух и... скалится. Почти радостно, насколько можно судить. А затем вдруг вступает в переговоры: – Метаморф... живой! – голос скрипит, как несмазанные ворота. – Крови дашь, метаморф?

– Чьей? – заинтересованно отзываюсь я и втайне горжусь, что мой голос не дрожит. И не скрипит. С демонами связываться нельзя, это да. Но демоны никогда и не приходят с просьбой. Так что даже если он по какой-то причине хочет кровь королевы или некромантки, я готова это обсудить.

Но нет, демон не оригинален:

– Своей. А я тебе услугу.

– Дам, если договоримся, – покладисто киваю, на всякий случай аж два раза. – А что за услуга?

– Научу, как не пойти со мной, – усмехается он. Я задумчиво пересчитываю взглядом продемонстрированные мне зубы. Не так уж и много, почти что как у человека. Зато каковы размер и форма! Касательно услуги – я даже догадываюсь, о чём речь. Не зря же демон хватался за амулет: вероятно, он должен привести ту, на которой обнаружит нечто подобное. Так что сейчас он предложит милостиво закрыть глаза на то, что я перевешу "метку" на Янну или Иррийну. Демону всё равно. А мне нет. И мне надо с ним.

– А другую услугу? – просительно заглядываю в жёлтые звериные глаза. – Можно? Ма-а-аленькую.

– Ну? – рыкает демон. Впрочем, мне уже не страшно.

– Перенаправь низших. Туда, куда меня доставишь.

Вместо ответа демон достаёт из воздуха флягу Достаточно большую, если речь идёт о том, чтобы наполнить её всю кровью. Молча демонстрирует мне.

Вздохнув, киваю. Хорошо, что фляга, а не ведро. Надеюсь, фляга не бездонная. И демон, надеюсь, честный. И всё как-то образуется... В общем, только и остаётся, что надеяться. Вспоминая вампира, буду надеяться ещё и на то, что никаких поцелуев потом демон не потребует...

– Тебя там убьют, – буднично сообщает мне демон, с хорошо читаемым блаженством и предвкушением приносясь к крови. Я молча на него смотрю, а он ухмыляется: – Может, ещё пару фляг наполнишь? Что такому сокровищу пропадать?..

– Веди, – отзываюсь я, заращая порез на руке. Хамить ему я не буду, но и на лишнюю кровь пусть не рассчитывает. – И не забудь отправить демонов.

Тут же начинает кружиться голова – то ли от потери крови, то ли из-за портала – не предназначены люди и метаморфы для прохождения сквозь пространство, никак не предназначены... Я успеваю ещё услышать, а может, мне уже чудится “демоны не тронут тебя и твою кровь... если доживёшь”, а дальше – тёмная бесконечная воронка, и в себя я прихожу уже лёжа на холодном полу неизвестно где. Перестраиваю зрение, ибо вокруг так же темно, как в беспамятстве. Как и следовало ожидать, я за решёткой. В клетке. Толстые прутья, сквозь которые можно разве что просунуть руку... или же обратившись змеей ускользнуть.

Нет ни лежанки, ничего – только холодный, неровный пол. Зато есть сосед. Он неподвижно стоит в своей клетке, и ему едва хватает высоты

темницы, чтобы не упираться головой.

– Эй, – тихонько говорю я.

Мужчина смотрит куда-то мимо меня и даже не вздрогнул. Я понимаю, что лишения и злключения кого угодно сделают недружелюбным, но

хоть немного любопытства он мог бы и проявить... Выглядит мужчина, надо сказать, неважно.

Одежду, когда-то роскошную, явно не менял уже

не одну неделю – она мягкая и пахнет, на лице неряшливая борода, недлинная, но уже и щетиной не назовёшь. А главное – он слишком

неподвижен и напряжён. Как струна, которая вот-вот порвётся.

– Киррон? – наугад говорю я, чуть не проколовшись и не назвав его

“Ваше Величество”. Впрочем, мужчина и тут не реагирует.

Интересно, как далеко мы сейчас от той деревни, откуда демон меня забрал? И сколько я валялась в беспамятстве? Когда придут уже низшие демоны и устроят сюрприз какому-то самонадеянному магу? Кстати... что там демон говорил про кровь?

Я действую по наитию. Меняю облик на змейку, выскальзываю из своего заточения в соседнее...

Когда я оказалась в его клетке и приняла облик Киррей, мужчина так и не шелохнулся. Теперь он стоял ко мне спиной, и никаких сомнений в том, что заколдован, не осталось.

За неимением других средств, я решила поделиться с ним кровью. В конце концов, ничего я не теряю, моя кровь – не яд, хуже стать ему не должно... А демон что-то бормотал – я почти уверена, что это всё же был он, а не моё подсознание – что низшие не тронут меня и мою кровь. Хорошо бы ещё они не тронули и Киррона... если это он. И если не он – тоже, пусть не тронут.

Напоить его кровью получилось не сразу. Мысленно извиняясь перед королём – рассмотрев вблизи, я уверилась, что это он, я мазнула окровавленными пальцами по его губам. И ничего не произошло. Не шелохнулся, не облизал. От извинений я перешла к ругательствам. Разумеется, всё также мысленно. Мне пришлось обращаться с королём как с щенком, которому нужно дать лекарство, и я надеюсь, что он никогда этого не вспомнит. Наконец, он всё же сглотнул.

Решив, что сделала всё, что могла, я вернулась в клетку, оделась... и напоролась на пристальный взгляд. Теперь он точно смотрел на меня, и даже казалось, что глаза стали синее.

– У тебя есть план, метаморф? – тихо спрашивает он. Так тихо, что я слышу только лишь потому, что все мои органы чувств сейчас работают на недоступном человеку максимуме.

У меня нет планов, у меня, увы, только надежды. Что демон не соврал, и низшие скоро придут, что Киррея встретишься-таки с отрядом имперцев и ведёт их сюда, что Рравеш и маги тоже уже где-то в пути... Но я ни об одной из своих надежд не хочу говорить. А вдруг он не пришёл в себя до конца? А если и пришёл, долго ли заколдовать обратно?

Поэтому говорю я о другом. Но тоже о важном:

– Рравеш не предавал, его подставили!

– Я уже догадался, – криво усмехается король, и в голосе его горечь и боль. – Кристиан... Его смерть – моя самая большая ошибка, за которую расплачиваться будет вся страна...

– Расскажите? Пока мы ждём, – прошу я, не уточняя, чего именно ждём. Я лично – спасения. Король, надеюсь, тоже.

Это безусловная наглость, но, кажется, Его Величество немного пьян вернувшейся способностью управлять своим телом и говорить, что вздумается, а может – тут я холодею – может, это моя кровь заставляет его подчиняться, но так или иначе он начинает рассказывать.

– Я повёл себя как дурак. Знал... знал ведь, что нельзя давать кровь, а

всё же повёлся на разыгранное представление. Дал. И тут же оказался во власти вампира. Они где-то отыскиали очень могущественного вампира, ему явно не одна сотня лет, и, получив мою кровь, он очень легко меня подчинил. Я плохо помню, что делал и что происходило, иногда я словно наблюдал через толстый слой мутного стекла, а иногда и вовсе просто был в темноте... Помню, что я что-то делал с барьером. Я был на границе... помню, капала кровь и я... я говорил какие-то слова... он рухнул? Скажи, метаморф, барьер рухнул?

– Нет, Ваше Величество, – отзываюсь я, не уточняя, что, по словам Кирреи, вот-вот рухнет.

Киррон вздыхает с облегчением. И продолжает:

– Сначала он не приходил. Потом стал приходить всё чаще, ему не терпится, ему хочется поговорить, а я был прекрасным слушателем – ни перебить, ни рассказать кому-либо...

– Кто?

– Главный инквизитор. Разговоры с ним я помню на редкость хорошо. Вероятно, потому что он приходил, когда вампир был далеко. Он говорил, что я – никудышный король, что боги ошиблись, дав власть над Кирремией мне. Что моя сестра отняла слишком много силы у нашей страны и увезла её в империю, что я унизил Инквизицию, позволив чёрным магам становиться паладинами... А главное – что его племянник станет куда лучшим королём.

– Племянник? – переспрашиваю я.

– Виттор, – ядовито выплёвывает Киррон. – Вот кого следовало бы казнить вместо Рравеша! Бастард. Отец был... любвеобилен и неразборчив! Виттор старше меня на год, но ему не досталось ни капли силы, которую несёт наша кровь, а если и досталось, то слишком мало – Кирремия не признаёт его. Он заставит меня убить Киррею, чтобы забрать её силу и передать ему, а затем убьёт и меня... Метаморф, скажи, что она в безопасности! Что ты занял её место, а она осталась в Империи! Скажи!

– Она определённо в большей безопасности, чем мы с вами, Ваше Величество... – обречённо отзываюсь я. – А зачем рушить ба... Идут! Шаги. Я слышала только одного человека, но отчего-то поклясться могла, что идут двое. Просто один из приближающихся – слишком старый и слишком сильный вампир.

Киррон тут же безучастно уставился куда-то поверх моей головы. Я же на всякий случай решила воздержаться от истеричных выкриков “Киррон, Киррон!”, чтобы не провоцировать короля лишний раз. Не так-то просто притворяться заколдованным...

Вместе с шагами приближается свет, и я убираю излишнюю чувствительность глаз.

– Вот и вторая птичка в клетке, – довольно усмехается... Лейрон.

Лейрон?! Он явно не Главный инквизитор, он... Виттор Лейрон. Бастард. Племянник Главного инквизитора. А я фатально опаздываю с тем, чтобы переосмыслить весь наш совместный путь. Он так хотел, чтобы королева добралась до Кирреи... И, наверное, так сильно не хотел, чтобы до Кирреи добрался Рравеш. Все эти покушения... Они ведь начались, когда мы стали путешествовать совместно. Боялся разоблачения? Того, что Киррея вернёт Рравешу силу, и тот сможет как-то помешать? Или просто ненавидел за огромный дар, пусть и тёмный, ведь сила обделила его самого... А то, что он не попался на глаза Киррее? Ранение. Ха! Он просто не хотел, чтобы императрица прочитала в его душе вероломные замыслы...

– Киррея – метаморф? – флегматично интересуется второй. Тот самый, очень могущественный вампир. У него бесцветные, как у Кирреи, глаза и

совершенно белые волосы, и несмотря на правильные черты лица, он вызывает один лишь ужас. А уж после его слов, я и вовсе забыла дышать.

– Что? – недоумённо переспрашивает Лейрон.

– Это – метаморф, – цедит вампирюга. Чтоб его! Я найду Филиппа, я половину оставшейся крови ему отдам, чтобы стал сильным и прикончил этого. Мысли о мести – совершенно нереалистичные и неуместные, ведь шансов выпутаться из этой истории у меня практически нет, вопреки здравому смыслу успокаивают. А мой новый враг продолжает: – Эй, раб, твоя сестра – метаморф?

Раб – это, видимо, Киррон. И он настолько безразлично и безжизненно реагирует, что я успеваю предположить – он снова под воздействием, моя кровь ничего не решила и...

– Да, – серо и безжизненно врёт король.

Понимает ли он, что вынес мне приговор? А впрочем... скажи он “нет”, и меня ждёт очень неприятный допрос и такая же неизбежная смерть... Да и вообще, о чём это я? Король действует в интересах страны и в своих, какое дело ему до случайного метаморфа?

– А ведь никто и никогда не проверял, – хмыкает Лейрон. – И всё же... странно. А впрочем... никого другого, думаю, не стали бы так охранять. Да и что я теряю! Прикажи ему.

Я тоже думаю, что всё это странно. Вампир не чувствует, что Киррон не под его властью? Видимо, не чувствует. Скорее всего, потому что связь не разорвана, просто моя капля крови даёт королю немного свободы, совсем чуть-чуть. И ещё, надеюсь, даст защиту от демонов, если... когда они сюда доберутся. Да, я верю высшему демону. Мне очень нужно сейчас хоть во что-нибудь верить.

– Сейчас? – спрашивает вампир, чуть ли не зевая.

– Сейчас, – отвечает нервничающий Лейрон. Он-то чего волнуется?..

Меня сковывает по рукам и ногам. Я всё вижу и понимаю, но сила вампира не даёт пошевелиться, и всё, что я могу – перестроить себя изнутри, убирая в сторону сердце и лёгкие, ведь Киррон будет бить в сердце? Тут нет алтаря, который надо залить кровью, а значит, перерезать горло нерационально...

А бить он будет. Выбора у него нет – даже если откажется, он лишь выдаст себя и отсрочит мою смерть всего на несколько мгновений. Вампир настолько силен, что вновь получить власть над королём не составит ему никакого труда, а шансы на хороший исход если не для меня, то для Кирремии станут ещё меньше...

Я обречённо смотрела, как король идёт ко мне с кинжалом, который вложил в его руки Лейрон. Киррон не торопился, даже, может, медлил...

но всё-таки шёл. Вот он уже вышел из своей клетки в обманчиво-распахнутую дверь – свободой и не пахнет, пахнет смертью, ещё несколько медленных, небольших шагов, и вот он уже совсем рядом.

Я смотрю ему прямо в глаза. Оказывается, я не из тех, кто идёт на смерть, не испытывая ни капли страха. Я очень боюсь. Я хотела бы, теперь точно хотела бы превратиться в птичку и улететь, но вампир держит цепко, будь я даже птицей, даже змеей – не вырвусь...

Неужели высший демон был прав, и это конец? И где же, проклятье, низшие демоны?

Киррон оттягивал неизбежное, как мог. Но момент, когда лезвие кинжала упёрлось в мою грудь, всё же наступил. “Прости” – билось в его глазах.

“Прости!” – шепнули беззвучно бледные губы... И стал легко, слишком легко для обычного кинжала, прорезала броню, которую я отрастила.

Темнота пришла почти сразу, но боль успела до неё. А ещё я очень остро поняла, что просчиталась – никакие перемещения сердца не спасут. Этому кинжалу достаточно просто попробовать кровь, и он

заберёт всё, всю силу, всю жизнь. Даже если просто палец порежешь... Почему-то я открыла глаза всё там же, в подземелье. Впрочем, не так важно где... Почему-то я вообще открыла глаза. Рядом со мной лежал Киррон – бледный до синевы, он тяжело и хрипло дышал. Рядом с ним на корточках сидел вампир, но смотрел отчего-то на меня. Лейрона я не видела... но голос его раздался почти прямо надо мной: – Метаморф Рравеша. Выходит... он жив? Она ведь сдохла бы вместе с ним! – Он мог её отпустить, – равнодушно обронил вампир. И улыбнулся мне. Так, что я похолодела. – Отдай её мне, Лейрон. Она забавная. Я заставлю её говорить... кричать... может, даже петь. – Найди мне лучше Киррею, пока она не притащила сюда своего мужа! – огрызается инквизитор. – Я не могу на всё вызывать высшего демона, должен быть и от вампиров какой-то толк! А его в последнее время стало прискорбно мало! Вампир не обиделся, но, я точно уверена, внёс Лейрона в список будущих жертв. Или передвинул его в этом списке повыше. Прикончит, как только в том отпадёт надобность. Кажется, инквизиторы зря думают, что вампир работает на них... это они слепо следуют его плану, так же как мы с Рравешем следовали плану самого Лейрона – когда помогали Иррийне попасть в империю... Поймав мой взгляд, вампир подмигнул. Ну где же эти чёртовы медлительные низшие демоны?

Глава 29

* * *

Кристиан Рравеш. Некромант.

Ирби. Ир-рби.

Что бы там ни говорила Её Величество Киррея, отдавать своего метаморфа Рравеш не собирался. Киррея ушла, не преуспев, увы, в ритуале. Киррон старше, и он мужчина, родовая, кровная магия слушается его куда лучше, чем младшую сестру. Пробыть поставленную им защиту невозможно.

А вампиры появились почти сразу. Трое. Допрос, увы, ничего не дал – они знали только, что надо похитить женщину с тёмными волосами и бесцветными глазами, и отнести её в ближайший город. А вот упокоить посланцев неведомого пока злодея вполне получилось. И никакая клятва его не осадила. Может быть, дело в том, что клятва действовала пожизненно, а он, становясь некромантом, умер? Или просто связь не настолько прямолинейна?

Ирби. Отчего-то сердце было не на месте. То ли предчувствия, то ли потревоженная сила некроманта разбудила жажду, а та трансформировалось в одно-единственное желание – пойти к ней, убедиться, что жива и невредима, хотя это он и так, благодаря поводку, мог почувствовать, но хотелось именно прийти и глаз с неё не спускать.

Да что там глаз – обнять и не выпускать из объятий, и путь Арил и Эйрон захлебнутся праведным возмущением, а Иррийна и Шайи-Терр подавятся ревностью... Что стоит вся эта шелуха по сравнению с жизнью? С её жизнью. Но на кону, увы, стоит куда больше, а дурные предчувствия сводят с ума...

Впрочем, есть одна идея. Безумная. Запретная. Но такая естественная в этих обстоятельствах...

Она его видеть не хотела. Бывший паладин очень хорошо ощущал, что девушка не спит, но отлично притворяется. И хочет, чтобы он ушёл. Он

бы и ушёл – велика ли радость навязываться не желающей видеть тебя женщине, и это тем унизительнее, чем дороже она тебе, но... Но. Она вяло отбрыкивалась и отшучивалась, ни разу не взглянув ему в глаза. Злясь на себя и собственную уязвимость, тем не менее он начинает перебирать в уме, когда успел обидеть. Ничего не идёт. Разве что... его армия мертвецов и в самом деле тошнотворно воняла, а иметь врагом императора – смертный приговор. Неужели поэтому? Ирби в полной мере осознала, кто такой некромант? Он стал неприятен? Опасен? Окончательно не перспективен?

Внешне паладин совершенно спокоен – чертит необходимые руны и уходит. Внутри... ему отчаянно хочется вернуться, перетянуть Ирби в истинный облик и утвердить свои права на её губы, её тело и даже её душу. Вместо этого он подновляет защитные заклинания вокруг постоянного двора. Наверняка ещё кто-то придёт.

Под утро появились ещё вампиры... и точно так же канули в туман, не принеся ни пользы, ни особого вреда.

Следовало ожидать, что враг пришлёт кого-то другого – нет, не инквизиторов, они – случайность, и вполне удачная... Низшим демонам под вечер Рравеш совершенно не удивился. Даже почти обрадовался – известный враг куда лучше неизвестного. Демонов было много, но Кристиан точно знал, что дальше него они не пройдут. Даже если дрожащий от нападок со всех сторон магический заслон лопнет. Когда лопнет.

Маги и инквизиторы работают хорошо и слаженно, но демоны, кажется, готовы полечь тут же, чтобы только урвать очередной кусок защиты, ослабляя её...

И вдруг... демоны уходят. Просто разворачиваются и такой же дружной – что крайне нетипично для демонов, ведь человек не может управлять более, чем одним демоном, а настолько синхронизироваться группе людей почти невозможно – дружной стаей пускаются наутёк.

Устало падает на землю Арил, размыкая тёмный круг. Облегчённо выдыхает Эйрон, Рравеш же наоборот – холодеет от ужаса: такой массовый исход может означать лишь одно – цели в деревне больше нет. Не к чему стремиться, не для чего жертвовать силой...

Кажется, он не дышал весь путь от окраины деревни до дома, где укрылись женщины. Кажется, он проделал этот путь быстрее, чем управлялся бы низший демон... Вот он. Дом, где должна была быть в полной безопасности Ирби. И Иррийна, да, Иррийна тоже, но... ей-то ничего и не будет. Вокруг дома нетронутое магическое кольцо, а вот внутри... глаза и горло щиплет от остаточной магии демонического портала. Иррийна и Янна замерли безжизненными куклами. Он снимает с них заклятие и спрашивает севшим голосом бесполезное и горькое: – Где... где она?

– Она ушла с высшим демоном, – отзывается Янна, сверля его преданным взглядом. – Сама ушла.

А Иррийна бросается ему на шею, заливаясь слезами, и Рравешу как никогда от этого мутно и тошно.

В дом вбегают Арил и Эйрон, до которых, видимо, тоже дошло, и паладин, вручив светлому магу свою королеву и не испытывая по этому поводу абсолютно ничего кроме облегчения, идёт прочь. Прочь из дома. Прочь из деревни. В лес. Закрывать глаза, размотать кокон, укутывающий силу и скрывающий жажду, раскинуть сеть. Некроманты видят мир совсем по-другому. Многограннее. Страшнее. И куда полезнее. На самом краю своей сети Рравеш ловит какого-то вампира и беспощадно тянет к себе. Тот как раз собирался то ли поужинать, то ли поиграть с жертвой, он отчаянно сопротивляется, наверное, первый раз ощутив себя не охотником, а дичью, но поделать ничего не может. Из паладина

получился и в самом деле очень сильный некромант. Неужели и правда наследственность?

Вампир не хочет помогать, но кто его будет спрашивать? Попался бы в поле зрения какой-нибудь метаморф, Рравеш использовал бы его, но за неимением метаморфа сойдёт и вампир в качестве транспорта. Хотя перемещаться в тумане – то ещё удовольствие, особенно когда ощущаешь, насколько этот самый туман тебя ненавидит и насколько жаждет вонзить клыки тебе в шею, вырвать сердце и почему-то ещё глаза...

Сначала Рравеш ориентируется на смутное ощущение направления от поводка, а затем – на низших демонов. Они так и бегут всей стаей, и пока что направление совпадает.

Увы, сказать точно, где Ирби, он не может – та же магия, что не дала Киррее найти брата, теперь прячет и метаморфа. Так что, скорее всего, они рядом. Только бы успеть, только бы успеть!

Вдали уже виднеются башни какой-то крепости, когда поводок натягивается и, печально звякнув, исчезает. Метаморф, что был на том конце поводка, умер. Ирби... Ирби умерла. Рравеш едва успевает приказать вампиру снизиться. Он слишком долго был паладином и слишком мало некромантом, чтобы за жизнь любимой расплатиться другими людьми. И достаточно рехнулся, чтобы расплатиться самим собой.

О том, что всё это может оказаться бесполезно, что Ирби тут же убьют второй раз, не хочется думать. Он и не думает. Делай что можешь, там где ты есть, с тем что имеешь. А потом пропадает сила, она в таких обрядах всегда уходит вперёд жизни, и он летит на землю, успев заметить, как скалится вновь принявший человекоподобный облик вампир...

Мгновение темноты. Золотистый смех. И словно по щеке сама богиня погладила...

И тут же острая боль в горле – проклятый вампир впился-таки в ему в шею. Рравеш душит его в ответ, а потом с удивлением и даже отчаянием чувствует, что ему осталась не только жизнь. К нему вернулась и ушедшая было сила.

Вампира он безжалостно уничтожает, ведь тот отведал его, паладина, крови. Слишком непредсказуемо.

Сердце ноет и что-то внутри захлёбывается от ужаса и боли – сила вернулась. Значит... значит ритуал не удался? Не было тела, которое воскресить? Слишком мала жертва? Что?

Ирби... Ирби!

До крепости уже не так далеко – Рравеш ловит одного из низших демонов и осёдлывает его.

Не думать. Не думать. Не думать.

* * *

Вампир как раз выторговал себе право меня помучить, а Киррон, застав, начал приходить в себя, когда сверху стали раздаваться крики.

Кажется, кричали “демоны”, и я довольно улыбнулась. Впрочем, радость моя продлилась недолго – вампир настолько буднично обещал разобраться, что я тут же загрузила, уверовав, что вампир подобного уровня мог бы потягаться при большом желании даже и с высшим демоном, а уж разделаться с десятком-другим низших...

– Так он отпустил тебя? Или жив?

А я совсем было и забыла про Лейрона. На фоне своего сообщника он меркнет, как, наверное, всю жизнь терялся на фоне Кирреи и Киррона.

На фоне Рравеша. А ведь инквизитор-предатель стоит рядом с моей клеткой, в которой теперь заперты мы с Кирроном вдвоём, и не сводит с меня лихорадочно блестящих глаз:

– Я не хочу тебя мучить, Фил. Ты всегда была мне симпатична. Расскажи мне, и я не отдам тебя ему, – неопределённый кивок в ту сторону, куда ушёл вампир.

Наивный. Я вот уверена, что вампир его и не спросит. А если и притворится, что послушал, то ненадолго, до первого случая, как Лейрон отвернётся.

– Как ты оказалась на месте Кирреи? Почему вампиры тебя не нашли? Где Рравеш?

Я попробовала сесть, и у меня получилось. Какие вампиры меня не нашли? Там, в проклятых землях? Не обращая внимания на короля действующего и на, возможно, будущего короля, ощупала грудь. Раны нет, лишь окровавленная рубашка говорит о том, что мне не почудилось. Но тем не мене я жива, хоть и совершенно обессилена. Однако уцепившись за прутья, я смогла даже встать.

Лейрон не выглядел как король. Даже если примерить ему корону – я представила, у меня хорошее воображение. Он выглядел как озлобленный бастард, и всё тут. Словом “бастард” я заменила другое, куда более подходящее и куда менее приличное слово...

– Понятия не имею, где этот ваш Рравеш! – огрызнулась.

Сама хотела бы знать, где его черти носят. Или это просто “так надо”? Кирремия требует жертв в лице метаморфа? Как ни искала, я так и не смогла за сутки подобрать другое слово кроме “предательство”. Да, его можно понять. Можно пожалеть. Но дороги наши однозначно уже разошлись и вряд ли сойдутся.

– Значит, жив, – задумчиво говорит Лейрон. – Стоило, пожалуй, собственноручно его прирезать или отравить. Всё, что доверяешь сделать другим, получается из рук вон плохо!

– Сочувствую, – буркнула я. – Может, пойдёте сами демонов угомоните? Или подождём, пока придут сюда?

Жаль, облик сменить не получается. То ли из-за того, что магический резерв пуст, то ли вампир что-то эдакое наколдовал. А то я бы... Лейрон беспечно стоит слишком близко.

Вампира всё нет, и я начинаю надеяться, что демоны его одолели... или что к демонам добавился кто-нибудь ещё.

Киррон лежит и старательно таращится в потолок тем же бессмысленным взглядом. Ничего. Всё как-нибудь образуется, – уговариваю я себя. А если не образуется, тогда и погрузу... сколько успею.

– Почему ты не умерла? – спрашивает тем временем неугомонный инквизитор. Он вертит в руках оружие моего несостоявшегося убийства. И сам себе отвечает: – Вероятно, кинжал замкнут на кровную магию Кирремии и просто не взял твою жизнь... Ты везучая, Фил.

Ага. Значит, кинжал – не его рук дело, а, вероятно, тоже вампирских? Марионетка ты, Виттор Лейрон. Всего лишь марионетка, возможно, даже больше, чем я.

Где-то вдалеке раздаются шаги. Осторожные. Усталые.

– Милорд... – раздаётся хриплый голос, и насторожившийся было Лейрон чуть расслабляется.

– Что там? – отзывается он. – Что с демонами? Где вампир?..

– Сдохни! – отвечает ему темнота всё тем же хриплым голосом, в котором, однако, мне теперь мерещится... Рравеш. Ответить Лейрон не успевает – его впечатывает в прутья противоположной, ныне пустующей клетки, и, видимо, настолько сильно давит, что он царапает горло руками

и хрипит. Сладкое зрелище, что и говорить.

А шаги приближаются...

Выглядит Кристиан неважно. Мне даже делается немного стыдно за свои недобрые, отчаявшиеся мысли – как бы там ни было, паладина знатно потрепало. На рубахе следы подсохшей уже крови, как и на шее – я бы сказала, что его кусал вампир, причём некоторое время назад, рука вся в свежей крови, и он припадает на одну ногу... а колеблющееся пламя светильника заставляет тени за его плечами угрожающе шевелиться.

Рравеш проходит мимо меня, кажется, не заметив. Взгляд его устремлён только на Лейрона, и я бы с удовольствием послушала их разговор, не привлекая к себе внимания, но всё портит Киррон:

– Кристиан! – выдыхает вставший со мной рядом король. – Ты жив, жив!

Тот поворачивается, скользнув безразлично-мёртвым взглядом по мне и Киррону. Затем взгляд возвращается на меня.

– Ирби? – одними губами говорит Рравеш. – Ирби!

И я понимаю – он удивлён, что я жива. Он не надеялся... или не планировал найти меня живой. Я вижу, что он рад. Но говорю себе, что рад не брать лишних смертей на свою совесть, и отворачиваюсь. И только тут понимаю, что не так с того момента, как я очнулась. На мне нет поводка. А ещё Киррон приобнимает меня за плечи, но это занимает меня куда меньше.

– Ты говорил, что не можешь снять поводок, – задумчиво сообщаю полу и решётке.

Рравеш молчит очень долго, но, так и не дождавшись того, чтобы я на него посмотрела, устало и безразлично отзывается за секунду до того, как начинает вопить от боли Лейрон:

– Смог.

Глава 30

Киррея и её солдаты безнадёжно опоздали, появились только под утро. К этому моменту Лейрон был уже мёртв – Киррон не стал тянуть и вынес ему приговор по результатам допроса, а первый паладин моментально этот приговор исполнил. Сам допрос состоялся прямо там в подземельях, в моём присутствии, и, кажется, Его Величество чувствовал теперь себя виноватым. По крайней мере, он пытался окружить меня такой заботой, которой я даже от мамы не видела, не то что от короля! Кажется, то, что метаморф оказался девушкой, его особенно проняло...

Лейрон, кстати, изливал душу вполне охотно. Даже слишком. То ли Рравеш его заколдовал, то ли заговорщик был уверен, что вот-вот вернётся вампир и тянул время... А может, просто не мог удержаться от того, чтобы продемонстрировать своё превосходство напоследок, полюбоваться собой, похвастаться, как ловко всех обманул. Рравеш был мрачен и удивительно спокоен, я бы даже сказала, что благостен, если это слово вообще можно применить к некроманту. Даже когда Лейрон смеялся ему в лицо. Киррон же негодовал, но, кажется, он просто наслаждался возможностью говорить и чувствовать, что вздумается. А я отстранённо размышляла, как странно устроены люди. Кто-то еле сводит концы с концами, но не украдёт и корочки хлеба, постыдится, а кто-то купается в роскоши и с лёгкостью крадёт чужие жизни в угоду своим амбициям... Где на этой шкале я? Где-то посередине. Хотя... наверное, ближе к Лейрону. Взять чужое последнийесемь лет не было для меня проблемой. С другой стороны, я хотела просто быть свободной. И вот я свободна. Нет поводка. Но только чувствую я отчего-то одну лишь усталость...

Лейрон рассказал, кажется, всё. В том числе и зачем пытался разрушить барьер – он понимал – я уверена, что не сам, а благодаря вампиру, что просто так его не примут, даже если он и заполучит силу Киррона и Кирреи. Да и с мужем Кирреи, Его Величеством Шайи-Терром будут проблемы. Поэтому Киррею обязательно должен был убить сам Киррон, чтобы дракон не подкопался. А Лейрон... он просто спас бы страну от обезумевшего короля, который настолько помешался, что не только убил сестру, но и разрушил барьер между проклятыми землями и Кирремией. Ещё несколько дней, и хлынут толпы нежити... А недели через две, Лейрон и доблестная инквизиция восстановили бы барьер и всех спасли. Народная любовь она такая, переменчивая, управляемая, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. А историю, как известно, пишут победители.

Предателя было не жалко, но я всё равно отвернулась – смотреть на ещё одну смерть не хотелось. Хотя и травмировать меня этим зрелищем у Рравеша вряд ли бы получилось...

Вампира, кстати, паладин-некромант хоть и победил, но добить-таки не смог, тот сбежал и, вероятно, затаился, но Лейрон об этом так и не узнал. Умер.

С солдатами и Кирреей пришли свежие лошади, чистое бельё и ощущение, что всё закончилось. Может, и обманчивое, но упоительно-восхитительное. Сама Киррея почти сразу, наобнимавшись с братом и выслушав краткий пересказ, отправилась обратно, а солдаты сопровождают нас в столицу.

Я шурюсь на солнце, покачиваясь на лошади, и думаю, что с Рравешем надо поговорить. А впрочем... надо ли? Зачем мне говорить с ним, если он не хочет говорить со мной? А он не хочет. Ведь... хотел бы, заговорил бы? Иногда мне кажется, что я чувствую взгляд паладина, тяжёлый, горячий... но ни разу мне не удаётся его поймать.

Зато уж чьих взглядов я ловлю в избытке, даже отчаянно того не желая, это Его Величества Киррона. Он побрился, приделся, и приобрёл куда

более солидный и изысканный вид, несмотря на худобу, и расспрашивает меня о моей жизни так подробно, что я не знаю, куда деваться. И совсем не по себе мне становится от того, что на третий день пути я замечаю в его глазах определённо мужской интерес. И даже когда мы встречаемся с имперскими магами и королевой Иррийной, Его Величество продолжает уделять мне непозволительно много времени. Я вежлива и только, и готова поклясться, что Киррон это видит – что нет во мне встречного огня, но... кажется, ему представляется, что огонь вот-вот появится, королю ведь не отказывают? К счастью, пока прозрачных намёков нет, а на тонкие я просто не реагирую... и коплю силы, чтобы улететь. Впрочем, меня неожиданно настигает понимание: я сама виновата в происходящем. Стоит вспомнить, как Филиппа ко мне тянуло после того, как отведал моей крови, и многое становится понятным. Я дала ему крови. Вот он и приворожился. Честно говоря, вместо стыда я чувствую облегчение – это пройдёт. Наведённое всегда проходит, а крови моей было всего чуть-чуть...

Но на одном из привалов я всё же ловлю Рравеша. То ли для очистки совести, то ли просто отыскав предлог, чтобы с ним заговорить, чего мне отчаянно хотелось. Так или иначе, я его банально слежу и подстерегаю в лесу. Без зазрения совести запускаю первой попавшейся шишкой ему в спину.

Шишка вспыхивает и сгорает, не долетев.

– Ирби! – оборачивается Кристиан. Вежливый и равнодушный. –

Прекрасно выглядишь.

– Предпочла бы выглядеть по-другому, – вздыхаю я, направляясь к нему.

Увы, но я не успела сменить облик до того, как прибыли солдаты, и теперь щеголяю в своём истинном... да и магический резерв, полностью опустошённый, заполняется крайне медленно. Как только я его заполню, сразу улечу. Надеюсь, Киррону не придёт в голову приказать своему паладину посадить меня на поводок снова?

– Его Величество, боюсь, не согласится, – усмехается Рравеш.

Подтверждая тем самым, что настойчивый интерес мне не померещился. – Поздравляю, Ирби. Твоё положение при дворе уже весьма высоко. И, кажется, становится выше с каждым часом.

– Кристиан, – тихо вздыхаю я. Ну не убьёт же он меня из-за этого? – Это от того, что я дала ему своей крови, чтобы он хоть немного очнулся от власти вампира. Филиппа... вампира того, с которым я... ну, который противоядие принёс, тоже из-за крови штырило... С этим надо что-то делать! Кристиан!

Вместо того, чтобы проникнуться моим признанием и озаботиться спасением короля от наведённой симпатии, паладин смотрит на меня как на несмышлёного ребёнка. Улыбается одними губами, качает головой.

– Это совершенно ни при чём, Ирби. Ты просто очень красивая и необычная девушка. Это заметил не только король, но и...

– Королева? – насмешливо выгибаю я бровь. Я отлично помню всё, что она мне сделала. И нет, мстить не передумала, просто... момент пока не подходящий. Иррийна, кстати, молчит. Не спешит рассказать Киррону, что я пыталась её запугать и сжить со свету... боится, что расскажу про прелюбодеяние с метаморфом?

– Все, – серьёзно отзывается он.

Не подлить ли мне своей крови паладину? Чтобы ощутил на своей шкуре это вот “ни при чём”? Но нет. Я хочу по-настоящему, только лишь по-настоящему... и если не по-настоящему, то лучше уж никак.

– Беда для метаморфа, – тихо вздыхаю я, отчаянно желая, чтобы резерв набрался скорее.

Рравеш молчит, а затем берёт меня за руку. Глупое сердце замирает, но он просто делится силой. Она почти сбивает с ног, и я, как и прежде, еле держусь, чтобы не застонать. Хочу поблагодарить, но не успеваю.

– Ну вот, – говорит Рравеш. – Теперь у тебя нет причин терпеть общество, которое не нравится.

И уходит. Просто уходит. А мне почему-то кажется, что это он не столько о короле, сколько о себе.

Хочется подобрать вместо шишки камень поувесистее, и запустить в этого идиота. Но я держусь. Молча поворачиваюсь и иду обратно.

А ночью, ни с кем не простившись, покидаю лагерь.

Почему-то я пришла к Берану. К маме идти пока не могла. Слишком много всего во мне было, чтобы убедительно притворяться той, у которой всё хорошо. Нет, умом я понимала, что всё закончилось, как нельзя лучше. Мне двадцать три, я свободна, мой отец, пусть и не совсем официальный, зато готовый признать меня – третье лицо в Империи и баснословно богат, и я могу делать всё, что захочу... Пойти учиться. Выйти замуж. Заняться, наконец, поиском врагов и мстью им... Просто прожигать жизнь на балах... А тоска, она пройдёт. Она всего лишь от завышенных ожиданий. Смешно. Мне ведь казалось, что я-то точно не обманусь, а вот обманулась. Наверное, Рравеш даже меня любил. Немного. По-своему. А может, не так уж и немного... но недостаточно. И ровно до того момента, как ему всё вернули.

Дом Берана легко меня впустил, но хозяина там не было. Прокравшись в комнату и одевшись, я, как полагается воспитанной гостье, уселась в гостиной и стала ждать. И дождалась.

В открывшуюся дверь шагнул Его Величество Император Шайи-Терр.

Признаюсь, мысленно я выругалась. Вот кого мне точно не хотелось больше никогда видеть, так это огненного дракона, непонятно что забывшего в нашем мире и, очевидно, имеющего зуб на меня заодно с Рравешем. Но это никак не отразилось на скорости и почтении, с которыми я бухнулась на колени – этикет позволяет дамам ограничиться низким-низким реверансом и в нём застыть, но в штанах и рубаше это было бы смешно.

Вообще, ему полагалось бы почти сразу разрешить мне встать. Потому что смотреть на него я не в праве, как и подняться без разрешения. И то, что он молчит, меня нервирует – может, он уже нож к моей шее примеряет?..

– Вставай, возрождённая, – наконец, роняет Шайи-Терр. – Вставай и больше не преклоняй ни перед кем колени, отмеченная богиней. “Час от часу не легче”, – мысленно вздохнула я, поднимаясь. Почему я не “метаморф”? Почему “возрождённая”? “Отмеченная богиней” – это я ещё худо-бедно понимаю, наверное, синоним к метаморфу... но возрождённая...?

– Садись, – кивает мне Шайи-Терр, усаживаясь в соседнее кресло. И я вопреки этикету – наглею быстро, да – смотрю прямо на него, и да, даже прямо в глаза.

Сегодня император одет с иголочки, и выглядит... добродушно.

Попросить за Рравеша? – толкает меня глупое моё сердце. Если просить, то именно у него, хотя помощь обещана мне Кирреей. Но я точно знаю, что если она попросит за молодого, привлекательного мужчину, этот мужчина дня не проживёт... Что ещё ожидать от дракона.

– Моя жена была так неосмотрительна, что пообещала выполнить любое твоё желание, возрождённая. Говори, что тебе нужно.

Я медлю, кусая губы. Как уместить две просьбы в одну? Не преследуйте Рравеша и помогите найти завершающий ритуал, чтобы справиться с жаждой. Если этот ритуал вообще существует... Две просьбы. Никак не уместить. Что ж. Во второй мне поможет Беран, даже если не захочет.

– Рравеш, – выдыхаю я. Отчего-то моя способность стройно изъясняться стремительно деградирует. Впрочем, в присутствии дракона всем тяжело.

– За его жизнь уже расплатилась моя жена, – усмехается дракон, а в янтарных глазах мелькает удовлетворение. Киррея расплатилась чем-то куда большим, чем просто близость. Неужели сделала так, чтобы он мог посещать Кирремию?..

Что ж, когда не надо выбирать, становится значительно легче. Спасибо тебе, Киррея, чем бы ты ни поступилась.

– Помогите ему найти ритуал. Завершающий ритуал, чтобы жажда...

Я не договариваю, потому что Шайи-Терр смеётся. А потом говорит:

– Нет.

– Нет? – невежливо переспрашиваю я. Что “нет”, о тщеславный дракон? Нет такого ритуала? Нет, не будешь помогать? Что?

– Я мог бы тебя обмануть, – усмехается и в самом деле добродушный нынче сверх всякой меры Шайи-Терр. – Но не буду. Ты мне нравишься. Ты нравишься Киррее. И я очень расположен к твоему отцу. Так что я скажу тебе правду: ему не нужен этот ритуал, Вербера. Начало посвящения – забрать чужую жизнь, завершение посвящения – отдать свою, чтобы вернуть чужую. Это не разные ритуалы, это один. И ты, – палец дракона почти упирается в меня, но никак не помогает осознать происходящее, вернее, произносимое, – приняла в ритуале самое непосредственное участие.

Я смотрю на него, не моргая, и он снова начинает смеяться:

– Вербера, как можно пропустить собственную смерть?

Действительно, как? Просто. Если ты ещё жива, значит, не умерла. Я, честно говоря, как-то и не предполагала, что может быть иначе. А

получается... получается, что я умерла, а Рравеш... а Кристиан... он... ради меня?..

– То, что он не знал, что останется жив и даже получит от ритуала выгоду, делает произошедшее ещё острее, не так ли? – довольно щурится дракон. – А даже если бы и знал... Богиня принимает и благословляет далеко не всех.

Почему-то я думаю сейчас не о Рравеше, а о тех некромантах, что изувечены половинчатым ритуалом, и мстят этому миру как могут. Мучаются сами, мучают других... Но вряд ли им можно помочь. Где найти того, за кого они будут готовы умереть? Нет таких... разве что у совсем недавно обращённых некромантов... и какое мне до этого дело?

– Других просьб у тебя нет? – усмехается Шайи-Терр.

– Могу я ещё подумать? – год, другой, а там обязательно что-то найдётся...

Император кивает, и, словно не смея войти раньше в собственный дом, в дверях появляется Беран. На императора он смотрит с беспокойством, и тут же встаёт рядом со мной и немного впереди, словно собирается защищать.

– Отвезёшь ему письмо, – говорит Шайи-Терр, поднимаясь. – Я сейчас напишу. Беран, проводи меня в свой кабинет.

Они уходят, а я сижу и, наконец, осмеливаюсь подумать про Рравеша. Мне стыдно. И упоительно сладко. И снова стыдно. Обида настолько застила глаза, что даже исчезновение поводка ничего мне не сказало. Я даже подумала, что паладин лгал. Ну или не очень старался найти способ избавить меня от него...

И я снова не готова отправиться к маме. Сначала мне нужно в Кирремию. Очень, очень нужно.

Глава 31

В особняке Рравеша не оказалось. Экономка – новая, неприлично молодая и хорошо выглядящая – сорок пять лет совершенно недостаточно, чтобы работать экономкой у первого паладина, я уверена – сообщила, что он в своём поместье, а для меня, если я уважаемый Фил, оставлено послание.

Весьма пухлый конверт я вскрывала дрожащими руками, боясь увидеть прощальное письмо. Но нет. Сообщение оказалось коротким и вовсе не от Рравеша – я так торопилась, что не обратила внимания, что печать королевская. Письмо было от Его Величества Киррона. Он выражал мне глубочайшую признательность. Симпатию. Поддержку. Клялся, что изменит – уже меняет! – ситуацию с метаморфами в Кирремии, звал заглядывать в гости в любой момент и в любом обличье... и в знак особой милости слал королевское кольцо. А ещё документы – Его Величество отписал мне всё имущество Лейрона. Лорда Виттора Лейрона, а имущества у него было прилично.

Документы я оставила – уверена, что их Рравеш мне отдаст при любом раскладе, а кольцо взяла. Вдруг пригодится.

Покружив вокруг поместья Рравеша, я поняла, что самый простой способ попасть внутрь – через дверь, а ещё, что пришёл тот самый момент, когда нужно начать мстить.

В получасе езды я заприметила богатую

карету. Без гербов и опознавательных знаков, но, спикировав вниз, я видела в окне её. Её вероломное, неверное Величество Иррийну.

Покружив ещё, я нашла молодого лося, и обратившись в огромного и

очень шустрого волка, безжалостно выгнала его навстречу карете, приводя в ужас лошадей и кучера. Пока последний, кляня всё на свете, пытался справиться с лошадьми, я скользнула внутрь кареты. Ну

здравствуй, королева.

Иррийна была хороша. Тёмно-серое платье из блестящей ткани, в меру украшений, зато каждое – баснословно дорогое, изысканная причёска – вероятно, горничную как и охрану она оставила в ближайшем городе, и только вот без кучера обойтись не смогла... как и без кареты. Пока королева судорожно хватала ртом воздух, не в силах ни вдохнуть толком, ни крикнуть – я держала её за горло, приняв её же облик, я заглянула в сундук под сиденьем. Запасное платье. Отлично. Не придётся оставлять королеву голой в лесу. Оставлю одетой. Тут, в конце концов, пути всего три часа пешком, обратно к городу...

Я выпустила когти, провела по щеке королевы, оставляя царапины. У меня хорошая память, Иррийна. И злобный нрав. Сдавила шею крепче, чтобы остались следы от пальцев, ровно всё как она тогда разыграла.

Ах, да! Ещё не всё!

– Зачем едешь? – пропела я.

– Гу... гуляю! – просипела она.

– Тебе в другую сторону. И пешком, – сообщила я. – Он ждёт тебя?

– Н-нет, – с трудом отозвалась королева. – Я просто хотела убедиться, что у него всё в порядке.

Я... я переживаю за него!

– Переживай на расстоянии, – огрызнулась я. – Подойдёшь к нему хоть раз ближе чем на тридцать шагов, я всё расскажу твоему мужу о тебе и метаморфе, которого ты заставила принять облик Рравеша, чтобы с ним...

Иррийна обмякла у меня в руках. А я... безжалостно вытолкнула её из кареты на одном из поворотов. Подняла брошенные перед превращением в человека письмо императора и кольцо короля, пихнула в карман. Надеть кольцо – выдать себя сразу.

В дом Рравеша я ступила в облике королевы. Особой радости он не выказал и, кажется, в самом деле её не ждал.

– Ваше Величество, что-то случилось? – с прохладцей спросил, застывая на другом конце гостинной.

Дворецкий – подозрительно похожий на вампира – принёс чай и неслышно растворился в глубинах дома.

– Я волновалась за вас, – сообщила я, на всякий случай не подходя к паладину. В прошлый раз он очень быстро понял, что я – метаморф, стоило оказаться рядом. – И... соскучилась. А мило у вас тут... Кристиан.

Мило – это я преувеличила, конечно. Или преуменьшила. Дом потрясал величием... и мрачностью. Тут было красиво, страшно, как уютно, но только не мило.

– Благодарю, Ваше Величество, – сухо отозвался паладин. – У меня всё в порядке.

Я укоризненно посмотрела на Рравеша, и шагнула к нему сама. Теперь шаг назад сделал паладин. И чаю не предлагает... Хам.

– А где эта ваша... – я не договариваю, потому что глаза паладина делаются очень недобрыми. Исправляюсь. – Метаморф.

– У меня нет метаморфов, Ваше Величество, – отзывается он, пряча руки за спину.

Я смотрю на него – в тёмно-синем костюме, закрывшийся от меня... и такой красивый. Кажется, идея была не лучшей, и я сама загнала себя в ловушку. Как теперь признаться, что я – это я?

– Почему вы её всё-таки отпустили? – я смотрю в окно, а там уже сумерки. Иррийна явно рассчитывала, что её не выставят на ночь на улицу. Специально подгадала? Впрочем, толку-то...

– Надоела, – спокойно говорит Рравеш, и я не уверена, что справляюсь со своим... вернее, не своим лицом достаточно хорошо.

Что? Что?!

– Наконец-то, – отзываюсь вслух. – Я сразу говорила, что вам следует от неё избавиться.

– Да, Ваше Величество, – спокойно соглашается паладин.

Ах так?

– Впрочем, я бы предпочла, чтобы вы держали её и дальше на поводке и не подпускали к моему мужу.

Увы, вызвать ревность мне не удаётся, или же паладин владеет собой куда лучше меня.

– Не думаю, что увлечение Киррона продлится долго, – равнодушно отзываюсь он. Не только хам, но и гад!

– Она ведь околдовала его?

– О да, так же, как и меня, Ваше Величество.

Дзынь. Да, я специально. Какая-то очень красивая, но не очень устойчивая ваза рассыпается на осколки. Лучше ваза, чем остатки моего самоконтроля. Рравеш, что ты себе позволяешь?!

– Простите, Кристиан. Я от волнения такая неловкая, – блею голосом Иррийны.

– Пустяки, Ваше Величество, – галантно отзываюсь он. Взмах руки, и ваза снова собралась и вернулась на место.

– Что вы делаете, если увидите её ещё раз? – спрашиваю я, отступая к двери. Что-то мне начинает казаться, что не я одна тут играю...

– Я много думал об этом, – чуть прищуривается Рравеш. – Когда она ушла.

– И... что надумали?

Я тоже завела руки за спину, и даже нашарила ручку двери, но она, зараза такая, и не думает открываться. Хотя замка на этой двери точно нет.

– Что больше не отпуска, – вот теперь Рравеш идёт ко мне.

– Снова посадите на поводок? – вызывающе прищуриваюсь я, кажется, окончательно выходя из роли.

– А неплохая идея, – отзываюсь уже слишком близко подошедший паладин. – На поводке она меня почти любила, а без поводка и знать не хочет!

И голос теперь не бесстрастный. Вот ведь...

– Дурак! – выдыхаю я уже прямо ему в губы.

Целуется Рравеш очень жадно. Подхватывает меня, а я обвиваю его ногами и позволяю нести себя наверх. Не знаю, есть ли в доме у паладина слуги, помимо дворецкого, но нам не встретился никто. Двери распахиваются сами, сами же закрываются... А постельное бельё пахнет ослепительной чистотой, так что слуги, наверное, есть, но разве это важно? И я не знаю, когда сменила облик, и сделала я это сама, или Рравеш перетащил, я знаю только, что острее и слаще быть не может. Говорят, примирение после ссоры всегда такое...

– Так что там насчёт поводка? – спрашиваю я, обводя указательным пальцем руны на теле Рравеша. Где-то там в платье, валяющемся на полу, лежит письмо от императора. Наверняка, важное. Может, даже срочное.

– Вербера... – паладин берёт мою руку, переплетает пальцы. – Ты будешь моей женой? Беран отказал мне, когда я попросил у него твоей руки, и я – некромант, хотя жажда и молчит подозрительно последнее время, и я...

– ...дурак, – подсказываю я. Я тоже не то чтобы вела себя умно, но об этом пока промолчу.

– Возможно, – соглашается паладин-некромант. – Итак?
– Сначала письмо, – говорю я. – Тебе сам император Шайи-Терр написал письмо.
Время я тяну... просто так. Мне эгоистично приятно, и всё тут.
Ну и интересно, что в письме. Надеюсь, что ничего плохого, и я всё равно соглашусь, что бы там ни было, но любопытно.
Заглядываю паладину через плечо... и о! Узнаю много чего нового...
– Я уже почти было согласилась, – разочарованно тяну. – А ты, оказывается, наследник какого-то там принца... и королевство у тебя проклятое. Не зна-а-аю...
А на самом деле мне становится вдруг страшно. А что если он согласится на предложение Шайи-Терра породниться с любой знатной фамилией империи? Или решит вообще с браком не спешить?..
Впрочем, сам Кристиан удивлённым новостью о том, что он ведёт род от принца проклятых земель, совершенно не выглядит. Точно. Шайи-Терр его уже так называл...
Рравеш молча садится писать ответ, как был, совершенно без одежды. Но смешным это почему-то не выглядит.
Мол, приветствует Его Величество. Благодарит за великодушие и понимание, согласен принять ответственность за проклятые земли и обязательство очистить их, на предложение брака также согласен, имя избранницы – Вербера...
– Как твоё полное имя? – спрашивает меня.
Я хочу возмутиться, что ещё не согласилась. Но... просто говорю своё девичье имя, а Рравеш его просто вписывает.

Эпилог

К маме я всё-таки пришла. С Рравешем. И мне кажется, что он ей понравился. Понравилось, как он смотрел на меня, и как я на него. Как разговаривал, и что именно говорил. То, что некромант – не понравилось, но с Его Величеством Шайи-Терром не поспоришь, а он взял на себя труд лично явиться к маме, за что, вероятно, надо благодарить Берана.
До свадьбы Рравеш собрался наведаться в проклятые земли, а также, оказывается, он всё ещё не отыскал того вампира, да и Главный инквизитор куда-то подевался, как и Янна, с которой спал поводок, пока паладин пытался умереть вместо меня... Я хотела призвать на помощь Филиппа, но у меня ничего не вышло – Кристиан говорит, что когда я умерла, кровь потеряла свою силу, вот он и не приходит. А напоить его снова вряд ли удастся.
Я тут же вспомнила высшего демона со стаканом, и порадовалась, что он либо уже сотворил, что хотел, и это никак на нашем мире не отразилось, иначе мы бы, наверное, уже знали – высшие демоны на мелочи не размениваются, либо не успел, и кровь потеряла силу.
Впрочем, демон же говорил, что я там умру, так что, наверняка, провернул всё, что ему было нужно.
Брать меня с собой в проклятые земли Рравеш категорически не желал. Теперь, когда поводка не было, и моя жизнь не привязана к его, он превратился практически в Берана. Безопасно остаться дома. И всё тут. Ирби, пообещай остаться дома и готовиться к свадьбе. Нет, не возьму. Пообещай.
Я... призвала благословение богини на голову упрямого некроманта. И он сам пообещал всё, что мне было нужно.

* * *

Жил на свете паладин, заслужил он этот чин, Был отважен и бесстрашен, не боялся
рукопашной, Круто магией владел... но остался не у дел.
Жил на свете метаморф, за себя на всё готов, В дом проник он к паладину, не жалел на это силу,
Но попался сам в силок, появился поводок.
Время делает виток, жалит шею поводок.
Книги врут, горят страницы... С метаморфом подружиться?
Метаморфу доверять?! Как себя не потерять?
Безрассудны наши чувства, лгут глаза, и лгут нам буквы, Губы лгут легко и споро... нас дела
рассудят скоро.
От врага шагнуть до друга... прочь из замкнутого круга!

/9j/4AAQSkZJRgABAQEASABIAAD/2wBDAAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8
IJCiFlEiEmKzcwJik0KSEiMEExNDk7Pj4+JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAAQoLCw4NDhwQEBw7KC
IoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/w
AARCAWgA78DASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAAUUBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAwABAgQFBgcI/8QASx
AA AgEDAwIEAwUFAwGJBQADAQIAAwQRBRIhBjETIkFRBzJhFCNCcYEVM1KRKiRichY0Q0RFobH
RFyU1U1RVc4LhJmODk8E2dPD/xAAbAQADAQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAQIDBAUGB//EADgRA
A ICAGlCAQMCAUEAgEFAAABAhEDIRIxBEFEyJRMmEGFCNxMzRCgaEVJFKRFRFDYtHh8PH/2
gAMAwEAAhEDEQA/APMg7Yj03bdmMgJTMnTU7CZ117Oe/Q9ZtzbvpKrsSYVG3d/eTekCOJk
5MpVEqbDnKnkxNSZW3GT8Goz+WPUyMKTIIHRcewVV08uR6yyyDwi4gX8PbyvJlvTafj1Dbn
uYlvQ26NrpS5DoymV+o7DDm4HYzQ0zSzYVSPeV+pKpWgtP2myVKjn5fdZyyfOJJ1zUibCKG
kUJdyfaZUDhZapJtIMNVQPiVqdTL7Yaq5QDMCGUmzSqsVvNrRaC0aLVCE8yb0LTV/Uy9Tar
TsgRnkS4xsUnSNM39up2/ilmmaVWnuBmAHPqgJzQtO7bsnaW4Gdk9WIYBT6TNfYlviWb2t
wvqTM5t9WoFA9ZnWzSI4wNplgHKRXdE29JAVxmQoncImEnaBYw8RJfiErLt5jLhRn3iofoh
24kWTbx7yTak5EY98+0KCwe3aeZJU3HMDju7SSHlJGpt3DaYNqfhHhahwvHeDoks3n7QB
ECYIIMOaaN2MiaGI+OhKdaJUqoRdggKpJOYwXDwjAYmPsv0CRvSld45WMO80RBJhXJ0PP3k
WPEIToxeJrQgdwdpwJK3olvNEKRepky2ibeBJS2NyKVXipD2iqzsD7QFypFSPbMfExCther
Dmz7kSFK2ZKzmZf8AlSRJPfEZPJgOsyX1IEEvSNGMYGMAg5kKvLj7sCCL5gFEAMR/wAMize
xA8QCih4oWIViHfBjvDJTB5iCy4WFSniZ9VfCqhRzuhHdk4EalXRTuqjJHaJjSBMo8QCPX
QqNue8IV+/qb0GBE1vUchs5AghAXqMKewQS5UbpddKa0/N3IY7cfSS0VFfiU7PN7yzRu+cGV
FO44k9oHlkYxKfY7aLF04d1b6QIqntIBiTzCDZiCgoqkJuyQPrIPzF6xES1HRn7B4iiY4Me
CNBxJU9wrK5+RDMRefJxj0glYF2tWTUb6kaylaQ4zJanZPp9UGjzQZEDE9/Qq6etqKW2ov4
oRK1W8sxbuMqg+aZiTOhWVqtYVLFfBuXIJ2IVOAJI0wC6n8MNQuvDtBRLeMcTRaViBCuA
mMR6VMOCcSFTGMgQ9pVG3bt8UJkqVHaNoas4PEJUqYXb2lbYznMhv0KhU6pt23L+KPUrGo
wzIuvyiJgMiCpDsIduBB1nAG2RqcAHPaBYmpzBrY0i5b08rujCl5zCWxxSxE4IIM1SIbK9V
MGMAQv5wtgdAJIgPRUiYz7KRWczMejEcNtMenMkLG2bgIbZ91xImmxTKySEqvmj2NSFbqOY
Qbd+I1JkGee8YJufcJopUQ2SdAp49ZJUkVbLY9paVfLmJ5FYllggwYHZ96TCVGwelipK5IN
2WOvzS1RuGUSslMkZjii4BOZC42W5aotmqagPMqvS3A57xUg6+sjUYh85kSTsxkgbs2Niia
FldslE0XGBiVUXHnI4j1qwanleJhlIOjPumlrswlzSs1KkEyK4517TqPhncJ0xVtI2WeKVU
PqW5EwJkKdrZnRXYR080wqlPFTjtFJL0ZtNdIinc0/Ay55hresKh8kzK9uanyGaGmUfATzm
ZSiilGNFis3hLu9ZWWtUqP24kqhApXbPywdWsadI7F5kwWjL3QarWppTYMecTCqsGfyCHoO
bio3iN2kHpOW+7QzeEaZ2xjFRsrOr5hbVM1RmS+z1GfD8fnLdC2VG4bOJcmZznouimuwsQO
BgQNEExMEX61XYfLOarOWwpJMiyZQj1MhQrb2wZa8mRzJdopfuUKVJ3bw8S0lt4B511UpW6
+I2Myu9TnxLDtL5Jo2+rKqHtrKi48Mg7jIX9qbFQq/imqKSNX30yMiVbqnUuqhL9knpsmzM
SzXwd57mCO1TiEq13fKp8o4lbaxOTI0ilb7Hq1HAGzEBVHIb1hGf09pFhvEwk7ZstDjYwXd
3hLGsLPUxVeVIUk4k3x41JTycxR0xy6Omr9SIKq+SUtbvKVxSV2HJmm2j0KttQqKmtxmZPU
VOnTqhBwRjidDaOdLzJVUWoFHpJqqUwQItYhVkgU78znvZ0pEqIAqZh66+lv5QJ8o4k1q/d
tmBLB1QIRFDZ47S8lw7WwpkDa00qUwrpkw1swZ9h7TTG3ZGRaEzU3TD4iooOcfLLVbTh8wM
ailOidrzSsxRRcRuUQi5I9czYt7CgrqQvMnSs7dDvQgk95YXy1BIaLsy9ewVAIHHA9YDcCN
s6LVrcVaTP7TnbVj9rFP0zM2rZcemEuPk+sEnmA3zU1G0CUMj2mUhONuO0TVDg7WyToqjCy
B5UxMoBzJLywiT3RVVsANyGEXOdW7wlZBjIjUSOXINUJOxgSc5gi7F8SwR3xBKvnl1sE6GX
xFMLvbHMOUXAgXmvFpGakpMhkKd78rSZpPVXxKZ2p9YIHbU3MMr7SbOah852U5ztM2Togu
WOB/OOwVfzh0o1bphRsaD1SfZZ1ujfCzVdVRatUmip75EzyZseJXJjUJSOLJp45cZkqaz7